

Нина Гарельшева

В жерновах репрессий

Нина Гарельшева

В жерновах
репрессий

12 км Московского тракта Место скорби.
Поминальная молитва, июнь 2016 года

Выражаю сердечную благодарность за финансовую поддержку, благодаря которой стало возможным издание этой книги:

**Отто Андреевичу Збыковскому,
Марии Григорьевне Молчановой,
Анне Яковлевне Пастуховой,
Варваре Валерьевне Потаповой,
Галине Николаевне Усовой (Маньковой),
Елене Петровне Ярутиной.**

Нина Гарельшева

В жерновах репрессий

Екатеринбург
2017

ББК 63. 3 (2) 614-361

Г 21

Гарельшева Н.

В жерновах репрессий. / Н. Ф. Гарельшева. Екатеринбург.
188 стр.

Эта книга о жизни нескольких семей в 30-е годы
прошлого столетия – попытка показать судьбу целого
поколения во времена Советского периода и последствий
Большого террора.

ISBN 978-5-905-227-02-08

© Гарельшева Н. Ф.

К ЧИТАТЕЛЮ

Ежегодно 30 октября отмечается День памяти жертв политических репрессий. Вблизи Екатеринбурга, на 12 километре старого Московского тракта к Поклонному кресту съедутся со всей Свердловской области, из разных городов родственники тех, кто был безвинно уничтожен, расстрелян в 30-е годы прошлого столетия. Прибудут священнослужители разных конфессий, представители власти, чтобы почтить память покоящихся здесь жертв, зарытых в общей яме. Трудно представить размер этой ямы, если в ней более 18.000 человек! Многие годы эти злодеяния были засекречены.

Но «Все тайное становится явным». Теперь имена жертв мы читаем на каменных плитах-стелах. Если пройти возле этих плит, мы увидим, что уничтожены были в основном мужчины в возрасте от 18 до 50 лет, в самом трудоспособном возрасте. Не избежали горькой участи люди и более пожилого возраста, а также женщины.

Какое же это было безумие! Уничтожать собственный народ, цвет нации: учёных, писателей, артистов, священнослужителей в такое время, когда над Европой уже нависли тучи, грозящие большой бедой.

Уничтожить командный состав армии, опытных офицеров, военачальников! Расстреливать, загонять их в лагеря на верную смерть от голода, холода, болезней, от непосильного труда, использовать дармовую, рабскую рабочую силу. Обездолить тысячи тысяч семей, сослать в Сибирь и на Север с малыми детьми в условия выживания. Многие умирали уже в пути. А потом собирать по лагерям оставшиеся в живых светлые умы, объединять их в «шарашки», где они работали на оборону страны.

А какую армию чекистов надо было мобилизовать, чтобы раскрутить эти гигантские жернова репрессий, это «красное

колесо»! А после, чтобы скрыть следы беззакония, произвола, их же и уничтожить новыми силами чекистов.

Восемьдесят лет прошло с того страшного времени, тех массовых репрессий, особенно 1938, самого расстрельного года, но многое ещё – под плотной завесой секретности. И, кажется, никогда не будет раскрыта до конца эта тайна, так глубока она и так обширна.

Всё меньше остается в живых детей репрессированных отцов и матерей, новое молодое поколение – внуки и правнуки – уже не так остро воспринимают горечь потерь, больше умом, нежели сердцем. Это закономерно, время все дальше отделяет нас от тех страшных лет. Но мы, кто ещё жив, дети загубленных родителей, не должны предавать забвению пережитые нами трагические события, и для будущих поколений надо издавать книги, снимать фильмы, чтобы сохранить память о наших предках, безвинно погибших в чудовищных жерновах репрессий.

I

СУДЬБА МОЕГО ОТЦА

*И в черные годы блестели снега,
И в черные годы пестрели луга,
И птицы весенние пели,
И вешние страсти кипели.
Когда под конвоем невинных вела,
Деревья вишневые нежно цвели,
Качались озерные воды,
В те черные, черные годы.*

*Лариса Миллер**

ПРЕДИСТОРИЯ

В начале 30-х годов прошлого столетия в СССР началась коллективизация. Крестьян, имеющих скот, зерно, строения, технику, раскулачивали. «Кулаков» обвиняли в «контрреволюционной деятельности», в саботаже. У них конфисковывали зерно, лошадей, коров, все имущество. Их лишали всех прав, подвергали арестам и ссылали в отдаленные районы (Сибирь, Казахстан). Нежелающих вступить в колхоз репрессировали.

В декабре (27) 1930 года Сталин провозгласил «ликвидацию кулачества как класса». Насилие применялось и к другим общественным группам. В 1932 году в стране был страшный голод. Условия жизни народа сильно ухудшились, это стало вызывать недовольство. Начались разногласия в ВКП (б). В работе промышленности по причине нерационального планирования было далеко не все благополучно. Планы

* Лариса Миллер здесь и далее «Новый мир» №8, 1999, Москва

не выполнялись, из-за устаревшего оборудования. Все это списывалось на «враждебные», «классово чуждые» элементы. В 1935 году позиции Сталина и его сторонников набрали силу. На многочисленных митингах и собраниях Сталина провозглашали как гения. Его называли «Ленин наших дней», «Сталин – наше сердце». Так создавался ложный авторитет Сталина, который впоследствии будет определен как «культ личности».

В марте 1937 года на пленуме ЦК партии Сталин доложил, что «страна оказалась в чрезвычайно опасном положении из-за происков многочисленных саботажников, шпионов и диверсантов». Речь Сталина еще больше усилила репрессии. Газеты публикуют материалы под хлесткими заголовками «Просчитались гады», «Бешеных собак расстреливают», «Смерть звериной своре» и т. п. Затем проходили митинги трудящихся, шли письма в газеты с просьбой наказать «преступников». Начались подробные публикации о судебных заседаниях, приговорах.

Отступление. Недавно мне довелось быть в библиотеке им. Белинского, (Екатеринбург), я просматривала подшивки газеты «Уральский рабочий» за 1936 – 1938 годы. В 1938 году опубликованы подробные отчеты о судебном заседании, допросы «членов троцкистского блока» и приговор – к высшей мере наказания приговорены 15 человек. Протокол подписан Ульрихом.

Однако продолжим тему.

По постановлению ЦИК и СНК СССР от 1 декабря 1934 года следствие по делам так называемых «террористических организаций» должно было вестись в ускоренном порядке (до 10 дней). Судебные слушанья проводятся без участия сторон и свидетелей. Закон не допускал ни обжалования приговоров, ни ходатайства о помиловании. Смертные приговоры приводились в исполнение немедленно. Таким образом, были узаконены казни без суда и следствия. Пик репрессий пришелся на 1937-1938 годы. Количество заключенных в тюрьмах и лагерях к 1940 году достигло 10 миллионов.

В 1937 году расстрелы военачальников стали массовыми. За два года чистки в армии исчезли 75 из 80 членов военного совета; 11 замов наркома обороны; 14 из 16 генералов армии; 90 % корпусных армейских генералов; 35 тысяч из 80 тысяч офицеров. Перед самой войной на их места пришли необученные кадры. Все это трагически отразилось в Отечественной войне и в послевоенные годы на судьбах советских граждан, на жизни всей нашей страны. Вот история лишь одной семьи из многих миллионов разрушенных семей.

СУДЬБА МОЕГО ОТЦА

Так сложились обстоятельства, что после ареста моего отца Мали Франца Францевича 26 февраля 1938 года и осужденного по статье 58 п.6 к 10 годам пребывания в ИТЛ без права переписки, 20 лет семья жила в полном неведении о его судьбе: жив ли он, расстрелян или сгнил в сталинских лагерях – неизвестно.

Когда началась массовая реабилитация безвинно погибших в застенках тюрем, расстрелянных или замученных в сталинских лагерях голодом и непосильным трудом миллионов граждан своей страны, нам выдали «Свидетельство о смерти», где значилось, что «Мали Франц Францевич 1894 года рождения умер от воспаления легких 6 ноября 1940 года». Только дата смерти, и больше ничего. Естественно, возник вопрос: где же мой отец окончил свою жизнь? Где был расстрелян или замучен до безвременной смерти, узнать было невозможно, всё покрыто тайной. В июне 1958 года я обратилась в органы госбезопасности по поводу пересмотра дела моего отца. Нам выдали документы о реабилитации с известной формулировкой: «Признан невиновным за отсутствием состава преступления». Одна эта фраза снимала с нас ненавистное, унижительное клеймо «СВН» – семьи врага народа. Но она не могла унять горечи утраты, сердечной боли за мучения отца, компенсировать годы унижений, лишений, искалечившие судьбу нашей семьи.

Затем дали справку о том, что на день ареста «Мали Франц

Францевич работал мастером смены на хлебозаводе «Автомат» в г. Свердловске. Совместно с ним проживали жена Мария Владимировна, дочери Нина и Валентина». К этой справке от 2 сентября 1958 года прилагалась еще одна с такой формулировкой: «Справка выдана для представления по месту работы Мали Ф.Ф. на предмет получения его 2-месячного оклада по тарифам, существующим на момент реабилитации». Справка подписана начальником отдела УКГБ по Свердловской области.

Я отправилась на хлебозавод за получением «компенсации». Как-то быстро среди работников завода пробежал слух о том, что пришла дочь Франца Францевича (видимо, услышали знакомую фамилию Мали, когда я в бухгалтерии назвала своё имя), и меня окружили несколько женщин. Убедившись, что я дочь Мали Ф. Ф., они стали расспрашивать о судьбе отца.

Мы вышли во двор и сели на скамеечку, на том самом месте, где папа вместе со своей стахановской бригадой сфотографирован у бюста В.И. Ленина. На старом фото за спиной сидящих были низкие кустарники, теперь выросли могучие тополя. Я рассказала о моих скурых сведениях об отце, женщины горько, искренне сожалели о нем. Две из них, кто знал отца близко по совместной работе, плакали, вспоминая о том, как отец был добр и внимателен к подчиненным и какой он был специалист в своей профессии. Ни за что пострадал такой человек.

Я показала фото отца с бригадой, спросила, остался ли в живых кто-либо из мужчин, работавших с папой. Женщины, перебирая в памяти известные им имена, с сожалением сообщили, что некоторые уже умерли, другие вышли на пенсию. Прощаясь, просили приходить ещё.

Мне пришлось ещё раз сходить на завод, так как мне выплатили двухмесячное пособие по ставкам 1938 года. Вскоре я узнала, что это нарушение закона, советовали обратиться в прокурорский надзор, что я и сделала. Прокурор возмутился нарушением закона. И сказал: «Сейчас же поезжайте на завод». Я посетовала, что уже до конца рабочего дня осталось совсем

немного времени, я не успею доехать. На что получила ответ: «Не беспокойтесь, он (юрист) Вас дождется после моего наставления». Заводской юрист был теперь подчеркнуто вежлив со мной, в кассе выплатили разницу в окладах. По тем временам она была для нас существенной. Смена уже кончилась, и тех женщин я больше не встречала.

Но я отвлеклась от основной темы. Прошло еще 40 лет, и только когда в 1998 году чуть приоткрыли архивы, я впервые взяла в руки «дело» моего отца. Мы пришли в Областной государственный архив с моей сестрой Валей. Перелистывали страницы сфабрикованного «Дела №26738» и плакали, потому что так было легче переносить нам, женщинам, то, что там написано. Как же переносили эти минуты мужчины? Известный писатель В. Аксенов, сын Евгении Гинзбург, написавшей «Крутой маршрут», был потрясен. Он сказал: «Чтение архивов советского гэбэ наполняет душу мраком, а тело – свинцом. Особенно, если ты читаешь «дело» собственной матери». А мы читали «дело» отца.

Это было не начало и не конец событий, это был ложный документ, определивший судьбу отца. А на каком основании он был арестован, что послужило началом возникновения этого дела, кем и в чем он был обвинен, на чем основывалось это обвинение, где закончилась жизнь моего отца, похожая на миллионы других жизней? В «Деле» ничего этого не было. Как положено по циркуляру, в нем соблюдена последовательность всех следственных действий.

1. Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения. 2. Ордер на арест, выданный 26 февраля 1938 года. 3. Протокол обыска. 4. Два протокола допроса (март 1938 г. и сентябрь того же года). 5. Заключительное обвинение. 6. Приговор.

Но самое главное, что стало маленькой зацепкой, тонкой ниточкой, ведущей к дальнейшим поискам - это извещение в самом конце дела под литерой «А».

1 спецотдел НКВД СССР (3-е отделение) Москва. Извещение.

«Сообщается, что постановление Особого совещания при НКВД СССР от 9. 1X. 1938 г. по делу Мали Франца Францевича исполнено, последний по сообщению Нач. тюрьмы Свердловска от 20. X. 1938 г. этапирован 20. X. 1938 ст. ЯР-Фосфоритный, Вятлаг НКВД. Нач. 8 отдела УГБ УНКВД С/О сержант Госуд. безопасности (Кузнецов). Пом. о/уполномоченного УГБ сержант Госуд. Безопасности (Гагарин)».

Значит, отец с 26 февраля по 20 октября находился в нашем городе в тюрьме, а семью держали в полной неизвестности. 22 сентября ему исполнилось 44 года. До его мученической смерти оставалось 2 года и полтора месяца. Видимо, больше он перенести не смог. Представить мучения заключенных в лагере стало возможным, когда после долгих поисков я добралась до самого близкого расстояния от места гибели отца (2002 год). Но в 1998 году мне ещё не было известно, как фабриковалось «дело» на моего отца, не было самого начала. Этот факт был существенным пробелом в череде событий, предшествующих его аресту. Сведения об этом я узнала только осенью 2015 года, узнала имя доносчика, причем совершенно случайно.

Говорят, случай – закономерное явление. Я склонна доверять этому высказыванию: значит, стоило мне жить до очень пожилого возраста, чтобы дожидаться такого случая, который приведет меня, наконец, к первоисточнику, из которого я узнаю самое начало, определившее конец моего отца, чтобы пережить ещё раз умом и сердцем то, что выпало на его горькую долю. И вот теперь, когда я имею полную картину всех злодеяний, я хочу представить все с самого начала в хронологическом порядке.

Прежде всего, я должна познакомить читателя с автобиографией отца, но написана она не его рукой, а как будто под диктовку. Почему и для чего – неизвестно. Дата 20.01.1937 года. Через год он будет арестован. Привожу её дословно.

* Здесь и далее орфография и пунктуация в официальных документах по оригиналу.

АВТОБИОГРАФИЯ

«Мали Франца Францевича. Родился в Чехословакии село Камо в 1894 году 22 сентября в семье рабочего. Отец рабочий каменщик по найму. Воспитывался до 14-летнего возраста у отца, учился в народной школе- семилетке. Школу окончил в 1908 году, получив семилетнее образование. После окончания школы пошел работать по найму. До 1914 года работал в системе хлебопечения в качестве мальчика-подручного у хозяина пекарни в с. Камо.

В 1914 году призван на военную службу. Прослужил два месяца, и нас отправили на Сербский фронт, а потом в Карпаты на русский фронт. 13.02. 1915 года попал в плен, и нас отправили в Верхнеудинск в военный лагерь, где пробыл до 1916 года. Из Верхнеудинска в июне месяце 1916 года отправлен в Калатинский завод, где я проработал до 1917 года в качестве рабочего шахтера. Как военнопленные мы находились под стражей. После революции 1917 года, завоевания власти рабочих и крестьян, мы, освобожденные, выехали в город Екатеринбург (Свердловск). В Свердловск приехали в ведение военнопленного пункта, из него ушли на работу. Я – в пекарню.

После переворота 1918 года был переведен в лагерь военнопленных в Орзавайские казармы. Пробыв три месяца, вновь возвращаюсь на прежнюю работу в пекарню. Там проработал до 1920 года. После отступления Колчака остался жить в Свердловске. Поступил на работу в железнодорожную пекарню. Был болен два месяца тифом. Затем поступил в гарнизонную пекарню как вольнонаемный. Вследствие того, что вольнонаемным не разрешалось работать в таких пекарнях, я был уволен.

В феврале 1921 года я поступил на работу в пекарню «Потребкооперации», где работал в качестве мастера до 1926 года до организации системы «Хлеботрест». До 1931 года работал в системе «Хлеботрест» на хлебозаводе №1 в качестве бригадира и технического руководителя завода. С 1931 года являлся директором пекарен № 1 и № 4 как выдвигенец от

предприятия. Являюсь ударником труда. С сентября 1931 года вступил в ряды ВКП (б), членом профсоюза состою с 1919 года. С октября 1935 года трестом хлебопечения переведен на работу на хлебозавод «Автомат», где и работаю по настоящее время начальником смены». Подпись Мали.

«Справка. Мали принят в члены ВКП б Сталинским РК ВКП (б) будучи иностранцем». (Об этой справке мы вспомним позже, она очень важна для понимания сути происходящего).

Ни слова не сказано о семье, о родственниках отца. Поэтому добавляю необходимые сведения. На момент написания автобиографии семья состояла из четырех человек: жена Мария Владимировна, 37 лет, дочери Валентина, 12 лет, и Нина, 5 лет. По данным этого же года в Чехословакии, на родине отца, проживали: отец Мали Франц, 68 лет, каменщик, мать Мария, 70 лет, домохозяйка, братья: Эдуард, 46 лет, шахтер, Антон, 40 лет, каменщик, Йозеф, 28 лет, шахтер. (Сведения об этих родственниках будут указаны во время допроса).

Переписка с родственниками осуществлялась до 1931 года, в основном с братом Антоном. При обыске были изъяты, как видно из акта, 12 фотографий. К счастью, остались несколько фотографий, которые были у наших родственников. Это родители отца, отдельно отец, брат Антон с семьей – с женой и тремя детьми – и отдельно дети Антона – Франц и Эрн. Все они есть в этой книге.

КАК ФАБРИКОВАЛИСЬ «ДЕЛА»

Как я уже сказала, только в сентябре 2015 года я имела возможность ознакомиться еще с одним «делом» отца, которое и послужило началом конца его жизни. Это дело хранится в архиве Центра документации общественных организаций Свердловской области. Именно здесь находятся документы на тех, кто состоял в партии ВКП(б). Замечу, что в 1958 году, когда отец был реабилитирован, я обращалась в Партийный архив,

он располагался в те годы в печально известном ныне Доме Ипатьева, где расстреляна царская семья. Но мне отказали, посоветовали обратиться в Областной государственный архив. В то время доступ к партийным делам был ещё закрыт.

Читала теперь эти документы и, словно сама стояла у распятия, слушая несправедливые обвинения. Пыталась представить состояние отца, человека честного, который с подросткового возраста трудился, осваивал секреты хлебопечения, любил свою профессию, преданно служил ей, был передовым рабочим, стахановцем. Сохранился снимок, где отец, будучи начальником смены, запечатлен с лучшей стахановской бригадой во дворе завода у бюста В.И. Ленина. (Об этом фото я уже упоминала). Отец поощрялся поездкой в научную командировку в Ростов-на-Дону, откуда, помню, привез ароматные яблоки и арбузы. Открытка с изображением красивого здания, которую он прислал нам из этого города, долго хранилась в семье, также как и вырезка из газеты, где он в пекарском колпаке, в белом халате стоит у тестомесильной машины с надписью под снимком: «Мали Франц Францевич, передовик производства у первой тестомесильной машины».

Отступление. В данное время я пытаюсь найти это фото полагая, что оно было опубликовано в газете «Уральский рабочий». Но в каком году – не известно. Думаю, что это происходило, когда «колесо репрессий» ещё только набирало обороты, вовлекая все больше людей в свои гигантские жернова. Может быть, год 1935. Это моя работа еще впереди, но я надеюсь, что мне повезет.

На время ареста отца красный террор уже достиг своего апогея.

План, спущенный сверху, требовал жертв. Правых или неправых, не имело значения, был бы человек, обвинения всегда найдутся, их в застенках КГБ в те годы был полный арсенал. Поиски врагов продолжались. В случае с моим отцом все началось с доноса директора хлебозавода «Автомат» тов. Сивкова В. Д., основанного только на словах.

Он пишет: «Мне было поручено общим парт. собранием выяснить. 1) Вели ли контр-револ. разговоры т. Аристов, Мали. Мною установлено по сообщению зам. нач. рай. отд. милиции т. Баранцева, ему поступил материал от Асодмильца, который рассказывает следующее: Аристов, Мали и Маликов выпивали в столовой втузгородка и были взяты, т. е. задержаны. В докладной на имя начальника сообщено что Мали говорил про врага народа Пятакова (в другом контексте он назван бандитом) что он хороший работник, что его неправильно судили и т. д. То есть были установлены факты контр. революц. настроения Мали, который агитировал Маликова, а Маликов слушал и не возражал. Считаю, что Мали ни на одну минуту не может быть членом партии. Член ВКП(б) с 1919 года В. Сивков».

Директор завода, видимо, считает, что этого мало, пишет еще один донос: «Прилагаю докладную. Начальник смены Мали не дал распоряжение выпекать хлеб в течение 4 часов 5 ноября, т. е. сознательно сорвал выпечку хлеба в Октябрьскую годовщину. Мали мною снят с работы, уволен с завода, отдан под суд, но при этом считаю необходимым сообщить следующее: 1. Мали делал попытку свалить всю вину на своего помощника выдвиженку Васильеву, сам Мали вступил в ВКП(б) в 1931 году, а подданство СССР принял в 1936 году. Директор завода Сивков, член партии с 1919 г.».

Доносчикам полное доверие, а одному из лучших работников завода с 18-летним стажем, не имевшим ранее ни одного нарекания ни по производству, ни по партийной линии, доверия нет. Более того, начинают припоминать разные «преступления».

«РАСПЯТИЕ»

16 ноября 1937 года на хлебозаводе «Автомат» состоялось партийное собрание, где присутствовали 15 членов ВКП(б) и 2 кандидата в члены ВКП(б). Повестка дня: 1. О партийности Мали; 2. Отчет пропагандистов Титова, (вторая фамилия неразборчива).

Протокол партийного собрания № 19

16/Х1 -1937,

присутствуют 15 коммунистов и два кандидата.

Клюкина, секретарь парткома. Мали не выполнил задание главного инженера, не принял мер. Только товарищ Аристов, который сменил его, принял меры. Но городу не додали хлеба. Директор Сивков снял Мали с работы, исключил его из партии.

Тов. Сивков. Говорит то же, что и в докладной и добавляет: «Тов. Спицин, член парткома завода, сообщил: «Считаю личность Мали по национальности австриец – имеет среднее образование (7 лет) весьма подозрительным и настроенным враждебно к советской власти, двурушнически пробрался в ВКП (б) в данное время исключен из партии. Я делаю вывод, что никто другой вёл контрреволюционные разговоры, как только Мали. Он не явился на демонстрацию, мне кажется, он злобно сделал срыв, он не может быть членом партии».

Мали Ф.Ф., то есть моему отцу, предъявляют три обвинения: вёл контрреволюционные разговоры; сорвал выпечку хлеба в канун 20-летия Октябрьской революции, скрыл иностранное подданство при вступлении в члены ВКП /б/. Сейчас как раз будет к месту вспомнить справку, в которой выше говорилось, что «Мали принят в члены ВКП (б) будучи иностранцем». Так где же тут сокрытие? Всё было известно.

Мали отвечает: «Мне бросают обвинение, что я вёл контрреволюционные разговоры. Эту вину я на себя не принимаю. Когда мы были в столовой Обупстроя, выпили пива, я рассказывал, как был в научной командировке, а Маликов рассказывал, как у него растут яблони. Виновен я в том, что не проконтролировал распоряжение гл. инженера Полянского. Васильева, как мой заместитель, знала распоряжение гл. инженера, но не выполнила. Она работает только в тестомесильном цехе и отвечает за тесто. Она отпросилась у меня, так как у её мужа был вечер, я её отпустил, поверил, что она всё сделала. Васильева дала задание дрожжевому мастеру в 1 час ночи, вместо 10 часов вечера, в результате чего выпечка была задержана на 4 часа.

Когда в 1931 году я вступал в члены ВКП/б/, имея иностранный паспорт, меня никто об этом не спрашивал и не предупреждал, я этот факт не скрывал. На демонстрацию не ходил, потому что болят, подкашиваются ноги. Замечаний, нареканий по партийной линии и по производству я никогда не имел». *(Да, действительно, как рассказывала мама, после перенесенного брюшного тифа у папы часто болела голова, а ноги были застужены еще в лагере для военнопленных).*

Далее привожу коротко высказывания всех, кто выступал на собрании, без этого не будет полной картины.

Г-вов (неразборчиво). Мы выслушали тов. Ключину и Сивкова. Почему обвиняют только Мали. Тут виноват и гл. инженер, почему он не явился на работу и не проверил праздничное задание? Вопрос разбирается партийный, нельзя решать с кондачка, настаиваю дело доследовать.

Кошелкин. Мали виноват, но виновны и директор, и Ашихмин, не проверили, как выполняется задание.

Лихолетов. Тов. Сивков дал не точное объяснение с кем был и что говорил Мали. Документами это не доказано. Надо было директору и техноруку приехать и проверить перед праздником. 4/Х1 Аристов и Мали были премированы к празднику, а сегодня мы Мали обсуждаем.

Черепанов. Я был дежурным по хлебозаводу 5/Х1, мною было проверено, что в экспедиции хлеба достаточно. Но получился прорыв, я пошёл к нач. смены, и мы составили акт.

Титов. Мали правильно исключить из партии, но Ашихмин тоже допустил грубейшую ошибку, сократил заявку с 38 т. до 28т.

Ашихмин. Вину свою не снимаю, я уменьшил заявку, дал на основании старой заявки, т. к. новой не было. Мы не додали 3 т., а стали проверять – 8 т. дали лишнего. Мали знаю давно, работает хорошо, примерный. Мали дать выговор.

Раицин. Мали виноват, но и Васильева виновна не меньше, она отвечает за технологический процесс. Распоряжение гл. инженера совершенно неправильное, оно ни о чём не говорит. Для меня не

понятен разговор о Мали, что он вел контр. революц. разговоры. Документов нет, а мы его обсуждаем, надо всё проверить.

Скоробогатова. Мы говорим о контр. разговорах Мали, но факты не подтвердились. Мали знаю давно, замечаний он не имел. То, что не проверил задание, он несёт наказание, дать ему строгий выговор. Наш хлебозавод работает не по плану: то не додадим хлеба, то передадим.

Березовская. Мали виноват, но не в меньшей мере виновны дирекция и гл. инженер Полянский. Он дал заявку неправильно: начать выпуск хлеба только в 2 часа. С Васильевой поступили очень мягко, перед праздником не должно быть отлучек. Мали ещё не исключили из партии, а уже сняли с работы. По Постановлению ЦК, исключив из партии, можно оставить на работе.

Сивков. Мне странно, что Раицин грамотный человек, требует документы о контр. революц. разговорах Мали. Кто же нам даст документы? Почему я смягчил наказание Васильевой. Она, как единственная женщина, на руководящей работе.

Шишов. Все мы старые работники: Березовская, Ключкина. Почему раньше не ставили вопрос о иностранном подданстве Мали? Главный инженер не мог уточнить, правильно ли дали заявку. Мали дать наказание.

Аристов. Еще раз говорю, что в столовой контр. револ. разговоров мы не вели. Мы выпили пива, и Мали рассказывал, как ездил в научную командировку, а я как был в армии. Считаю возможным оставить Мали на работе.

Дубинин. Решение парткома правильное, Мали из партии исключить».

Приложенные к делу положительные характеристики Мали, собственноручно написанные Ижиновским и Черепановым, уже никакого значения не имеют, также, как и указанные недоработки главного инженера Полянского, Ашихмина, Васильевой и директора завода. Почему же далее происходит такое жестокое постановление, если шесть человек выступают в защиту Мали Ф.Ф. и три человека просят о более мягком наказании. Однако

13 человек голосуют за исключение Мали из членов партии, оставляют на работе, благодаря поручительству Иванова. Вот каким было решение партийного собрания завода.

«Общее парт- собрание постановляет: из членов партии Мали исключить, как злостно сорвал выполнение задания по выпечке хлеба. И скрывает, что он был до 1936 года иностранно-подданным. Председатель Дубинкин. Секретарь Корешкова».

Всё. Путь для репрессий открыт, жертва для заклятия подготовлена. Думаю, что не всем, кто был на партсобрании, спокойно спалось в ту ночь. Кой- кому мешала спать совесть, которой он поступился, голосуя за такое жестокое наказание. Ведь явно, что положительных оценок Мали Ф.Ф. было больше. Здесь, конечно, существенно влияние директора завода: его боятся, коль честного человека «топит».

Почему выступил так зло, так агрессивно против Мали Ф.Ф. директор завода? Вполне возможно, что здесь преобладал инстинкт самосохранения, если учесть, что шел 1937 год и, как уже было сказано, выполнялся приказ Наркома МВД Ежова «по разнарядке»; когда каждую ночь «черный воронок» увозил все новые и новые жертвы. Над каждым человеком висел «Дамоклов меч», каждая ночь могла быть последней на свободе. И еще одна причина могла послужить для выбора жертвы – нетерпимость людей, бесчестных к тем, кто исповедует другие ценности: честность, порядочность, доброту, уважение к окружающим. К людям, для которых нравственность, мораль, достоинство – не пустой звук, к тем, кто высоко поднимает планку человеческих ценностей. Это сильный раздражитель для субъектов, не имеющих нравственных устоев. А в послужном списке Сивкова, как выяснилось позже, имелось немало проступков, весьма неблагоприятных. Мое понимание пришло после знакомства с делом Сивкова: сдав на заклятие моего отца, он отвел от себя опасность, которая ему грозила очень заслуженно, но об этом ниже.

АРЕСТ

Как известно, 1937 - 1938 годы были самыми расстрельными. Фальсификация обвинений достигла небывалых масштабов. Началось всё с Решения ЦК ВКП (б) от 2 июля 1937 года «Об антисоветских элементах». «ЦК ВКП (б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих ссылке. Секретарь ЦК И. Сталин».

Колесо Большого террора было запущено и стало набирать обороты.

В Оперативном приказе № 00447 народного комиссара внутренних дел СССР Н. Ежова от 30 июля 1937 года под грифом «Совершенно секретно» указывалось количество граждан, подлежащих репрессиям, и меры их наказания. Все репресслируемые делились на две категории: к первой относились наиболее враждебные «элементы». Они рассматривались тройками и подлежали расстрелу. Ко второй категории приписывались менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежали заключению в лагеря сроком на 8-10 лет или на такие же сроки тюрьмы. Этими «элементами» стали крупные ученые, специалисты, писатели, художники, артисты, служители церкви. Родственники репрессированных выселялись. Появились аббревиатуры СВН – семья врага народа и ЧСИР – член семьи изменника родины.

И далее. «Согласно представленным учётным данным наркоматами республиканских НКВД и начальников краевых и областных управлений НКВД» утверждалось количество подлежащих репрессиям. Каждая республика, край, область получали «по разнарядке» свои цифры. В Свердловской области по первой категории – 4000, по второй – 6000. Для сравнения возьмем Московскую область. Здесь соответственно 5000 и 30000. А по всему Союзу гигантские цифры: расстрелять надлежало 75 950 человек, сослать в лагеря 193 000. Это только по первому приказу, а сколько их было!

«Операцию начать с 5 августа 1937 года и закончить в четырехмесячный срок. (К Дню Сталинской конституции). О ходе и результатах операции доносить пятидневными сводками к 1,5,10,15,20 и 25 числу каждого месяца» – гласил приказ. К началу операции были утверждены персонально тройки. В Свердловской области вершителями судеб стали Дмитриев, председатель, Абаляев и Грачёв. Лесной массив Ивдельского района отводился под строительство лагерей, где на скорую руку сколачивались бараки тоже заключенными, они же и населяли эти бараки. Не надо обладать буйной фантазией, чтобы представить, какие силы были брошены на выполнение этого приказа по всей стране и какие силы этим приказом были уничтожены.

Отец пишет объяснение, повторяя, что распоряжение дрожжевому мастеру его помощница Васильева дала только в час ночи вместо 10 часов вечера. Помощница работает только в тестомесильном цехе (то есть, это ее прямая обязанность). Поэтому 85 процентов выпечки хлеба было задержано на 4 часа. И признавал свою вину в том, что не проверил выполнение задания Васильевой. Но это не имело уже никакого значения. Постановление партийной организации передано в Сталинский райком ВКП (б).

Мали Ф.Ф. пишет заявление в райком, в котором поясняет причину задержки выпечки хлеба и, что, вступая в ряды ВКП (б) в 1931 году, действительно был иностранным поданным и не скрывал этот факт. «Мне никто не препятствовал, никто не сказал, что я не имею права быть в партии». И добавляет, что 18 лет работает в системе хлебопечения и никогда не имел замечаний по партийной линии, также и по производству. Вот здесь уместно вспомнить справку из официального документа о том, что Мали Франц Францевич вступал в ряды ВКП(б), будучи иностранцем. Но почему так безжалостно искажены факты в параграфе 26. Выписка из протокола № 47 заседания бюро Сталинского РК ВКП (б) от 15 января 1938 года. Параграф 26. «Дело Мали Франца Францевича.

Мали Ф.Ф., соц. происхождение рабочий. Соц. положение рабочий. Член ВКП (б) с 1931 года. Партийный билет № 040356. Национальность – немец. Образование семилетка. Партвзысканий не имеет. Первичной парторганизацией исключен из партии. Мали Франц Францевич вступал в партию в 1931 г., не был советским подданным, имел иностранный паспорт, об этом организации не сказал, обманным путем пробрался в партию. Подданство принял только в 1936 году, в Х11- 1936 года. Во Втузгородке в столовой вел конрреволюционные разговоры, сожалея врага народа Пятакова, материал передан в НКВД. 5/Х1-1937 г. сорвал выпечку хлеба, в следствии чего городу не додано было тонны хлеба. Постановили: Решение первичной парторганизации утвердить, Мали Франца Францевича из рядов ВКП (б) исключить. Секретарь Сталинского РК ВКП (б) Ватутин».

Следующая инстанция – Свердловский городской комитет ВКП (б). 25 мая 1938. Как же так? 26 февраля отец уже был арестован!

Горком констатирует факт исключения Мали из рядов партии и от себя добавляет: «КАК ВРАГ НАРОДА». «Решение Сталинского райкома ВКП (б) от 15 января 1938 года – утвердить. Мали Франца Францевича из рядов партии исключить, КАК ВРАГА НАРОДА».

Вот на каком этапе припечатано отцу определение «ВРАГ НАРОДА»! Хотя Сталинский райком упоминает только, что «Мали сожалел врага народа Пятакова». Конечная инстанция по партийной линии – Обком.

«Сталинскому РК ВКП (б) г. Свердловск, в дело. Дело Мали Ф.Ф. (т. В. Кузнецов). Мали Франц Францевич, член ВКП (б) с 1931 года, партбилет №0403564, рабочий, работал на Свердловском хлебозаводе Автомат.

16 ноября 1937 года первичной парторганизацией хлебозавода Автомат из партии исключен «как злобно сорвавший выполнение задания 5 ноября 1937 года, как скрывшего свое иностранное подданство до 1937 года». 16 января 1938 года Сталинским РК ВКП (б) г. Свердловска Мали Ф.Ф. из партии исключен.

16 мая 1938 года Свердловским ГК ВКП (б) исключен из партии как враг народа.

9 сентября 1938 года Мали Ф.Ф. осужден по ст. 58-6 УК. Решение Свердловского ГК ВКП (б) утвердить – Мали Ф.Ф. из членов ВКП (б) исключить. Секретарь Обкома ВКП (б)». Подпись неразборчива.

Между партийными органами ещё шла переписка, а отец находился уже в тюрьме, где подвергался пыткам, из него выбивали показания.

В ЗАСТЕНКАХ ТЮРЕМ, ЗА ПРОВОЛОКОЙ ЛАГЕРЕЙ

Это ужасы мы теперь можем видеть во многих кинофильмах, читать о них в книгах. Но немногие из выживших в лагерях гулаговцев и вернувшихся домой брали на себя смелость, чтобы рассказать о тех унижительных, нечеловеческих пытках, каким они подвергались, о том, что оговаривали себя, когда уже не было сил защищаться. Один из выживших после тюрем и Гулага, Святитель Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий), оставил воспоминания о трех своих ссылках, через которые прошел и остался жив только потому, что был замечательным хирургом. Его помощью пользовались всемогущие сатрапы. Вернувшись после 20 лет заключения, Войно-Ясенецкий посвятил остатки своей жизни служению церкви и был произведен в сан архиепископа Крымского. Приведу выдержки из книги Святителя Луки «Я полюбил страдание».

«Ежовский режим был поистине страшен. На допросах к арестованным применялись пытки. Был изобретен так называемый допрос конвейером, который дважды пришлось испытать и мне. Этот страшный конвейер продолжался непрерывно день и ночь. Допрашивающие чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать ни днем, ни ночью. Допрос конвейером продолжался тринадцать суток, и не раз меня водили под водопроводный кран, из которого обливали мою голову холодной водой... Был повторен допрос конвейером,

при котором однажды проводивший его чекист заснул. Вошел начальник Секретного отдела и разбудил его. Попавший в беду чекист, прежде вежливый со мной, стал бить меня по ногам своей ногой, обутой в кожаный сапог.

... Я был совершенно обессилен голодовкой и конвейером, меня возвратили в подвал ГПУ, и когда нас выпустили в уборную, я упал в обморок на грязный и мокрый пол. В камеру меня принесли на руках. На другой день в «черном воронке» меня перевезли в центральную областную тюрьму. В ней я пробыл около восьми месяцев в очень тяжелых условиях. Большая камера была до отказа наполнена заключенными, которые лежали на трехэтажных нарах и на каменном полу в промежутках между ними. К параше, стоящей у входной двери, я должен был пробираться по ночам через всю камеру между лежащими на полу людьми, спотыкаясь и падая на них. Передачи были запрещены, нас кормили очень плохо. До сих пор помню обед в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, состоящий из большого чана горячей воды, в которой было разболтано очень немного гречневой крупы».

Не удивительно, что после таких пыток люди сходили с ума, готовы были подписать все, что им подсовывали.

ДОПРОС

Прежде, чем привести текст протокола допроса моего отца, следует сказать о том, какими методами действовали помощник оперуполномоченного Клевцов и его подчиненные. Когда начались пересмотры дел репрессированных, допрашивали уже тех, кто пытал заключенных голодом, бессонницей, избиениями до увечий. Вот «Заключение по архивно-следственному делу № 9137 от 07. 07 1958 года. Свердловск.

Клевцов требовал от заключенного: «Ты должен подписать протокол допроса, содержащий данные о несовершенных тобою шпионских актах, что необходимо партии и правительству для изгнания из СССР консульств вражеских государств, являющихся

очагами шпионажа против СССР, и тем самым поможешь предотвратить угрозу новой мировой войны». Обвиняемый был заключен в камеру, где организовали «работу» начальник группы Морозов и его помощник Горшков. После такого рода «подготовки» протокол был подписан.

Протокол допроса 27 марта 1938 года.

« Я, Пом. опер. упол. Клевцов допросил в качестве обвиняемого Мали Франца Францевича 1894 года рожд.

Вопрос. Вам предъявляется обвинение в том, что Вы являетесь участником к/р диверсионно – шпионской группы- организации, созданной в г. Свердловске по заданию германской разведки. Подтверждаете ли Вы это?

Ответ. Да, подтверждаю. Я действительно являюсь участником к/р диверсионно-шпионской организации, по заданию которой проводил к/р работу.

Вопрос. Когда и кем Вы были завербованы в к/р диверсионно-шпионскую организацию?

Ответ. В к/р диверсионно-шпионскую организацию я был завербован в 1936 году агентом германской разведки Шифельбойном.

Вопрос. Перечислите известных Вам участников к/р организации.

Ответ. Мне известны как активные участники к/р организации Новак Франц Антонович, Рубин Карл Мартынович.

Вопрос. Какую диверсионную и шпионскую работу Вы провели?

Ответ. По заданию организации я провел на заводе «Автомат» большую диверсионную работу. В 1936 году, работая мастером смены, я три раза выводил из строя цех, благодаря чему не додавал хлеба трудящимся города. Печи выводил путем затопоривания конвейера. В 1937 году в период двадцатой годовщины октябрьской революции умышленно на два часа задержал выпечку хлеба белого, благодаря чему в магазинах хлеба не было, а спрос был большим, кроме того, этим было

вызвано большое недовольство трудящихся города. В течение 1937 года я неоднократно пускал в выпечку несоленый замес, благодаря чему десятки тонн хлеба приводились в негодность.

В 1937 году мною умышленно была затоплена водоотсасывающая станция, благодаря чему электромоторы вышли из строя, и откачка отходов была прекращена на целых 8 часов. Кроме того, я от к/р организации по прямому заданию германской разведки должен был в период возникновения войны между СССР и одним из капиталистических государств произвести массовое отравление выпечек хлеба с целью вызова у населения паники.

Я в течение 1936-1937 г. неоднократно принимал участие в к/р собраниях на которых обсуждались вопросы диверсионной и шпионской работы. Собрания происходили в закуской, которой заведовал Шварц (арестован).

Протокол записан с моих слов и мною прочитан. Мали. 27 марта 1938 г. Мне объявлено об окончании следствия. Мали. Допросил Пом. опер. пол. Клевцов».

ОТ ТАКИХ НАГОВОРОВ НА СЕБЯ МОЖНО СОЙТИ С УМА! Они выбиты в буквальном смысле слова. И заключительная фраза допроса: «Мне объявлено об окончании следствия», читайте: об окончании пыток.

И вот «Обвинительное заключение по след. делу №49807 по обвинению Мали Франца Францевича, по ст. 58 п. 6 УК РСФСР.

УНКВД по Свердловской области стало известно, что Мали Ф.Ф. причастен к разведывательным органам одного иностранного государства. Произведенным по делу расследованием установлено, что Мали с 1936 г. являлся участником к-р диверсионно-повстанческой организации, в которую завербован агентом германской разведки Шифельбойном.

Далее перепечатаны все наговоры отца, выбитые из него во время следствия, и дело направлено «на рассмотрение Особого Сопещения при НКВД СССР», то есть известной тройки.

Подписи: опер уполном 3 отд. УГБ УНКВД С. Клевцов

Согласен: Нач. 2 отд 3 отд УГБ УНКВД мл лейтенант Госбезопасн. Дмитриев.

Справка: Обв. Мали содержится под стражей в Свердловской тюрьме.

«УТВЕРЖДАЮ» Зам. нач УНКВД по Свердлов обл КАПИТАН ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ ВАРШАВСКИЙ». Даты в документе нет.

Отступление. Эти три зловещие субъекта – Клевцов, Дмитриев и Варшавский – фигурируют во многих делах. Спустя много лет позже (1955 г.) в одном из документов по реабилитации читаем: «Установлено также, что в 1937 -38 годах бывшими ответственными работниками УНКВД Свердловской области были допущены массовые необоснованные аресты советских граждан, за что бывший начальник УНКВД области Дмитриев и другие осуждены». Какой приговор им вынесли – до сих пор остается тайной.

Как пытали они беззащитных людей?! Держали в тюрьме, водили на допросы, истязали. Я вспоминаю фильмы, представляю зрительно страшные сцены, где со зверским остервенением выбивали из людей признания в несовершеннолетних преступлениях, чтобы оправдать приговор, который уже был заготовлен.

Вообще трудно представить эти выдуманные «диверсионные» действия, навешанные на моего отца! Они нужны были для наказания. Один звонок на завод, и стало бы ясно, что ничего такого не было! Если только за задержку выпечки хлеба и не совсем по его личной вине, а нескольких человек, отца исключили из партии! Может быть, набор обвинений нужен был, чтобы подвести заключенного под расстрел?

«В учетный стол 8-го отд. УГБ НКВД гор. Свердловск. ИЗВЕЩЕНИЕ. Мали Франц Францевич, год рожд. 1894 особ. Совещ. при НКВД СССР от 9/1X 38. КР осужден 10 лет убыл 30/X 38 ст. ЯР. Фосфоритная Вятлаг НКВД». Подписи начальника тюрьмы и начальника канцелярии неразборчивы.

Этапирован в Вятлаг. Значит, в ведение УВД Кировской области. Я незамедлительно послала письмо по этому адресу. Примерно

через месяц получила ответ. Вот он: «Справка. Дана настоящая в том, что Мали Франц Францевич, 1894 год рождения осужден 23 февраля 1938 года Особым Совещанием НКВД СССР по К-Р-Д к 10 годам с исчислением начала срока с 23 февраля 1938 года. В Вятлаге, ныне учреждение К-231, прибыл 23 октября 1938 года и находился до 6 июля 1940 года, 6 июля 1940 года убыл в Унжлаг и больше о его судьбе нам не известно. Адрес Уншлага нам не известен. Начальник Учреждения К-231 И.И. Двинянинов». (В одном случае написано через букву ж, в другом через ш).

Следовательно, отец в Вятлаге находился 1 год 8 месяцев. И в Унжлаг, в это гиблое, страшное место, был отправлен к осени, когда шло строительство железной дороги и, видимо, не хватало рабочей силы для лесоповала, для расчистки просеки, для укладки рельсов. Здоровье его, как уже сказано выше, не было богатырским – после работы в шахтах в лагере военнопленных болели ноги и часто болела голова. В Унжлаге голод был ужасный, условия тяжелейшие, в чем вы убедитесь, прочитав об этом чуть позже. Измученный голодом, холодом и непосильной работой, он скончался 6 ноября 1940 года, в канун праздника Октябрьской революции, именно с этим праздником связывали его вину.

Надо ли описывать, что может испытывать человек, представляющий такую мученическую гибель своего родного отца?

Об Унжлаге я опубликовала очерк в журнале «Веси» в 2003 году. Чтобы сохранить то состояние души, какое испытывала я тогда, приведу его полностью, лишь убегу повторы. Сохраню то же самое название.

УНЖЛАГ– ТЕРРИТОРИЯ НАСИЛИЯ И СКОРБИ

... Я стою на высоком берегу реки. Внизу тихо и незаметно течет Унжа. Лето выдалось засушливым, дождей в этих местах вовсе не было, река обмелела, песчаные косы рассекли русло, образуя островки тут и там.

Прямо по середине реки шлепают вброд четверо мальчишек.

Их голоса гулко разносятся по воде, и сюда, наверх, доносятся отдельные слова. Где вода поглубже – они плывут, а где река мельчает – поднимаются на ноги и гуськом продолжают путь. Последние лучи заходящего солнца цветными искрами рассыпаются в брызгах вокруг мальчишек.

По ту сторону реки – лес. Он тянется по всему пространству, какое может окинуть взгляд. До самого горизонта ровный, без возвышенностей и ложбин, без вышек и просек. Белые кучевые облака неподвижно зависли на ярко-голубом небе. В природе тишина и благодать. От простора захватывает дух.

Мой взгляд медленно скользит по монолитной поверхности лесного массива, ему не за что зацепиться. Я мучительно стараюсь угадать, где же то место, куда я стремилась последние пять лет. Преодолев тысячи километров, приехала я сюда, в этот старинный городок Макарьев, процветавший в начале прошлого века, а ныне запущенный, неряшливый, как старый, одинокий человек, безразличный к своей внешности, потому что никому он не нужен.

С трудом сдерживая чувство нетерпения, я успокаиваю себя: лишь одна ночь и река отделяют меня от территории бывшего Унжлага, где 60 лет назад погиб мой отец.

Но что я найду там, в этом безмолвном, таинственном лесу?

Паутинки моей детской памяти сохранили ощущение его рук, поднявших меня, прикосновение колючей щеки и прощальный поцелуй.

С тех пор целых 20 лет мы ничего не знали об отце. Только в 1958 году, когда он был реабилитирован за «отсутствием состава преступления», нам выдали справку о его смерти. Скончался отец «от воспаления легких». Но где? Неизвестно.

Узнать, где покоится прах моего отца, было невозможно. Помня, что река Унжа протекает в Костромской области, я написала в УВД этой области. Но ответа не последовало. Ниточка оборвалась. Где же искать Унжлаг? Существует ли вообще эта зона? Ничего не было известно.

Помог случай. К моей знакомой приехала племянница Нина Николаевна Соколова из города Макарьева. Мы разговорились, и я спросила, не слышала ли она об УНЖЛАГе, ведь ее город стоит на одноименной реке, и получила неожиданный ответ: «Так это же за рекой, недалеко от села Тимошино». Это известие для меня была большой радостью: такой сюрприз! Я тут же попросила у нее разрешения приехать в Макарьево. Отправиться туда я смогла лишь через год, и вот я почти у цели. Завтра я буду там, в лагере.

Второго августа утром я отправилась на пристань. Собственно говоря, пристани как таковой вовсе нет, есть лишь плиты, положенные для подъезда машин. Но река обмелела, и до воды нужно шагать по глубокому песку довольно большое расстояние.

На лодочке за 5 рублей меня переправили на другой берег. А здесь, чтобы добраться до села Тимошино, надо терпеливо ждать попутку. Ее может не быть вообще, но мне повезло. На берегу стояла машина председателя товарищества «Восток» из Тимошино Н. В. Куртова. Он должен был вернуться из Макарьева.

Был последний знойный день лета – Ильин день. Мы сидели на скамеечке под крышей. Берег крут, с реки дует легкий ветерок. Четыре часа ожидания утомили лишь слегка, тем более, что моей собеседницей была жительница села Тимошино, представившаяся Ниной Федоровной. Первые сведения я получила от нее. Узнав цель моего приезда, она посочувствовала: «Теперь вы там уже ничего не найдете, все заросло лесом. Еще несколько лет назад, поближе к краю леса были покосы, много кос попортили мы о колючую проволоку: трава высокая, проволоку не видно. А теперь там за пятьдесят-то лет все заросло бурьяном на человеческих костях. Так что ничего вы там не найдете, и ходить туда уже опасно».

Часа через два на том берегу появился «газик». Мужчина, вышедший из машины, тащил большую и, видимо, очень тяжелую канистру к лодке. Несколько раз он ставил канистру на песок, чтобы передохнуть. – Это, наверно, Куртов, похож на него. Вишь,

горючее в канистре тащит,- пояснила Нина Федоровна. Тем временем мужчина погрузил канистру в подплывшую лодку, махнул рукой в нашу сторону, а сам направился обратно к машине. – Видно, не все еще дела в Макарьеве сделал, – с грустью прокомментировала моя спутница, – придется еще подождать.

Прошло еще около двух часов, когда на том берегу появились две фигуры. – Теперь поедем, – облегченно вздохнув, сказала Нина Федоровна, – Куртов идет с женой, они вдвоем приезжали, в Макарьеве его теща померла.

Был уже конец дня, когда вернулся хозяин машины. Я познакомилась с супругами, они очень удивились цели моей поездки, пригласили меня сесть в широкую (на троих) кабину. Нина Федоровна и еще подошедшие женщины забрались в кузов. За час езды до Тимошино Екатерина Борисовна, жена Куртова, рассказала, что село потихоньку вымирает. 15 лет назад в нем проживало 4000 жителей, а на сегодняшний день насчитывается чуть больше 600 человек. В среднюю школу пойдут нынче 77 учеников, в первый класс – один мальчик. В будущем году будет два первоклассника. С начала текущего года (2002 год) не родился ни один ребенок, а похоронили 17 человек.

Тимошино все-таки еще держится, здесь работает маслозавод, а сбыта нет. Дорогу загрузовали недавно, а то, бывало, по четыре часа на машине добирались до берега. По середине дороги мы проехали по мостику через небольшую речушку. По словам Екатерины Борисовны в пору разлива рек от этого места приходилось возвращаться обратно – рекой размывало все бревна.

Тимошино – село большое, раскидистое. Его улицы, как распластанные крылья крупной птицы, расходятся в разные стороны. В селе есть электричество, телевидение, а за 18 километров вглубь, где находятся две деревеньки с символическим названием Кукуй-1 и Кукуй-2, нет ни света, ни даже радио. Именно к одной из этих деревень и лежал мой путь.

40 км до села мы преодолели за час. Меня препоручили

главе администрации Наталье Витальевне Боковой. Она оказалась женщиной приветливой. – Как же Вам все устроить? – на минуту задумалась. – Сейчас позвоню в школу.

И меня отвезли к директору школы Татьяне Витальевне Новожиловой. Загоревшая крепкая женщина встретила меня с улыбкой. Она уже успела сходить в школу и принесла бесценные материалы: карту Унжлага, составленную преподавателем географии З. Д. Пургиной, и альбом. В нем старшеклассниками Тимошинской средней школы записаны воспоминания бывших узников, которым после освобождения некуда было ехать. – Вообще-то лагерь был очень засекречен, – пояснила Татьяна Витальевна, – в нашем селе о нем ничего не знали. Может, кукуевцы знали, лагерь-то находился за деревней Кукуй-2. А мы – нет. – Как же туда добраться? И далеко ли это? – Километров восемнадцать. Но туда ведь никто не ездит. Может, завтра муж вас свозит на своей машине. Посмотрим. Утро вечера мудренее.

К ночи погода окончательно испортилась. За окнами завывал сильный ветер. Оставшись в комнате одна, я положила перед собой карту, раскрыла альбом и погрузилась в иной мир – мир ужасов, насилия и скорби.

Буря разбушевалась не на шутку. Гром был такой силы, словно раскалывал небо над крышей дома. Ослепительно сверкали молнии, тугие струи дождя с порывами ветра ударяли в окна, грозясь разбить стекла. Погода была созвучна буре протеста и скорби в моей душе, какой я испытывала, перелистывая страницы альбома, читая исповеди живых свидетелей нечеловеческих злодеяний.

Унжлаг занимал огромную территорию. Это был целый архипелаг, в состав которого входили 30 лагерей, в которых было по несколько пунктов. Содержалось в них более 30 тысяч заключенных.

Лагеря располагались вдоль рек, а рек в этой местности очень много: Кучонка, Черная, Нерег, Селеза, Поеж, Белый Лух и т.д.

Гиблое, сырое место.

Две узкоколейки окаймляли лагерь. Одна проходила с запада на восток по нижней границе лагеря от п. Первомайского, а другая – извилистым путем с севера от с. Синицы на юг. Соединялись обе на границе Горьковской области и вели на Лапшангу. Вдоль первой насчитала я восемь лагерей, вдоль второй – шесть. Остальные находились в глубине архипелага. Узкоколейки протяженностью в сотни километров строили заключенные киркой и лопатой. Техники там никакой не было, грунт возили тачками.

На карте обозначены два женских лагеря. Был лагерь немецкий под № 9 на реке Нерэг и еще один лагерь, где содержались иностранцы. В котором из них погиб мой отец, неизвестно. Я поняла, что добраться до лагерей, вернее до того места, где они находились, теперь нет возможности: буйный лес, взращенный на костях человеческих, скрыл все тайны.

Записи в альбоме тимошинских школьников лишь приоткрыли эти тайны.

Воспоминания Василия Макаровича Пашина. – Управление лагерей находилось в Лапшанге. Синица, Поеж – перевалочные пункты. Лес перевозили на лошадях, грузили в вагоны и отправляли на Лапшангу и в Сухобезводный, а оттуда – за границу. В одном из женских лагерей, говорят, отбывала срок известная певица Лидия Русланова. – Кормили нас плохо: 400 г хлеба в день, баланда. Жиров никаких не давали, а норма выработки 7-10 куб. м. древесины. Если не выполняли норму несколько дней, сажали в изолятор, в крохотное помещение, где 10-15 человек могли только стоять, сесть было невозможно. Стояли всю ночь до утра, а утром – на работу. В любую погоду. С собой брали две пары лаптей, но их на смену не хватало.

Записала Людмила Новожилова, 10 класс.

Рассказывает Тюкалов Михаил Иванович, лагерь № 14, 64 точки. – Лес валили вручную. Инструменты: пила-поперечка,

пила-лучевка, топор. Все несли на себе в делянку. Начальником санчасти была жена начальника лагеря. Она отправляла на работу всех, кто хотя бы чуть-чуть ходил. По дороге многие умирали. В день по 6-8 человек. Гибли от простуды и голода. Умерших несли на носилках до зоны, сначала клали в землянку, а хоронили ночью. – Те, кто оставался в зоне, делали подкоп к землянке, вырезали внутренности умерших, варили и ели, чтобы не умереть от голода. – Ночью для умерших вырывали неглубокую ямку, слегка засыпали землей или снегом, ставили деревянный крестик и № статьи. Фамилии, имена писать было запрещено. Сменилось много начальников лагеря, только об одном из них сохранилось хорошее мнение. Это был фронтовик с женой.

Записала Наталья Герасимова, 10 класс.

Вспоминает Николай Фомич Пацик, лагерь № 3 за Кукуем. – Заключенных везли эшелонами. Были немцы, всех собрали в одном лагере. Поднимали нас в 4 утра, делянки далеко в лесу, к 8 часам надо быть на работе. Идти тяжело, голодные шли, поддерживая друг друга за руку. – В 1949 году был страшный голод. Хлеба давали по 50 граммов утром и вечером. Суп – листок зеленой капусты, вода, ложка растительного масла. Однажды привезли соленые кильку и селедку, давали без нормы. Голодные люди набросились на еду и стали пухнуть от соли и воды. Смертность была жуткая. Мертвых вывозили машинами.

Записала Ольга Свирикова, 9 класс.

После прочитанного я рассталась с иллюзией, которую лелеяла много лет: найти захоронение отца и привезти горсть земли на могилу матери. Но от желания добраться до ближайшей точки зловещего Унжлага, не отказалась. Нужно только пережить эту ночь.

Мой отец Франц Францевич, мама Мария Владимировна и сестра Валя,
1932 год.

Родители моего отца:
Мария 64 года и Франц 62 года.

Дети дяди Антона: Эрна и
Франц. 1924 год.

Семья дяди Антона. Слева жена Анна (на руках маленькая Анна), сын Франц,
дядя Антон, дочь Эрна. 1930 год.

Брат папы Антон, 17 лет, слева на первом плане; справа Франц, 19 лет.
Фото 1913 год. До начала первой мировой войны осталось меньше года. Войны,
которая оторвала отца от семьи, от родины навсегда.

Франц Францевич со своей бригадой стахановцев. Примерно 1934-1935 годы.

Мой отец Мали Франц Францевич,
примерно 1936 год.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ РАБОЧИХ
ХЛЕБОПЕКАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ
76050105

ФАМИЛИЯ Мали
ИМЯ, ОТЧЕСТВО Франц Францевич
ГОД РОЖДЕНИЯ 1874
ПРОФЕССИЯ пекарь
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ СТАЖ 1908 г.
ГОД ВСТУПЛЕНИЯ В СОЮЗ 28.12.1932
ГОД ВСТУПЛЕНИЯ В ДАННЫЙ СОЮЗ 28.12.1932
ПОДПИСЬ ЧЛЕНА СОЮЗА Франц Ф.
НАИМЕН. ПРОФСОЮЗА Свердловск

ДАТ 26.11.37
ПОДПИСЬ М. П.
М. П.

1	9	3	5
ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ
МАЙ	ИЮНЬ	ИЮЛЬ	АВГУСТ
СЕНТЯБРЬ	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ

При истребовании членских взносов в течение 3 месяцев
членский билет действителен

Профсоюзный билет папы. Членские взносы уплачены по
декабрь 1937 года.

Город Хаммер, родина моего отца.

Мой дед Франц Мали (стоит первый справа) с бригадой каменщиков.

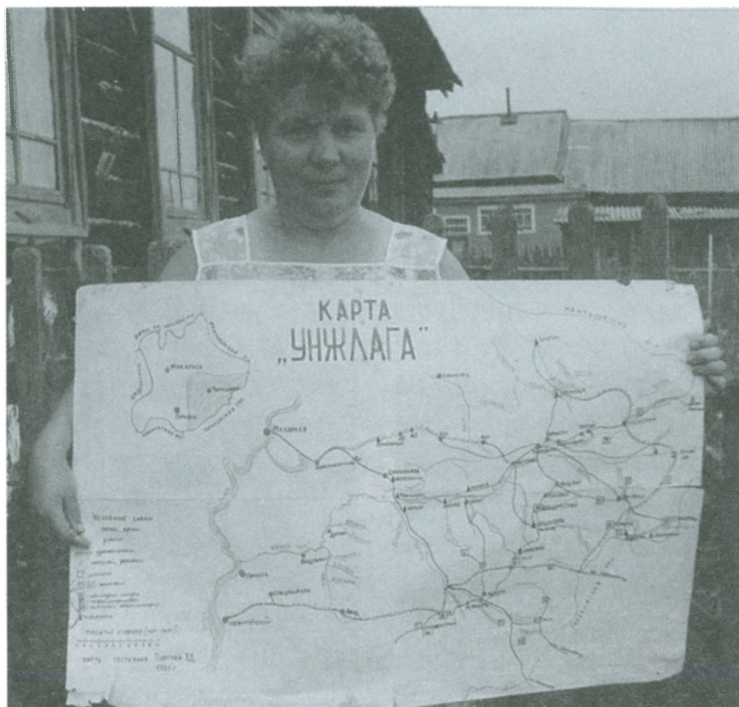
Сестра Валентина.

Нина.

Ученики шестого класса. Нина Мали вторая слева во втором ряду,
село Щелкун. 1946 год.

Директор Тимошенской школы Т.В. Новожилова с картой Унжлага.

Бывший охранник Унжлага Д.И. Пшеницкий.

Комитет Государственной Безопасности
при Совете Министров СССР
Управление КГБ по Свердловской области

Копия верна

ФОНД ПРЕКРАЩЕНИЯ СЛЕДСТВИЯ

Мали

Франц

Францевич

Архивный № **26738**
Дело в 1 томах
Том № 1

ГАООСО

Фонд № Р-1

Опись № 2

Ед.хр. 33061

Дело Мали Ф.Ф., 1938 год.

В Президиум Центрального Исполнительного Комитета
(подается через органы РК милиции)

Прошу о принятии меня в гражданство СССР и сообщаю о себе следующие сведения:

1. Фамилия Масин
2. Имя и отчество Франц Францевич
3. Место и год рождения Сосновский с. Космо 1894 год
4. Семейное положение Женат, жена: Янон 2^я Янон
5. Гражданство (подданство) Чехословацкое
6. Место прописки СССР, Свердловск, Октябрьский рп. ЧС. Водораздел № 283 кв. 6.
(указать район, губ. уезд и т. д.)
7. Социальное положение Рабочий
(рабочий, служащий, крестьянин, торговец и т. д.)
8. Партийность Член РКП с 1920 года - 403564 выдан
Самаркандский рай. № 1433
9. Образование 7 классов
10. Профессия и специальность Кавалерист
11. Занятие в настоящее время Кавалерист эскадрона Свердловского полка
Мотострелк. и Св. Развед. Отделений (если работаете или служите, укажите наименование предприятия или учреждения, адрес и с какого времени,
Самарканд
если не работаете и не служите, укажите чем добываете средства к существованию

и с какого времени)

12. Прежнее место работы или службы Свердловск, Мотострелк. эскадрон 10
Чехословакия
13. Были ли под судом или следствием находясь под судом по ст. 114 К
(когда, где, за что)

14. Не состояли ли в гражданстве СССР не состоял
(если да, то какими образом)

15. Когда приехали в СССР 6.12.1921. в качестве военнослужащего
(укажите точную дату, если выехали из страны)
16. Жили ли раньше в СССР не жил
(укажите точно, когда, где и как долго, почему)

17. Причины, побуждающие к переходу в советское гражданство желая быть
гражданином СССР как подданный Социалистич-
еской родины, вырвавшийся из-под
тисков

Копия БС

№ I - оп. 2 д. 26936 - Директор Самаркандского милиции
Томколов А. Г.

ЖУРНАЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума Свердловского Областного Исполнительного Комитета

Свердловск № 68 21. августа 1937

СЛУШАЛИ: Ходатайство Техо Сивачкова на Мали
Франца Францевича о принятии в гражданство Союза ССР.

ПОСТАНОВИЛИ: Ходатайство удовлетворить.

И.о. Председателя Свердловского
 Областного Исполнительного Комитета Тешинское

Секретарь Свердловского
 Областного Исполнительного Комитета Трушин

Постановление о принятии гражданства Союза ССР Мали Ф.Ф.

С.С.С.Р. 40 - 2 -
 И.К.В.Д.

УГБ УНКВД Свердловской области

О Р Д Е Р № 124

Выдан 25 февраля 1938 г.
 действителен 3 суток.

Сотруднику Шапошников

Вам предлагается произвести обыск и арест гр. Мали
Франца Францевича

являющ. д. Обсерваторская 9 м. 203 кв. в

Исем органам Советской власти и гражданам СССР надлежит
 иметь законное содействие представителям Огера, при исполнении
 их должностных поручений.

Шапошников
Мали

Ордер на арест, 25 февраля 1938 года.

Дари Кошаров Залив Абдулатиф
 и Залив Мали
 Водоструен

Не било познато еден илест
 илест

1) Велики цент-релом резултат
 тиев Карин, Г. Арнегов, Мали
 илест

по соодветно. За Мали. Раи едена малка
 Г. Багајцева кредити: в декарт. Јули/1937
 Арнегов, Мали и Малики
 илест в етолован, вужуодка
 бие вети Г.Е. задруге сим
 и Мали и докловки не илест
 едвине милици соодветно
 по Мали и Малики. Г. Е. Е. Е.
 и Гудути Мали кредити
 елест - Г. Мали расказувани
 Арнегован и Малики

Донос директора завода «Автомат» на Мали Ф.Ф.

Сиреня не известна.
Мам заложил это дело
не ради идиотии это он хотел
забыть, это его неправедно
и т.д. судим.

Тест. Били установлен сиреня
круп. реломом. Матросам
Мам - какому азиатскому
Мамушка

Сиреня это фарит. Не били
обсуден. и Мам не
ка одну минуту не монет
быть в нем парнем

Тыи отоме забавно это
Мам как били кар. анем
Сиреня билиеи худи в
обсуден гу за это судит
и гласит с забавно
Иванов
1918

Копия вкл. 3

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

1938 г. 26. II. Мы, нижеподписавшиеся сотрудники _____ Отд. _____

УНКВД по Свердлов. области кр-ца Шапошник И.Т. и Янсенко А.Ф.

в присутствии понятых: Жолмеева Ивана Федосеевича и Жолмеевой Марины Федоровны - observations № 233 кв. 5. № 40 220 от УНКВД от 25-II дня 1938 года за № 40

произвели обыск в квартире, конторе, складе _____

- Мамы Франц Францовича _____ проживающего
- Абсдорфский ул., в доме № 233/6, при чем обнаружены:
- Валюта бумажная 4 штуки старого образца (10 руб.; 20р; 40р; 25000р)
- Военный билет (на иностранном языке)
- Положение выборов с 90 км Давыдова Дмит. Большевики в государственной 94 км. 1 км.
- Фотокартосек разных принадлежностей
- р. Мамы Иудиты
- Календарь коммуниста на 1930 год / кмт.
- Паяпорт на 1 год ДДП № 583569
- Владерозыный билет № 050105, схема машины хлебосеня и больше всего.

При обыске арестованы Мамы Франц Францович

Подпись лиц производивших обыск: И.М. Янсенко

Правильность означенного протокола и отсутствие каких бы то ни было злоупотреблений во обыска удостоверяем (подпи и хозяина квартиры и свидетелей) Мамы и понятые, т. Жолмеева И.Т. Жолмеева М.Ф.

Протокол обыска, 26 февраля 1938 года.

Копия верна

„УТВЕРЖДАЮ“

1938 г.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ НКВД
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ПОЛИСАНА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ Ш РАНГА
ДМИТРИЕВ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения

Город Свердловск 28 февраля 1938 г. Я. КИВАНОВ, Пом. Стар-

уполном. I отд-ния 3 Отдела УГБ (должность и фамилия)

правления НКВД по Свердловской области, рассмотрев следственный материал по делу № _____ и приняв во внимание, что гр-н МАЛИ, Франц Францевич, 1894 года рождения, уроженец села Камо-Чехословакия, чех, член ВКП/б/, гр-н СССР, работает Начальником смены Хлебозавода "Автомат".

остаточно изобличается в том, что он является агентом одного из иностранных Государств, в пользу которого и проводил шпионскую работу против СССР.

Постановили:

Гр. МАЛИ, Ф.Ф. привлечь в качестве обвиняемого ст. ст. 58-б УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия суда избрать содержание под стражей.

„СОГЛАСЕН“

Пом. О/Упол. I отд-ния
Свердловской области: Житан /КИВАНОВ/

Зам. Нач. Отд. УГБ
Капитан Госбезопасности: Кричман /КРИЧМАН/

Настоящее постановление мне объявлено " " 1938 г.

Подпись обвиняемого Мали

Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения, 28 февраля 1938 года.

Копия верна 5-

С. С. С. Р.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Управление Государственной Безопасности по Свердловской области

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1938 г. марта мес. 27 дня. я. Николаев, Николай (должность, инициал, отчество, фамилия)
Кликуев допросил в качестве обвиняемого.

против

1. Фамилия Мам

2. Имя и отчество Франц Францевич

3. Дата рождения 1894 г.

4. Место рождения деревня Малый Округ Вилле - Чисоис

(когда)

5. Местожительство г. Свердловск ул. Абсгардская 293 кв. 6.

6. Нац. и гражд. (подданство) Кинг, ер и сеер, Финляндия

в 1918 году как иностранец.

7. Паспорт взят при обыске.

(когда и каким органом выдан, номер, категор. и место прописки)

нов

8. Род занятий мастер хлебобулочной фабрики "Автомат"

(место службы и должность)

9. Социальное происхождение сын рабочих каменщиков

(род занятий родителей и их имущественное положение)

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение) Рабочий

а) до революции Теккер.

б) после революции Теккер.

ми

11. Состав семьи жена - Мария Владимировна

(свои родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)

Мам - Зина

Дочь - Валентина - 13 лет

ерется

Дочь - Лина - 6 лет

эл. 33

Показания обвиняемого

Маме Франц

Д. Франкович Д. Маме 1938 года

Вопрос: Вам представляется обвешенное

в том, что вы являетесь членом

кр. диверсионно-инженерной группы

организации, созданной в с. Саудово

по заданию Украинской разведки.

Ответ: Да, действительно.

Маме: Да, действительно. Я действ-

ительно являюсь членом кр.

диверсионно-инженерной органи-

зации, по заданию которой

кр. работы. Д. Маме

Вопрос: Когда и кем вы были задержа-

ны в кр. диверсионно-инженер-

организации?

Маме: В кр. диверсионно-инжене-

рскую организацию я был задержан

в с. Саудово агентами Украинской

разведки Шиндлером (Шиндлером)

Маме

Вопрос: Перечислите известные

вам членов кр. организации?

Маме: Нет известных, как и в-

ные членов кр. организации

Добав. Франц Антонович

Рубин Карл Мортинович

Подпись

Д. Маме

" УТВЕРЖДАЮ "

ЗАМ НАЧ УНКВД ПО СВЕРДЛОВСКОЙ
КАПИТАН ГОСУД БЕЗОПАСНОСТИ
(ВАРШАВСКИЙ)

Минин

24/9

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по след. делу № 49804 по обвинению МАЛИ Франца Францевича, по ст. 58 п.6 УК РСФСР.

УНКВД по Свердловской области стало известно, что МАЛИ Франц Францевич причастен к разведывательным органам одного иностранного государства.

Проведенным по делу расследованием установлено, что МАЛИ с 1936г. являлся участником к-р диверсионно-повстанческой организации, в которую завербован агентом германской разведки ЛИБЕЛЬБАЙН.

В 1936г. путем затопоривания конвейера несколько раз выводил из строя печь хлебзавода.

В 1937г. умышленно затопил водоотсасывающую, вывел из строя электромотор.

Имел задание в момент военного столкновения Германии с СССР провести отравление выпекаемого хлеба.

По к-р деятельности был связан с участником к-р организация ГОСМЛН, РАЙТ и КАУНОНЕР.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ОБВИНЯЕТСЯ:

МАЛИ Франц Францевич, 1894г. рождения, уроженец деревни Хампор, округ Прыко-Чехословакия, немец, гр-н СССР. Прибыл в 1915 году военноопленным. Состоял в ВМЛ(б) а 1931 по 1937г. Исключен.

К моменту ареста - начальник смены Хлебзавода "Автомат" в том, что он являлся участником диверсионно-повстанческой организации, проводил к-р работу;

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.58-6 УК РСФСР, виновным себя ПРИЗНАЛ. Кроме того изобличается показаниями НОВАК.

Следственное дело по обвинению МАЛИ Франца Францевича, направить на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР.

ОПЕР УПОЛНОМ З ОТД УТБ УНКВД (КЛЕВЦОВ)

СОГЛАСЕН: НАЧ 4 ОТД З ОТД УТБ УНКВД
ИЛИ ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСН.
(ДМИТРИЕВ).

СПРАВКА: Обв. МАЛИ содержится под стражей в Свердловской тюрьме.

ОПЕР УПОЛНОМ З ОТД УТБ (КЛЕВЦОВ.)

Копия верна 14

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого совещания при Народном комиссаре внутренних дел СССР
от 9 сентября 1938 г. доп. 2.

слушали	постановили
126. Дело № /Сверд. обл. о МАЛИ Франце Францевиче, 1894 г.р., б.чл. ВКП(б).	МАЛИ Франца Францевича - ва к.-р. деятельность заклю- чить в исправтру для герь сроком на ДЕСЯТЬ лет, сч. срок со дня ареста. Дело сдать в архив.

Исполнительный
№ 15 1938 г. № 488
Выдана в Вятка

Госархив
Административных органов

«Путевка» в Вятлаг.

Публикации всех стран, запрещены

ПРЕДНО
СОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)
СВЕРДЛОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТ

25 мая 1938 г.
№ 82 43 заседания Бюро Свердловского Горкома ВКП(б) от 16 мая 1938 г.

Решение Сталинского райкома ВКП(б) об исключении из
партии МАЛИ Ф.Ф.

МАЛИ Франц Францевич член ВКП(б) с 1931 года, партбилет
№ 0403564, рабочий. Работал на хлебозаводе "Автомат".

Решением Сталинского райкома 15 января 1938 года Мали
исключен из рядов ВКП(б), как враг народа.

- Решение Сталинского райкома ВКП(б) от 15 января 1938
года - утвердить. Мали Франца Францевича из рядов ВКП(б)
исключить, как врага народа.

И.О. СЕКРЕТАРЯ ГОРКОМА ВКП(б) - *Григорьев* /СУЛДАКИ/

Решение об исключении из партии, 16 мая 1938 года.

Копия верна

18

С. С. С. Р.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Управление Государственной Безопасности по Свердл. области

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

1938 г. Сентября мес. 14 дня. Я. Митрополит Ушаков
(должность, наименование органа, фамилия)

Сержант Г. Н. Никурин допросил в качестве обвиняемого Сидорова Ф. Ф.

1. Фамилия Сидорова
2. Имя и отчество Фрола Фроловича
3. Дата рождения 1894 года 29. Сентября
4. Место рождения д. Космо, Чусовского уезда Пермской губернии
5. Место жительства 2 Свердловская ул. Обсерватория 233 к. 6.
6. Нац. и гражд. (подданство) Немец гр.-в. СССР
7. Паспорт выдан 3 октября 1937 года Свердловской милиции
серии (когда и каким органом выдан номер, категория и место прописки)
8. Род занятий слесарь-токарь хлебозавода
(место службы и должность)
8. Социальное происхождение сын рабочего Каменщикова
(род занятий родителей и их имущественное положение)
хозяина дома своего имени и когда
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
 - а) до революции рабочий - Военно-технический центр
всепризывник
 - б) после революции рабочий токарь
11. Состав семьи жена - Мария Владимировна 36 лет
(близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)
дети: Аня - Валентина Фроловна 17 лет, Мария
Николай Фролович 7 лет
Мать

Вопрос: К какому времени это относится?

Ответ: Актарий я похитил в 1924 году. Мом

Вопрос: Каким путем вы похитили изобретательный паттерн?

Ответ: Актарий я заглаживал через швейную и похитил его погнотой. Мом

Вопрос: Предлагали вам, рассказать свидетелю о конкретном факте вашей практической деятельности в пользу государственной разведки в том или ином виде?

Ответ: Ни каких заданий я не похитил и практические работы в пользу государственной разведки я не делал. Больше показать по этому вопросу я ничего не могу. Мом
Промоком мне прочитали запись все с моих слов правильно. Мом

Получены 21 III октября 1938 г. Б. Шиндлер

РСФСР

КОПИЯ

Свидетельство о смерти

I-юн №103674

Франц Францевич

ноября 1940 года

девяти часов сорокового года

лет

вспадение легких

актов гражданского состояния о смерти 1941 года февраль - месяца
ена соответствующая запись за № 543

ение.

область, край

р. Злато г. Свердловска
2 мая 1958 г.

дующий бюро записей актов
гражданского состояния

(подпись)

с. свере

г. я. Парфимова ВВ нотариус
кой Государственной

идетельствую верность этой копии с подлинником ее. При сличении копии с
и поправок, приписок, зачеркнутых слов и других особенностей не оказалось.
длины 2 руб.

01.

Нотариус

Парфимов

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ
УРАЛЬСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

УЧТЕНО в 1982 г.

Копия верна ²⁷

IA

Дело № 941

судило 18/III 1958 г.
подсудим тов. Смирнов
обкурор тов. Билков
рассмотрено 5/III 1958 г.

ХРАНИТЬ ВЕ

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ
Военных Дел Союза ССР**

АТУ В АРХИВ
ИТЕРА
РН СССР

Год производства 19

МИНИСТЕРСТВО ССР
ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО № 29307

по обвинению Мали Ф. Ф.

№ 06025
25.06.1958.
В П УралВО

08607
14 VII 8

Ф. П. ПОЛУЧЕННЫХ С. 01

~~26738~~
~~9137~~

Полученные из архива дело должно быть
возвращено через 10 дней с момента получения
его. Передача полученных из архива дел в
другие отделы или органы производится исклю-
чительно через 1 Спецотдел МВД СССР

Арх. № 810032

Том № 1

Переплетено в 19 г.

Дело в 1 томах

Прокуратура Совет. Орд.
ОБЩИЙ ПРОКУРОР
УРАЛЬСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА

Секретариат УК 3
Свердлов. обл. бас. м
13. VI 1958 г. Вх. № 226

Копия верна *5*

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ КГБ ПРИ СМ СССР
ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

10 июня 1958

ГЕНЕРАЛ-МАЮРУ тов. ИЛЬИЧЕВУ А. В.

№ 4/1504-58

УКГБ Свердловской обл. см
Отдел *с.м.*
13. VI 1958 г. Вх. № 1934

ГОР. СВЕРДЛОВСК

г. Свердловск

03292

Направляем Вам жалобу гр-ки МАЛИ Нины Фран-
цевны и архивно-следственного дела № 9137 по обвине-
нию МАЛИ Франца Францевича - для проверки обоснова-
ности его репрессирования.

В процессе проверки дела необходимо:

1. Проверить, как разрешено дело на ШИФЕЛЬ-
БАЙНА, который якобы вовлек его в к/р диверсионную
шпионскую организацию.
2. Уточнить ли в органах НКВД какие-либо ос-
нования для ареста МАЛИ Ф.Ф.
3. Составить обзорные справки по делам на
НОВАК Ф.А. (и.д. 8) и других лиц, перечисленных в
его показаниях.
4. Приобщить краткую справку о судьбе лиц,
принимавших участие в следствии по данному делу.

По окончании проверки все материалы вместе
с делом и Вашим заключением прому выслать нам.

ПРИЛОЖЕНИЕ: дело в 1 томе и жалоба на Ф.И. /и.м.ч.
от в/х, № 06028, только адресату.

ЗАМ. ВОЕННОГО ПРОКУРОРА УРВО
ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ
В. Богданов
(А. СЕЛЯНИН)

*Масчанову
на проверку
Мали
18. VI - 58*

СВЕРДЛОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ

Ф.Ф.

Классификация	Секретно
№	1570
Дата	31 мая 1990

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Бюро Свердловского обкома КПСС

22 мая 1990 г.

протокол № I, л. 45

О реабилитации в партийном отношении т.Мали Ф.Ф.

Мали Франц Францевич 1894 года рождения, немец, образование начальное, член ВКП(б) с 1931 года, партийный № 0403564, в момент привлечения к партийной ответственности работал мастером смены на хлебозаводе "Автомат" в г.Свердловске.

16 ноября 1937 года на общем партийном собрании хлебозавода "Автомат" т.Мали Ф.Ф. исключен из партии как ослонно совпавший выполнение задания 5 ноября 1937 года, как скрывающий свое иностранное подданство до 1937 года.

Постановление партсобрания об исключении т.Мали Ф.Ф. из партии 15 января 1938 года утверждено бюро Сталинского райкома ВКП(б) г.Свердловска. Постановлениями бюро Свердловского райкома ВКП(б) от 16 мая 1938 года и обкома ВКП(б) от 2 февраля 1939 года т.Мали Ф.Ф. исключен из партии как враг народа. Обвинение документами не подтверждено.

9 сентября 1938 года особое совещание при НКВД СССР приговорило Мали Ф.Ф. к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Он обвинен в том, что с 1936 года являлся участником контрреволюционной диверсионно-повстанческой организации, созданной германской разведкой и проводил контрреволюционную работу.

5 августа 1958 года определением военного трибунала Уральского военного округа т.Мали Ф.Ф. реабилитирован.

БЮРО ОБКОМА КПСС ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Тов.Мали Франца Францевича реабилитировать в партийном отношении.

СЕКРЕТАРЬ ОБКОМА КПСС

А.Гусев А.ГУСЕВ

Послано: ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, Кировскому № КПСС в Свердловске

15ак

ПОЕЗДКА НА КУКУЙ-2

Утро выдалось холодным и пасмурным. Была суббота. Не думаю, что мужу Татьяны Витальевны хотелось выезжать куда-то из дому. Она спросила меня: – Вам очень хочется поехать на Кукуй? – Конечно, ради этого я ехала тысячи километров, а теперь, когда я почти у цели моего путешествия, разве могу отказаться от этой поездки!

Николай Васильевич согласился свозить меня. Татьяна Витальевна дала мне потеплее одежду, и мы поехали втроем. Миновав на полпути деревню Хулабердиху, которая, говорят, была конечным пунктом похода Мамаю, наша «Нива» вырвалась на простор полей. – Вот на этих полях мы школьниками пропалывали лен, – с грустью поведала Татьяна Витальевна, глядя на заросшие бесхозные просторы, – а на этом поле убирали картофель.

Нынче Мамай тут не проходил, но везде следы безлюдья и запустенья. Так же выглядели и рядом стоящие деревеньки Кукуй-1 и Кукуй-2. Разваливающиеся дома, покинутые хозяевами, умершими или уехавшими, являли грустную картину. В добротных домах остались верные родным местам старожилы. К одному из таких крепких домов мы и подъехали. Хозяин, высокий, худощавый мужчина с нездешним акцентом оказался молдаванином, гостеприимно пригласил войти в дом. Высокое крыльцо, дом просторный, половицы с полметра шириной, высокие потолки. Хозяин еще не стар, чуть сутуловат, с красивыми рабочими руками.

... Дмитрий Иванович Пшеницкий был призван в армию в 1952 году в Молдавии и направлен сюда, в костромскую глубинку, охранять зеков. Три года отслужил как раз в том лагере, где были осужденные по ст. 58. – Культурно вели себя, – вспоминает Дмитрий Иванович, – не сквернословили, относились друг к другу бережно. Изможденные все, жалко было смотреть на них. Но мы несли свою службу.

Последним начальником лагеря был Моисей Григорьевич Рывкин, по словам Пшеницкого, мужик хороший, не жестокий. – А где же начинался лагерь? – спросила я. – Да верстах в пяти от

кромки леса. – Дорога туда есть? Можно ли пройти? – Нету, все заросло лесом. Никто не ходит, не ездит туда, деревня вымирает, осталось несколько человек.

Я смотрела на лес, который находился примерно в одном-двух километрах от деревни. Мне хотелось пойти туда, ходить долго, долго и, может быть, найти хоть что-нибудь, напоминающее о людях, страдавших здесь, положивших свои жизни ни за что, ни про что. Вскоре после смерти Сталина лагеря начали ликвидировать, но Пшеницкий остался здесь, женился на вдове чуть постарше себя. Взял с двумя детьми, своих детей не было. – Теперь вот я овдовел, – печально добавил Дмитрий Иванович. – Два года уже нету моей матушки, – так любовно назвал он свою жену. Остался совсем один... Кому теперь я нужен? – Дети вашей жены? Где они? – Они далеко... Да зачем я им? Ноне родных-то отцов бросают, чего уж обо мне говорить. – Для кого же вы такой дом большой строили? – Так ведь не думали, что жизнь так круто изменится, надеялись, что и дети здесь жить будут. Матушка моя хотела большой дом иметь. Вот и поставил я своими руками в шестидесятом году.

Мы сидим за красивым дубовым столом с резными ножками напротив огромного трюмо. – Где же вы такую красивую мебель покупали и как доставляли, ведь переправы через Унжу здесь не было никогда? – Эту мебель мы купили у начальника лагеря Рывкина, когда он уезжал отсюда. По 250 рублей отдали, тогда это были большие деньги. Матушка хотела, чтобы в доме красиво было.

Дмитрий Иванович не сдержал слез, утирая их загоревшими натруженными руками. – Лошадку-то держишь?, – спросил Николай Васильевич. – Держу пока... – Продам бы, тяжело ведь. – Нет, Сынку я не продам. Я им только и живу. Кому сено привезти, кому дрова, все ко мне идут. А так бы и не заглянул никто. Да я и за продуктами в Тимошино, пока дорога есть, на Сынке езжу. Не ближний свет, 15 километров пешком топать. Зимой, когда нет дороги, на лыжах хожу. Нет, без Сынка я

один, совсем один. – Давайте попьем чаю, как же без чаю-то, – спохватился хозяин. – Спасибо, нам ехать надо, – сказал Николай Васильевич, – дела ждут.

Пшеницкий проводил нас за ворота. Я сделала снимок: хозяин на фоне своего дома, крепкого, надежного. Век человека подходит к концу, а дом простоит еще больше ста лет. Но «без хозяина дом сирота», а сиротам плохо живется: не станет хозяина, и дом его ждет та же участь, что и соседние.

Попрощавшись, Дмитрий Иванович стоял печальный. Наш приезд был для него как глоток свежего воздуха, так же короток. Мне стало его жаль, но что я могла сделать? Остаться, побеседовать с ним? Но у меня дальняя дорога с большими препятствиями. Я достала из сумочки небольшую купюру (какую позволяли мои финансы). – Купите себе что-нибудь вкусненькое. – Он не хотел брать, мол, самим пригодится, снова растрогался. – Пора, – сказал Николай Васильевич. – Он лесничий, у него свои дела.

Мы пошли к машине. Пшеницкий некоторое время шел за нами, словно хотел остановить нас или уйти от своего одиночества. Мне тоже надо было спешить, чтобы успеть от Тимошино добраться до переправы через Унжу и застать перевозчика с лодкой.

На лугу мирно пощипывал травку Сынка. Я пыталась подойти поближе, чтобы заснять его покрупнее. Но он опасливо выдерживал расстояние: видно, не привык к чужим людям, признавал только хозяина. К вечеру я была в Макарьеве, а на утро покинула этот городок.

Вернувшись домой, я думала о том, почему я раньше нигде не слышала об Унжлаге. Ведь там окончили бесславно свои жизни тысячи заключенных! Кто же возьмет на себя эту миссию – рассказать об этом чудовищном месте, чтобы родные, оставшиеся в живых потомки могли приехать и поклониться праху своих предков?

Екатеринбург – Макарьев – Тимошино – Кукуй-2 –

Екатеринбург. 2002 год.

Как уже упоминалось, этот очерк был опубликован в 2003 году. Тогда об этом лагере я не могла найти сведений. Оказывается, он был засекреченным. Теперь в интернете можно много найти материалов, даже книга написана об Унжлаге. Меня очень порадовало, что летом 2009 года в г. Макарьево был открыт памятник «Поклонный крест». Как разумно подошли к установке этого памятника архитекторы! В основу монумента положили рельсы заброшенной узкоколейки – железной дороги, которая связывала все лагерные пункты лесозаготовки Унжлага. А сам крест выполнен из обломков рельсов.

Если вспомнить, что лагерь был организован 5 февраля 1938 года, то можно представить сколько тысяч заключенных привозили сюда эшелонами для постройки самого необходимого: бараков, смотровых вышек, заборов с колючей проволокой и, самое главное, прокладки железной дороги в этой гиблой сырой местности с множеством рек и болот. В числе этих тысяч в июле 1940 года был доставлен и мой отец. Узкоколейка построена на костях человеческих. На каком-то из этих участков погиб мой отец. А сколько леса нужно было вырубить для прокладки железной дороги, пользуясь обыкновенной пилой и пилой-лучевкой (ручной) да топором? Сколько деревьев повалено, столько жизней загублено, если «каждый день умерших считали десятками и вывозили машинами»!

Фото С. П. Михайлова, г. Макарьев.

ДОНОСЧИК

Спустя 75 лет после Большого террора, по Закону, архивы стали доступны не только для родственников, но и для людей посторонних. Понятно, что я не могла не заинтересоваться персоной директора завода, и хочу представить его читателям.

Биография Сивкова. Родился в 1902 в поселке Нытва. Начальную школу посещал в 1910-1913 годы. Работал с 12 лет учеником слесаря, затем масленщиком на пароходе «Усердный». С парохода сбежал на завод в Нытву. В Нытве был арестован колчаковцами и подвергался поркам. С приходом Красной Армии в конце 1919 года избран председателем Нытвинского Совета РК, вступил в ВКП(б). Отец умер в 1912 году.

Далее идет послужной список. Работал в Усолье, Сарапуле, в Перми, в Свердловске, в селе Батури. Учился в Комвузе УСК 1923 -1925 годы. В июле 1936 года Сивкову объявлен выговор, он снят с партийной работы «за принудительное вовлечение в колхоз «Шеф» единоличников, что сопровождалось грубостью и насилием» Челябинским обкомом ВКП(б). Но после такого наказания, 3 сентября 1937 года, Сивкова утверждают директором хлебозавода «Автомат». Я не могу отказаться от публикации послужного списка В.Д. Сивкова после окончания учебы в Комвузе, так как этот список характеризует новоявленного «специалиста».

1. 1926-27 г. зам. зав. АПО, г. Сарапул;
2. 1927 -28 г. зав. отд. Пропаганды, г. Пермь;
3. 1928-29 г. директор Управления зрелищных предприятий, г. Пермь;
4. 1929-30г. секретарь парткома завода «Сепаратор», г. Пермь;
5. 1930-32 г. преподаватель 2 Уральского комвуза,
6. 1932-33 г. преподаватель Промакадемии, г. Свердловск.
7. 1933-35 г. начальник политотдела Батуринской МТС.
8. 1935-36 г. секретарь РК ВКП (б), г. Шадринск.
9. 1936-37 г. начальник ГКХ, зам. начальника Горкомхоза, г. Челябинск.

За десять лет «деятельности» Сивков сменил девять мест

работы, причем на должностях, далеких одна от другой. Видно, нигде он не мог работать как следует, отовсюду его отфутболивали! И этот субъект судил других ?!

На заводе «Автомат» еще полнее раскрывается его натура. Одна за другой поступают докладные на директора.

«Зам. директора Котельникову от завхоза детсада Кортеевой. Директор взял у меня 10 метров мануфактуры, обещал дать мне квартиру, но ни денег, ни квартиры я от него так и не получила».

28 июля (год не указан) газета «Уральский рабочий» публикует материал зоотехника заводского подсобного хозяйства Понамарева, в котором рассказывается, какие безобразия творятся в подсобном хозяйстве, где начальником некто Никульшин. Сенокос проведен плохо, по вине начальника хозяйства загублен жеребец-полукровка «Сынок». По распоряжению начальника забивались больные свиньи. Директор завода Сивков с друзьями приезжают ночью, будят зоотехника, кладовщика Кадникова и посылают за водкой в село Абрамовское.

На партийном собрании факты, указанные зоотехником Понамаревым, подтвердились, статья признана правильной. Материалы переданы в партком и директору завода для принятия соответственных мер. Меры приняты, 6 мая 1937 года Никульшин был уволен с работы за пьянство и хулиганство. Но! В июле, т.е. через два месяца, приказом директора был восстановлен в прежней должности.

А докладные на самого директора продолжают поступать. «Начальнику снабжения от зав. складом Дубинкина. Тов. Сивков получил для подсобного хозяйства 50 кг муки, разделил ее пополам с начальником подсобного хозяйства». Еще одна докладная. «Довожу до вашего сведения, что директор завода занимается расхищением блинной муки и изюма. 14 / X1. 38 г.».

Если бы я сама не читала эти архивные документы, я не смогла бы поверить тому, что этот человек позволяет себе говорить о других (в частности, о моем отце), что «Мали ни на одну минуты не может быть членом партии», не имея на это морального

права. Естественно, что в такой ситуации необходимо было найти жертву, чтобы обезопасить себя. Уже одних докладных было бы достаточно для исключения Сивкова из членов партии. Но оказывается, за ним водились еще кой-какие грешки. Он скрыл, что его отец был не из бедных рабочих, он имел два пароходика, курсировавших один по Нытве, другой по Каме. А еще построил две водяные мельницы, эксплуатируя наемный труд. Бытуют такие сведения, что через многие годы у своей же мельницы и утонул в пьяном состоянии. Скрыл, что его мать Екатерина Петровна была лишена прав на три года. И только когда вскрылись все эти факты, Сивкова в декабре 1938 года исключили из партии.

Он отчаянно отстаивал свою «честь» и договорился до того, что отрекся от родной матери. Вот буквально сказанные им слова, взятые из протокола собрания 30 декабря 1938 года: «А мать я не считаю родной, она отдала меня под расстрел Колчаку, мать моя была почти проституткой».

(Возможно, по этой причине к Екатерине Петровне была применена мера поражения в правах на три года 1932-1935 г.). А «наказали» Сивкова таким образом: в 1939 году – он уже на должности зам. директора молочного завода, что называется, «пустили щуку в реку». Удивительно непотопляемый субъект! Говоря современным языком, крыша у него была надежная.

Я сочла необходимым рассказать о Сивкове, чтобы наглядно, на примере показать, какая «пена» топила честных сограждан. Кстати, нарушения Сивкова на этом не заканчиваются: в 1954 году на него заведено еще одно дело, но не пришло время раскрыть эти архивы.

СО ВРЕМЕН КАЛИТЫ

Со времен Калиты до сегодняшних пор,
То ли я, то ли ты можем вдруг под топор.
Под топор клеветы, тут не властен закон –
То ли я, то ли ты, ну а, может быть, он.
Клевета – это смерть, вспомним тридцать седьмой,
По стране, словно смерч, прокатился чумой.
Но оставил свой след наш вселенский позор:
Целой нации свет угодил под топор.

Раздавалось: «Он враг!» по указке слепой
Отправляли в Гулаг воркутинской тропой.

А потом, что ни ночь, то без сна, то в бреду
Мать, жена, сын и дочь дома ждали беду.

Был вчера политрук, был комбриг, был поэт,
Был ученый и вдруг – вроде были – и нет.
Память острый клинок в нас вонзила, в наш век,
Подъезжал воронок, исчезал человек.
Пропололи народ, стал не с легкой руки
В сорняках огород, в орденах сорняки.
Клевета принесла столько горя и бед:
Нет могилам числа, оправдания нет!

Крутит жизнь виражи: как народ наш устал –
Он войну пережил, снова на ноги встал!
Но пока над землей светит звезд хоровод,
Нету правды иной – будет вечен народ!

Лев Зонов.

г. Екатеринбург.

Я ВАС НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ...

В моей жизни оставалось еще одно незавершенное дело – поиски родственников моего отца, которые упомянуты выше. Конечно, братьев уже не было в живых, но их дети, мои ровесники, могли быть. Я упорно продолжала поиск, параллельно с делом моего отца. И хочу представить читателю результат этого поиска.

... Эти четыре фотографии (три из них формата открытки) чудом сохранились после обыска во время ареста моего отца Мали Франца Францевича в трагически памятном 1938 году.

На одном фото за круглым столиком сидят двое: на первом плане моя бабушка Мария в цветастом платье с небольшим букетиком цветов, ей 64 года. Несколько дальше – мой дед Франц, в строгом костюме, ему 62 года.

На другом фото – дети лет четырех-пяти. Девочка стоит. У нее белокурые волнистые волосы до плеч, на макушке пышный белый бант. Она в красивом платьице, в руках цветы. Мальчик в матросском костюме сидит и держит обруч. Это Эрна и Франц, дети родного брата отца Антона.

На третьем фото вся семья дяди. Уже подросшие дети, сам дядя Антон, его жена Анна. У нее на коленях младенец с соской во рту. На обороте фотографии дата: сентябрь 1930 года.

Фотографии хранятся почти 80 лет. Все эти долгие десятилетия они не просто лежали, они имели огромное значение, а может быть, даже влияние на мою жизнь. Особенно в тяжелые годы изгнания, когда мы были в глубоком уральском лесу втроем: моя мама Мария Владимировна, старшая сестра Валя и я.

Это были годы моего детства. Я помню, как время от времени я доставала фотографии из маминого, красивой бордовой кожи, ридикюля, уже сильно потертого на сгибах. Делала это в одиночестве, когда мама и сестра были на работе, чтобы насладиться мечтами о моих далеких родственниках. Их жизнь мне представлялась сказочным раем. Моей детской фантазии не хватало для того, чтобы представить их в реальной обстановке, они были недоступны, где-то высоко на воздушном облаке. Я любила их. И добрую бабушку в цветастом платье, и строгого деда в парадном костюме. И мою повзрослевшую на втором фото сестру Эрну с густой челкой. Я находила сходство с ней: у меня тоже густая челка и весь облик похож на нее (так мне казалось). Только я не могу опереться рукой на плечо моего папы и стоять рядом с ним, как изображена моя далекая кузина на

фото. Мой папа – в неизвестности, а мы – отвергнутые изгои.

Подпись на обороте фотографии мне была непонятна, и я карандашом написала: «Это моя сестра и мой брат. Это мои бабушка и дедушка». Тогда-то и возникла детская мечта: вот бы найти моих родственников. Наверное, они были бы рады встретиться с нами... Эта мечта поселилась глубоко в моем сердце, прочно осела в памяти, на самое-самое донышко. Но всплывала легко и часто, оставаясь невидимой тайной для окружающих.

А мы по-прежнему были СВН – семьей врага народа – до того дня, когда в 1958 году получили документ о реабилитации нашего отца «за отсутствием состава преступления».

Клеймо ненавистной аббревиатуры СВН официально было снято, но комплекс «виновности», униженности, гнездившийся в нас в течение двадцати лет, очень долго пришлось изживать. Казалось, наступила свобода действий, можно начать поиски родственников отца. Тем более, что в 60-е годы наш Свердловск стал городом-побратимом Пльзеня, чехословацкого города. А вся семья отца жила в Чехословакии. Там он родился, там оставались его родители и братья – Антон, Эдуард, Йозеф.

Я надеялась побывать в Чехословакии и там куда-то обратиться, что-то узнать. Подала документы на выезд. (Тогда уже многие побывали в социалистической братской республике). Но я оказалась «не выездной». Фамилия не русская, отчество тоже, незамужняя, не комсомолка, беспартийная... Куда вы прете, гражданка? Разве можно таких выпускать за рубеж?

Опять огорчения, переживания, опять унижение. Куда же еще податься? Я написала в Москву, в Центр розыска и информации ЦК общества «Красного Креста». Мне вежливо ответили, что эта организация занимается только поисками погибших в Великой Отечественной войне.

И вот однажды в газете «Известия», которая в те годы имела огромный тираж и пользовалась необычайной популярностью, в годы, когда главным редактором был Алексей Аджубей, я прочитала статью о легендарном отряде «Зарево», сражавшимся

во время войны в фашистском тылу. В отряде были бойцы разных национальностей, в том числе два чеха, два Владимира: Самек и Кадлец.

Кадлец жил в СССР, и судьба его отца Франца Кадлеца был совершенно аналогична судьбе моего отца: во время первой мировой войны, как и мой отец, попал в плен на Восточном фронте и остался навсегда в России. Позже был репрессирован, разлучен с семьей, много лет ничего о нем не знавшей. Но, к счастью, Франц Иванович Кадлец остался жив. И только благодаря статье в «Известиях», где называлось имя его сына Владимира Кадлеца, они нашли друг друга через 23 года! Сын жил в Краснодаре, отец – на Дальнем Востоке.

Эта информация меня очень обнадежила. Прежде всего надо узнать адрес В. Кадлеца, а через него, возможно, координаты В. Самека, он живет в столице Чехословакии – Праге. А уж если с ним наладится связь, то, может быть, мне повезет, и я найду моих родственников.

И снова я беру фотографии, всматриваюсь в лица моих родственников, пытаюсь представить, какими они стали теперь, уже много лет спустя. На маленьком, 6х9 см, четвертом фото, где изображен зеленый городок Хаммер и точками обозначены дом, где жила семья отца, школа, где учились братья, и шахта, где работал один из братьев – Эдуард, пытаюсь представить, как когда-нибудь я пройду по этому городку...

Я написала письмо в редакцию «Известий» с просьбой, чтобы вложенное мной письмо для В. Кадлеца передали адресату, если это возможно.

Ответа не было долго-долго. И наконец-то получаю письмо от В. Кадлеца. Вот выдержка из этого письма.

«Уважаемая Нина Францевна!

Лишь несколько дней назад я получил Ваше письмо, которое из Москвы попало почему-то в Краснодарский крайком КПСС, а затем ко мне».

Да... Партийные органы были начеку: Францевна пишет

Францевичу... Проверка шла тщательная.

Далее Владимир писал о том, что с чехословацкими друзьями у него постоянная переписка, и сообщил мне адрес Владимира Самека.

Незамедлительно пишу в Прагу. Просьба одна: помочь в поисках родственников отца.

Но ... Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. На переписку уходили месяцы и месяцы, они складывались в годы. Последнее письмо В. Самека датировано 1 июня 1965 года. Он писал, что фамилии Мали в Чехословакии «есть много, и мы точно найдем Ваших близких, Мали по-чешски правильно Малы».

Владимир послал фото жены Марии с двумя детьми: сыну Володе – три года, дочке Алене – 2 года.

В своих мечтах я уж гуляла по Праге, была в Национальном Пражском театре, где Самек работал осветителем, ведь он непременно пригласит меня на спектакль. Я очень надеялась и ждала. Но больше писем не было. Видимо, наши соответствующие органы усилили бдительность.

И вот разразилась «Пражская весна», когда советские танки ворвались в Чехословакию. Под гусеницами этих танков погибла моя надежда, пришел окончательный конец моей переписке. Всё провалилось в «черную дыру».

В 90-х годах я снова обратилась в «Красный Крест». Ответ меня обескуражил: с меня требовали адрес, где много лет назад проживала семья отца. Господа! Если бы у меня был этот адрес, зачем бы я обращалась к вам?

В поисках я пыталась использовать любую возможность, любую зацепку. В каком году, сейчас не помню, в наш город приезжали писатели из Чехословакии. На встрече с ними я подарила одному писателю чудесно изданный миниатюрный томик А.С. Пушкина «Евгений Онегин», купленный мной в усадьбе поэта Михайловском. Можно сказать, от сердца оторвала. Но просьба моя – помочь в поисках родственников – стоила того. Однако все впустую.

А годы шли, бежали, летели...

Во второй половине 90-х годов появился журнал «Ридерс Дайджест». Мне показался он интересным, я оформила годовую подписку. В майском номере 1997 года прямо на обложке в оглавлении вижу (впервые в печатном органе!) свою девичью фамилию: статья называлась «Обыкновенное мужество Вацлава Мали», автор Люсинда Хан. На странице 69 читаю об этом человеке. Оказалось, он служит священником в церкви Святого Антонина города Праги. Но однофамилец же! Может быть, есть какая-то родственная связь с моим отцом? Но как добраться до Вацлава Мали? Решила через Люсинду Хан.

Летом мне довелось быть в Москве, я разыскала редакцию на Зубовском проспекте. К моему великому сожалению, Люсинда была в длительной командировке. Значит, надо писать прямо в Прагу на имя епископа Вацлава Мали, что я и сделала, слабо надеясь на ответ. Но ответ получила. Епископ с сожалением сообщал, что никаких связей с семьей моего отца не обнаружилось. Да, ведь Владимир Самек писал, что такая фамилия очень часто встречается в Чехословакии.

Надежда найти родственников то чуть-чуть теплилась в моей душе крохотной искоркой, то вновь воспламенялась, в зависимости от обстоятельств. Однажды в газете «30 октября, издании Московского «Мемориала», я прочитала статью о поисках военнопленных немцев, не вернувшихся из России. Был указан адрес, куда можно присылать информацию. Я решила воспользоваться случаем и послать свой запрос, хотя понимала, что моё дело не имеет никакого отношения к поискам военнопленных.

Однако ответ получила обстоятельный, мне сообщили, что мой отец, родившийся еще до образования Чехословакии, был зарегистрирован как австрийский поданный, и место его рождения теперь носит иное название. В связи с тем, что Судеты были присоединены к Германии, значит, там же следует

искать моих родственников. Но где именно, вопрос оставался по-прежнему открытым.

...Вот уже и третье тысячелетие на календаре, уже все чаще посещают мысли о том, что там, в Европе, и живых-то родственников, возможно, не осталось... Значит, я никогда не увижу тех, чей образ согревал мою душу в тяжкие минуты жизни.

Наступил 2003 год. Он принес мне неожиданную радость. Российская пресса отмечала 300-летие со дня основания первой газеты «Ведомости», учрежденной Петром I. «За заслуги перед отечественной журналистикой» я была награждена памятным знаком. В этом году и город на Неве, основанный Петром I, торжественно праздновал свое 300-летие. Летом мне представилась возможность поехать в Санкт-Петербург. Я ходила по городу, по музеям и, удивительное дело, мой памятный знак, прикрепленный на лацкан жакета, с четкими цифрами 300 (1703-2003) воспринимался как юбилейный знак города.

Именно здесь, в любимом мною С-Петербурге, произошло событие, которое за один год разрешило мои 45-летние поиски родственников. Вернее, даже не событие, а Его Величество Случай.

Почему-то вдруг у меня возникла мысль посетить Петербургское общество «Мемориал». У себя в Екатеринбурге я состою в таком обществе, которое объединяет пострадавших от политических репрессий. Но у меня не было никакого задания, ничего мне там не было нужно. Интуиция ли меня вела или Провидение – не знаю. Я нашла в справочнике телефон «Мемориала», позвонила. Мне назначили определенное время, и я поехала на встречу с председателем общества. А кто бы, вы думали, был этим председателем? Замечательный человек, интеллигентный, эрудированный – Владимир Эдуардович Шнитке, родной племянник Альфреда Шнитке, всемирно известного композитора, музыканта, к сожалению, рано ушедшего из жизни.

Естественно, я спросила в первую очередь о работе «Мемориала». Владимир Эдуардович рассказал о том, что меня интересовало. Затем наш разговор перешел на другую тему.

Я спросила, где теперь живет вдова композитора. Оказалось, в Германии. Слово за слово, и речь коснулась моих поисков родственников. Когда я назвала место, где родился мой отец, Владимир Эдуардович заметил, что после окончания Второй мировой войны часть Чехословакии была присоединена к Германии, и мои родственники наверняка живут в этой стране.

Шнитке разложил на столе новейшие атласы, и мы стали выбирать названия городов, созвучных названиям чешских. Но нужно было еще учесть близость границ. Остановились на городе Клингельталь. Владимир Эдуардович тут же нашел почтовый индекс и посоветовал написать на имя бургомистра города.

Было начало августа 2003 года.

Вернувшись домой, я написала письмо, но не сразу нашла переводчика и поэтому отправила только в сентябре без особой надежды на результат. Но 21 ноября получила обстоятельный ответ. Не пустую отписку, как водится среди наших чиновников-бюрократов. Письмо, конечно, на немецком языке, без переводчика не обошлось, как и во всех последующих письмах. Оказывается, в Германии поисками занимается Христианская церковь. Суть такова: поиски были проведены по разным каналам, прошли тщательные проверки среди жителей, но, к сожалению, ничего утешительного сообщить мне не могли. Однако настоятельно рекомендовали обратиться в Мюнхен по указанному адресу. Скажу прямо: этот эпистолярный жанр растянулся на долгие месяцы, но закончился с желаемым результатом.

Посылаю письмо в Мюнхен. Почти через месяц, 18 декабря, получаю аналогичный обстоятельный ответ и рекомендацию написать в Штутгарт. Адрес прилагается. Эпистолярный роман продолжается. С учетом рождественских каникул ответ из Штутгарта приходит 10 февраля 2004 года. Все повторяется один к одному. Но это не останавливает меня. Коль прилагается адрес города Пассау, куда советуют обратиться, значит, надо писать.

В это время какие-то обстоятельства мешают мне послать письмо быстро, несколько задерживаюсь. Но и Пассау не укладывается в

месячный срок, как другие города, подозрительно долго молчит.

Наконец, получаю письмо, вскрываю конверт и ... О, Боже! Без перевода понимаю: Анна Малу, дочь дяди Антона! Тут же номер телефона, адрес.

Да, эта та самая Анна (как выяснилось позже), которая на семейном фото дяди Антона восседала младенцем с соской-пустышкой во рту на коленях матери!

Можете ли представить чувства, охватившие все мое существо в эти минуты! Через 45 лет поисков! Я и сама не могла бы их описать, только вычленить главное: радость, ликование и сомнение – неужели нашла?! А где-то в подсознании: поздно! Поздно! Но лучше поздно, чем никогда.

Собрав свои жалкие познания немецкого языка, который учила в университете, переводили мы почему-то всегда тексты технические либо политические, я все-таки могла объясниться в нескольких фразах.

Разница во времени с Германией четыре часа. Дожидаюсь с большим нетерпением оптимального времени для переговоров, набираю номер.

Гутен Таг! – Добрый день!

Гутен Таг! – слышу в трубке! – Это Нина, ваша кузина из Екатеринбурга. – О! Нина! Я Анна, дочь дяди Антона.

Далее я смогла объяснить, что немецким языком не владею, я напишу письмо.

Это произошло 11 мая 2004 года.

... Письмо я написала подробное и в немецком переводе послала Анне.

Ответ ждала очень долго – все лето. Несколько раз еще звонила Анне, но немецкую речь понять не могла. Единственное, что поняла: Анна послала мне письмо. Я получила его только 6 октября 2004 года на немецком и на русском языках. Видимо, Анна долго собирала хронику всей семьи Малы. Затем письмо отправилось в Пассау, где был сделан перевод. И только 22 сентября отправлено в Россию.

В письме дана подробная хроника семьи Анны, братьев отца Эдуарда и Йозефа. Вот оно.

«Дорогая Нина!

В этом письме мне хотелось бы рассказать немного о своей семье. Прежде всего хочу сказать, что я была очень удивлена через столько времени еще вступить в контакт с семьей дяди Франца. Мой отец в 1966 году пытался через Красный Крест разыскать родственников, но безуспешно. Если бы отец был жив, он был бы очень рад. Из рассказов отца мы знали, что один из его братьев был женат в России. До 1934 года мы поддерживали связь, потом контакт прекратился. Мои бабушка и дедушка (Малы) умерли еще до изгнания из судетской земли.

После нашего изгнания в мае 1946 года (мои родители, семья моего брата Франца, моя сестра Елизабет и я) прибыли в Хирценхайн (Гессен). Этот город находится в 60 км от города Франкфурта-на-Майне, у подножия Фогельберга. Перед нами был тяжелый путь. Нам было разрешено взять с собой только 50 кг ручной клади, остальное пришлось все оставить. Начало было для нас нелегким, но Хирценхайн стал для нас второй родиной. В 1949 году к нам в Хирценхайн прибыла, наконец моя сестра Ерна со своей семьей. И как судьбе было угодно, в Хирценхайн познакомилась я со своим мужем Карлом, 29.11.1952 года мы поженились. 25 лет мы прожили счастливо со своими тремя детьми. Но вскоре после серебряной свадьбы 17.02.1978 скоропостижно в возрасте 49 лет скончался мой муж. И так мне пришлось одной заботиться о моих детях. Мои дети, зять и мои внуки – моя гордость. Несмотря на удары судьбы, мы продолжаем жить.

Это, так сказать, кратко о нас всех. Я благодарю тебя за телефонный разговор 27.07.2004 года. Я была очень рада, к сожалению, у нас в семье никто не владеет русским языком. Благодаря переводу церковной службой розыска мы можем оставаться в контакте. К письму прилагаю несколько фотографий.

Я надеюсь на скорый ответ.

Сердечные приветы твоей семье и твоей сестре Вале.

Твоя кузина Анни Нагел,

Урожденная Малы».

Ах, как долго искала я родственников!

Дядя Антон умер в 1979 году, его жена Анна – в 1981-м. Моя двоюродная сестра Эрна и ее брат Франц, образ которых сопровождал меня всю жизнь, скончались в 1980 и 2001 годах. У Эрны остались три сына, у Франца – две дочери и два сына.

Сейчас в Германии живут две моих двоюродных сестры: Анна, 1930 года рождения, Элизабет – 1932- год. У Анны два сына и дочь, и два сына у младшей сестры. Анна прислала мне несколько фотографий детей и внуков. Это уже молодое поколение.

Эпилог

За три минувших года я получала от Анны несколько кратких писем в ответ на мои. К рождеству 2005 года – красивое поздравление в виде книжечки.

Теперь другая мечта греет мою душу: встреча с родными по крови людьми. Для них эта встреча не имеет такого значения, какое имеет для меня: они никого не искали, поэтому сообщение о родственниках в России свалилось на них, как снег на голову. Для меня – это 45 лет поисков! Должны же они иметь логическое завершение!

Я еще надеюсь....

2008 год, январь.

P.S. К великому моему сожалению, побывать в Германии, встретиться с родственниками мне не довелось. Год назад не стало кузины Элизабет, она была одного со мной возраста. Анна на два года старше. Не стало и моей сестры Вали.

Уходит мое поколенье из суетной жизни земной,

Минует какое-то время, и очередь станет за мной.

Сейчас я поддерживаю связь с представителем молодого поколения, с Михаэлем Либшером. Это внук моей двоюродной сестры Эрны.

Книги живут дольше нас, может быть, когда-то эта книга

попадет в руки будущим потомкам, и они смогут узнать, как и чем жили предшествовавшие им поколения родных.

10 июля 2017 года, г. Екатеринбург.

ВЫСЕЛЕНЦЫ

Теперь осталось, хотя бы коротко, рассказать, как жили мы после ареста отца. Повесть тоже не очень веселая.

Маму, Марию Владимировну, на работу приняли только чернорабочей на строительство нового корпуса Горного института по ул. Хохрякова. По иронии судьбы именно в этом здании позже размещалась редакция газеты «Горняк», где я работала редактором. Конечно, я не могла не помнить, как приходила с мамой на работу, как в полутемном пыльном помещении вдвоем с помощницей накладывали они кирпич на носилки и поднимали на четвертый этаж по лестнице с еще не установленными перилами, и как мне было страшно за маму, я тоже боялась упасть, поднимаясь за ними в коптерку. Там мы пили кипяток из алюминиевых кружек с кусочком черного хлеба, ведь была уже война.

Сестра Валя нанималась в няньки к состоятельным людям, живущим в соседнем доме. Валя была рослая, казалась старше своих лет, и когда началась война, её приняли на завод им. Воровского, где она обтачивала гранаты. Если бы поднять хроникальные фильмы тех лет, мы увидели бы у станка юную девочку с милой улыбкой.

Нас почему-то сразу после ареста папы не выселили из города, но зимой 1942 вспомнили о нас. Квартиру надо было освободить срочно. Мама не знала, куда поехать, так как все наши предки жили в Екатеринбурге. Одна бабушка из нашего двора Фекла Родионовна посоветовала: – Поезжайте к моей сестре Груше в село Щелкун, на первое время она вас приютит, а там оглядитесь, найдете какое-нибудь жильё.

Зима была морозной, февраль вьюжный, и вот в такую пору мы покинули наш родной город. Ехали в кузове машины,

укрывшись всем, чем можно было укрыться, но мороз все равно пробирал до костей. Приехали в село, вылезли из своего убежища. Моё первое удивление – это огромные сугробы до крыш домов, каких в городе я никогда не видела. У бабушки Груши было тепло и уютно. Жили они втроем: её дочь Лиза и внучка Наташа, ровесница Вале.

На другой день мама пошла искать работу. А куда пойти? В селе только колхоз и химлесхоз. Мама, по совету бабушки Груши и Лизы, отправилась в химлесхоз. На наше счастье (или несчастье) маму приняли на таких условиях: жить в лесу, в шести километрах от села, в пустом доме-бараке, быть и сторожем, и уборщицей. Как мы ехали на наше новое жилище, я не помню, но большое впечатление на меня произвел пустой дом.

Посередине печь-очаг с плитой, вдоль окон длинный стол из шероховатых досок. С обеих сторон стола длинные из таких же досок лавки. Вот и вся «мебель». Окон в доме пять. Четыре окна, мимо которых вплотную проходит дорога, пятое окно с торца, из него далеко видна дорога, ведущая в село. Вот у этого окна нам и отгородили нетесаным горбылем закуток. Сколотили две лежанки, одну – к загородке, другую – к противоположной стене, проход между ними совсем небольшой. И комната наша готова. Нам оставили немного дров, пилу и топор, сказали: «Дальше заготовливайте сами». Рабочие ушли. Мы остались одни. Три беззащитных существа, заброшенные в уральский лес волею жестоких, бесчеловечных людей.

Настал вечер, стемнело, жутковато шумел под ветром лес. Мы зажгли лучину, отщипнутую от сухого полена, благо, спички еще были. Кроме лучины, освещать жилище было нечем. Застелили лежанки, Валя легла на одной, на другой мы с мамой, тесно прижавшись друг к другу.

Ночью ветер стих, утро было солнечным, от белизны снега слепило глаза. За ночь все тепло выдуло, в морозы топить приходилось весь день. Позже мама достала где-то пакли, и мы сами конопатили стены, дом был скатанный из бревен, а между

ними оставались щели. Надо было как-то обжиться. Главная забота – что мы будем есть? Маме выдали три карточки на хлеб: на 800 г. ей как рабочей, нам с сестрой, иждивенцам, – по 400 г. В связи с тем, что жили мы от села далеко, хлеб разрешили выкупать вперед на три дня. Мы растягивали пайку еле-еле на два дня. За хлебом ходила мама, попутно брала кой-какие вещи из одежды и меняла их на картошку, на капусту, иногда приносила несколько морковок, репу. На это уходил весь световой зимний день. Скоро вещи кончились, а зима продолжалась.

Мама нанялась к одной бабушке вывезти на санках двенадцать кубов березовых дров с делянки, которая находилась далеко в лесу. По лесу было везти легче, но часть пути проходила по открытому полю, где дорогу сильно заметало снегом, и часто санки переворачивались. Надо было снова укладывать дрова, закреплять их веревками. Бедная моя мама! За день она могла сделать только два рейса, так как бабушка жила далеко, в центре села. Мама добиралась до барака в сумерки, а мы с сестрой, голодные, ждали, что же принесет мама поесть. А кругом стоял безмолвный лес, укрытый пышными шапками снега, и только иногда от ветра поскрипывали сосны.

Мы научились валить сухостойные деревья, но их надо было еще найти, проваливаясь по колено в снег. Перво-наперво протапывали дорожку, шли след в след, зачерпывая снег в валенки. Главное, надо сначала подрубить дерево топором, а затем пилить так, чтобы оно упало в нужную сторону. Мама и сестра обрубали сучья, распиливали ствол, я собирала сучья в одну кучу. А потом волоком по сугробам перетаскивали дрова. Раскалывали чурбаны Валя и мама по переменке. Я по несколько полешек переносила в избу. А потом всю ночь сушили намокшую одежду. Так проходила наша первая зима.

Ближе к весне в барак стали приходиться женщины-работчие, по пять-шесть каждый день. Они подготавливали сосны к летнему сезону для сбора живицы, сосновой смолы: сдирали верхний грубый слой коры скребками, выравнивали поверхность.

Полдня пробирались от сосны к сосне в толстых ватных штанах, а потом приходили в барак, снимали их и подсушивали на жарко натопленной печке. Жизнь в бараке оживилась. Женщины рассказывали о новостях в селе, в основном, были плохие вести: часто приходили похорожки, шел 1942 год.

Весной, когда начался сезон сбора живицы, Валю приняли на работу вздымщиком. Это мужская тяжелая работа, но мужчин не было, и ее взяли: молодая, крепкая. Вздымщик острым инструментом на длинном черенке пробивает по дереву дорожки под углом, чтобы живица стекала в желоб и наполняла воронку. Теперь и Валя стала получать хлебную карточку на 800 г. Меня приняли сборщицей живицы на следующий сезон, когда мне исполнилось 11 лет. Я тоже стала получать 800 г. хлеба. Чтобы выполнить норму, надо обойти сотни сосен, из воронки, прикрепленной к желобу, выскрести живицу. Когда ведро наполнится, а живица очень тяжелая, как мед и такая же липкая, его надо отнести в землянку, далеко от лесосеки, поднять на бочку и в небольшое круглое отверстие живицу выложить. Моего роста не хватало, приходилось подставлять ящик, чтобы поставить ведро на бочку, выложить живицу, а потом возвращаться обратно. Так за день несколько раз.

Мы работали с мамой, но не всегда одновременно наполняли ведра живицей, потому что не все воронки были наполнены одинаково, да и мама работала быстрее. Мне в землянку приходилось ходить и одной. Чтобы не подходить дважды к одной сосне при сборе живицы, мама сказала: «Нина, клади на воронку щепочку, чтобы было видно издали, что воронка пуста». Когда теряли друг друга из вида, перекликались: а-а-у-у! Валя работала в соседней делянке, она очень хорошо пела, и мы часто слышали её голос. А как она красиво свистела! Любую мелодию выводила, как соловей!

Что изнуряло нас летом – это вначале полчища комаров, за ними – слепни, пауты, ближе к осени мошка донимала. И много было змей. Я жутко боялась встать на змею, но они как-то

быстро уползали, только высокая трава чуть-чуть всколыхнется. Я проработала сборщицей два летних сезона (по три месяца), за что и имею «звание» труженик тыла. Да еще в колхозе на прополке с классом работала.

В школу в первую зиму я не ходила, так как жить в селе было негде, пропустила третий класс. На следующий год, записывая меня в школу, учительница Мария Васильевна посмотрела мои таблицы за первый и второй классы, где были одни пятерки, и меня определила в 4 класс, я успешно его закончила. А жила в селе, где кто приютит: то у одной девочки, где четверо детей, то у другой, где пятеро. В обеих семьях отцы уже погибли на фронте. Моего отца тоже не было в живых, только узнали мы об этом через 20 лет.

Летом жилось легче: ягоды, грибы, травы разные. Мы разработали небольшой участок земли в ложбинке, посадили картошку. Но лето выдалось сырым, и вся картошка вымокла, одна гниль. Опять пришлось зарабатывать, вскапывая чужие огороды весной, осенью нанимались копать картошку. Огороды в селе большие, по 15-20 соток.

Дальнейшие годы опишу коротко. Мама и сестра продолжали жить в бараке. Я зимой жила в селе, училась, а летом жила с мамой и сестрой. Но где-то надо работать, добывать пропитание. Нанялась водиться с ребенком: мальчику три года, но все еще не ходит. Очень тяжелый был. Его мама использовала меня и в хозяйстве: я носила воду на коромысле, выкачивая ее из колодца в тяжелой бадье, чистила конюшню. Сейчас смотрю со стороны в далекое детство, вижу тоненькую девчонку, которая идет пошатываясь, под тяжестью ведер с водой, едва не задевающих землю. Помыкаться пришлось немало. Клеймо СВН (семья врага народа), припечатанное безжалостно на многие годы, не позволяло вступить ни в пионеры, ни в комсомол. Моральный груз унижений, неполноценности, закомплексованности очень долго пришлось «выдавливать» из себя. Я до сих пор не переносу, когда унижают достоинство человека.

С нетерпением ждала получения паспорта. В 1948 году получила, приехала в Свердловск, жила у тети в тесном домике по ул. Ткачей, 24, где было три семьи, и даже кровать поставить было негде. Да и кровати-то не было, спала на полу на козьей шкурке, укрывшись пальтишком, в котором ходила. Работала на разных временных работах: во время летнего сезона в детском секторе Парка культуры, (ЦПКИО), на заводе ЭМА, откуда уволилась, потому что застудилась зимой в деревянном трамвайчике, проезжая через весь город, одетая в ватную короткую телогреечку. Наездами жила в Щелкуне, когда кончалась работа, или по болезни. Самое горькое мое воспоминание – о времени отрочества, когда я видела детей, подростков, идущих по улице рядом с отцами. И особенно, когда меня унижали, оскорбляли, обижали. У меня не было защиты. Даже теперь, в старости, эта горечь не прошла.

В 1951 году поступила в «Фотообъединение», работала сначала кассиром в фотоателье, затем приобрела профессию ретушера. Началась реабилитация репрессированных, много было хлопот по документам, затем по возвращению квартиры. Мама жили тогда уже в селе, в маленьком домике. Моя цель была перевезти маму, сестру и маленького племянника в Свердловск. На квартиру мы стояли в первой очереди и должны были вот-вот получить жилье. Но именно в это время произошло в армии сокращение командного состава, который надо было обеспечить квартирами, наша очередь была отодвинута во второй список. В результате такого перемещения нам дали только одну комнату 20 кв. м. в трехкомнатной квартире с многодетными соседями.

Путем тройного обмена мне удалось на эту комнату выменять 2-х комнатную квартиру с печным отоплением, но в центре города по ул. Вайнера, 26, напротив картинной галереи. В нее и въехала семья. Сестра работала, мама тоже подрабатывала: то кочегаром в котельной в зимнее время, то в Пассаже уборщицей. Но жили бедно, как большинство семей в послевоенное время. Моя сестра Валя образования не получила и специальности у

нее не было. Поэтому, увидев объявление о приеме в качестве горничной в Центральную гостиницу, она поступила туда и работала до выхода на пенсию.

Вся ее молодость прошла в лесу. Она обладала прекрасным голосом, очень хорошо рисовала, но реализовать эти способности не было возможности. Жизнь Вали была поломана больше, чем моя: ее ровесники полегли на полях сражений, мама тоже замуж больше не выходила. После войны появилось такое словосочетание: мать-одиночка. Многие женщины рожали детей, не будучи замужем. Им платили мизерное пособие – пять рублей. Государство не оценило эту миссию, принизило ее значение, а эти женщины, подчиняясь инстинкту материнства, восполняли население страны, взвалив на себя тяжелые обязанности. И детей своих воспитали честными, добрыми, трудолюбивыми.

Моя профессия ретушера считалась престижной, работала я в фотоателье с прекрасными мастерами, так называемыми шанхайцами: русскими, депортированными из Китая. Жизнь была довольно сносной, но никакой перспективы на будущее. Учиться дальше? Прошло много лет, а у меня за плечами всего семилетка. Как нагнуться после такого перерыва переступить порог школы? Хорошо, что были тогда, в 60-годы, школы работающей молодежи, ШРМ. Я окончила хорошую школу № 7 по ул. Тургенева, с сильным преподавательским составом. Поступила на факультет журналистики Уральского госуниверситета. Получила профессию журналиста, работала в этой профессии более 30 лет. И сейчас много пишу, издала несколько книг.

* * *

Заключение. Моя мама, Мария Владимировна, умерла в 1983 году, сестры, Валентины Францевны, не стало в 2016 году. Но остался ее сын, Сергей Борисович, внуки и уже правнуки. Я осталась одна из нашей семьи Мали. Мой муж, Гарельшев Николай Леонтьевич, давно умер, у меня есть сын, Николай Николаевич, два внука, Антон и Арсений. Один женат, может,

доживу и до правнуков. Вот для них, кто останется после меня на этой земле, я пишу эту книгу. Выполняю долг перед моим отцом Францем Францевичем Мали и теми, кто разделил его судьбу. Светлая им память.

II ТРИ ЖЕРТВЫ

ПОСЛЕДНИЙ ДОМ, ПОСЛЕДНИЙ АДРЕС ...

С этим домом по улице Гоголя № 9 в г. Екатеринбурге связаны, наверное, последние мысли казненных. С домом, в котором они жили с детьми, были безмерно счастливы. Сюда улетали их последние вздохи прощания. В этих стенах, должно быть, до сих пор витают их безгрешно загубленные души

Их трое, связанных кровными узами: любящий отец семидесятилетний пенсионер, инвалид второй группы, бывший генерал-майор в царской армии до революции, в Советской России переведен в главный штаб РККА, как опытный, заслуженный военный, участвовавший в тяжелых боях во время русско-японской войны – Федор Федорович Мухин. (1868-1937).

Его любимая дочь Наталия Федоровна, талантливая пианистка, с успехом окончившая Санкт-Петербургскую консерваторию по классу фортепиано, ее учителем был знаменитый композитор Александр Глазунов, счастливая жена, мама трех детей. (1895-1937).

Третья жертва из одной семьи – любимый муж Наталии Андрей Павлович Зборовский. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1918 году был призван в Красную Армию, служил в составе 9-й Кубанской армии на разных должностях до 1922 года. Имел заслуги перед Отечеством. В Свердловске работал экономистом на фабрике «Союзмебель». (1895-1937).

Теперь на доме № 9 по улице Гоголя установлены три

таблички в память о каждом из членов этой семьи, благодаря присоединению Екатеринбурга к проекту «Последний адрес».

ГЕНЕРАЛ МУХИН

Федор Федорович Мухин родился 6 февраля 1868 года в г. Спасск, Тамбовской области в семье канцелярского чиновника казенной палаты. Семья была большая: девять человек.

В 10 лет поступил в Оренбургскую классическую гимназию, которую окончил в 1887 г.

В 1888 году поступил в Казанское военное училище, после окончания был произведен в первый офицерский чин подпоручика и назначен в Мокшанский батальон города Пензы.

В 1892 году женился на Мейн Елене Борисовне (1872-1921). У них родились три дочери и сын: Римма (1893-1924), Наталья (1895-1938), Михаил (1897-1909) и Татьяна (1899-1985).

Римма училась на Бестужевских курсах в Санкт-Петербурге, Наталья училась в Санкт-Петербургской консерватории по классу фортепьяно у Александра Глазунова, Михаил учился в кадетском корпусе города Симбирска, Татьяна окончила гимназию.

9 июля 1904 года Федор Федорович выступил с штабом 71-й пехотной дивизии в военный поход из Пензы. А 3 августа уже переехал границу на станции Манчжурия и вступил в пределы Манчжурского театра военных действий. Участвовал в боях под Ляояном, на реке Шахэ, взятии Неженской сопки под общим начальством генерал-лейтенанта Ренненкампа. За участие в боях под Ляояном был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. За участие в боях под Бенсиху награжден

орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами, за участие в боях под Цинхенченом и Мадзяндяном награжден орденами Св. Анны 2-й степени с мечами и орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

После окончания Русско-японской войны был назначен в главный штаб Петербурга в качестве заведующего особым делопроизводством по делам Манчжурских армий. За отличное окончание этих дел в 1909

г. произведен в полковники.

В 1915 году назначен Управляющим канцелярии подготовительной ликвидационной комиссии при военном совете по делам империалистической войны 1914 г. За отличную работу по службе в декабре 1916 года был произведен в генерал-майоры.

В 1918 году дочь Федора Федоровича Наталья вышла замуж за Збыковского Андрея Павловича (1896-1937). У них родились: дочь Ирина (1921-2001) и два сына – Георгий (1924-2002) и Отто, 1927 года рождения.

После ликвидации комиссии в мае 1918 г. был переведен в главный штаб РККА, где проработал до 1922 года. После увольнения в запас в 1922 году Мухин уехал на Урал, где работал на разных должностях. В возрасте 63 лет он вышел на пенсию как инвалид второй группы.

К семье дочери в Свердловск Федор Федорович перебрался в 1924 году. Ему очень нравилось общаться с внуками, особенно с маленьким Отто. До сих пор остается загадкой, по каким причинам и в честь кого дедушка так назвал своего внука.

В 1931 году Федор Федорович был арестован органами НКВД, но через пять месяцев был отпущен на свободу. Однако оставить

в покое бывшего военного, генерал-майора царской армии, власти не могли. 9 апреля 1938 года Федор Федорович был снова арестован по сфабрикованному делу о контрреволюционной белогвардейской организации. Он обвинялся в том, что «являлся руководящим участником ликвидированной контрреволюционной повстанческой белогвардейской организации», созданной им в Свердловске в 1935 году «из числа бывших белых офицеров» и «ставившей своей целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания». 17 мая 1938 года Мухин был расстрелян. Ему было 70 лет.

Какой вред государству мог нанести заслуженный перед Отечеством Мухин Федор Федорович? Разве что вызывал раздражение своими заслугами у людей завистливых, недалеких.

В 1959 году Мухин Федор Федорович реабилитирован посмертно.

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА
Свердловской области

СПРАВКА

4 09.85 16/3-1142
г. Свердловск

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года постановление _____
Освобожден Трайкин УНКВД Свердловск от 13 мая 1938 г.
в отношении МУХИНА ФЕДОРА ФЕДОРОВИЧА 1868 г.р.
ур. Талицов ст. до ареста работавшего статистиком Свердловского
комитета биологического института

_____ производство по делу прекращено за отсутствием в его (ее) действиях состава преступ-
ления. МУХИН Ф.Ф. реабилитирован полностью.

685
8440

Старший помощник прокурора области
советских юстиции

В. А. Волков

МЫ ДОЛГОЕ ЭХО ДРУГ ДРУГА

Збыковский Андрей Павлович родился 17 июня 1895г. в городе Росток Холмской губернии (Польша) в семье служащего. По национальности – русский. В 1917 году родители Андрея всей большой семьей переехали в Пензу.

Учился в Санкт-Петербургском университете на юридическом факультете. Летом 1915 года добровольно пошел на фронт санитаром-братом милосердия, а весной 1916 г. вступил вольноопределяющимся в 27-ю артиллерийскую бригаду царской армии. Был бомбардиром, позже произведен в младшие унтер-офицеры, в июне 1917-го на фронте произведен в прапорщики. В связи с Октябрьской революцией разжалован, потом в январе 1918-го демобилизовался и уехал в Пензу, где работал участковым судьей.

В бытность санитаром награжден Георгиевской медалью 4-й степени, будучи бомбардиром – Георгиевским крестом 4-й степени.

В декабре 1918 года Андрея призвали в ряды Красной Армии (9-ая Кубанская Армия). Перебывал на разных должностях: член военно-судебного отдела, начальник конного запаса и так далее. Вскоре Андрея Павловича демобилизовали в Пензенский губернский военкомат.

С будущей женой – Натальей Федоровной Мухиной – Андрей Павлович познакомился в Пензе, хотя она тоже училась в Ленинградской консерватории у известного композитора Александра Глазунова. Жизненные пути Андрея и Натальи сошлись не в Ленинграде, а в Пензе... Полюбили друг друга с первого взгляда. Он был высокий, стройный, военной выправки, она – красивая, нежная, с большими глазами, в которых было что-то невыразимое, таинственное... К тому же Андрею импонировало,

что его избранница была из семьи военнослужащего...

Наталья Федоровна Мухина родилась 5 мая 1895 года в Пензе. Эта девушка очаровала Андрея Павловича – серьезного, целеустремленного мужчину, энергичного и умного – не только своей внешностью, но и необычайно богатым духовным миром. Она была яркой личностью, талантливой пианисткой. Музыка – ее призвание. Она жила музыкой. Музыка сопровождала ее на протяжении всей жизни. Андрей сразу почувствовал в Наталье родственную душу, способную на искренние чувства. И это была истинная правда. Как страшная правда и в том, что им было суждено пройти один общий путь ужасной трагедии – морального и физического уничтожения...

Они поженились в Пензе в 1918 году, там у них родился первый ребенок – Ирина (1921). В 1923 г. семья Андрея Павловича переехала в Свердловск, где судьба подарила ему еще двух сыновей – Георгия (1924) и Отто (1927).

Они жили в центре Свердловска в двухэтажном доме. Квартира была коммунальной (с соседями), Збыковские занимали две комнаты. Семья чувствовала себя уютно, спокойно. У детей была своя, отдельная комната. В комнате родителей стояло пианино известной фирмы «Беккер», и в свободное время Наталья Федоровна садилась за этот чудесный инструмент и играла, играла, играла – просто так, для души, дивные, очаровывающие душу мелодии. Среди них была «Песня без слов» Мендельсона, которую очень любила Наталья Федоровна и особенно проникновенно исполняла...

С раннего возраста дети приучались к звукам пианино, внимательно слушали, как играла мама. Она не только играла, а еще и пела. И очень часто – пред сном своим детям. Наталья Федоровна давала уроки игры на пианино другим детям, которые приходили в их дом по вечерам, когда она возвращалась с работы. Она работала тогда главным бухгалтером на предприятии «Востоксталь». Андрей Павлович был экономистом на мебельной фабрике «Союзмебель». В доме был достаток, дети росли

здоровыми. Родители очень заботились о них. По утрам в детский садик их отводила мама, а вечером забирал домой отец, когда шел с работы. И казалось, что в двухэтажном домике не было семьи счастливее.

Частенько в свободные от работы дни у Збыковских собирались гости – братья Андрея со своими семьями – на чаепитие. Кто-то играл на скрипке, Наталья Федоровна играла на пианино, пели романсы. Далеко были слышны веселые звуки пианино, молодые голоса. А еще следует добавить, что Наталья Федоровна умела печь невероятно ароматные и вкусные пироги. Оказалось, что кто-то завидовал тому, как живут Збыковские.

Особенно веселым праздником в этой семье был Новый год. На новогоднюю елку приглашали много детей. Отец был Дедом Морозом, а маленького хорошенького Отто одевали Снегурочкой.

Впрочем, родители не очень баловали своих детей игрушками. Приучали к труду. Но на всю жизнь запомнился Отто один подарок – детский бильярд, на котором играли и дети, и взрослые!

Летом, когда у родителей был отпуск, всей семьей ехали в деревню – «на свежий воздух». Андрей Павлович был человеком хозяйственным, заботился о благосостоянии семьи, детей, жены, которую очень любил...

БЕДА

Она, эта беда, пришла внезапно. 17 октября 1937 г. осенней ночью Андрей Павлович был арестован органами УНКВД Свердловской области. Обыск. Описали имущество. В деле Збыковского А. П. N 25646 – запись его жены о том, что она «не выедет из квартиры».

Как свидетельствует архивная справка, А. П. Збыковский был обвинен по ст. 58 п. 6 УК РСФСР в том, что якобы принадлежал к польским разведорганам, которые в Свердловской области возглавлял ксендз Будрис Ф. Ф. (кстати, в 1937 году он тоже был незаконно репрессирован, а в 50-е годы реабилитирован). Мифическая шпионская диверсионная организация стала

основной причиной, по которой ни в чем не виновный А. П. Збыковский был осужден. Допрос был коротким.

Из протокола допроса от 28 октября 1937 года:

Вопрос: Вы знаете Будриса?

Ответ: Да, знал раньше.

Вопрос: Расскажите об обстоятельствах знакомства с Будрисом.

Ответ: В конце 1923 г. я переехал из квартиры по ул. Радищева на ул. Гоголя, в ту квартиру, где жил Будрис. Живя в одной квартире, но в разных комнатах, мы с ним познакомились, жили вместе до конца 1924 г. Потом он перешел жить в костел...

Вопрос: Кто посещал квартиру Будриса?

Ответ: Кичинский, Рациберский и другие, которых я не помню...

Вопрос: Расскажите, как вы были знакомы с Рациберским?

Ответ: Только здоровался с ним, даже не знаю, как его зовут.

Вопрос: вы были членом римско-католической общины?

Ответ: Я не поляк, не католик и ни в каких обществах не состоял.

Далее в протоколе подчеркивается, что Збыковский А. П. «виновным себя не признал». Он был обвинен по доносу Рациберского, о чем свидетельствует выписка из заявления Рациберского в управление НКВД от 29.10.1937 г.

От Андрея Павловича требовали признания о принадлежности к шпионской организации в пользу иностранного государства. Он отверг это обвинение. Можно только представить к каким методам прибегали следователи. Но он все выдержал, ничего не подписал... Особой «тройкой» НКВД СССР Андрей Павлович был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

От приговора до дня казни оставалось одиннадцать дней! От жизни до смерти – почти ничего. Мы не знаем, как прожил эти последние дни Андрей Павлович. Мы можем только догадываться, как он держался из последних сил. Но сердце его, должно быть, содрогалось от страшных мыслей о семье, о его Наталье. Приговор был приведен в исполнение 8 декабря 1937 года.

ВТОРАЯ ЖЕРТВА

Наталью Федоровну арестовали через месяц после ареста Андрея Павловича – 16 ноября 1937 г. Обвинения те же самые, что и у мужа по делу N 27189, которое начато 16 ноября 1937 года. Ордер на арест выдан 15 ноября 1937 года.

Из протокола допроса от 20 ноября 1937 года.

Вопрос: вас обвиняют в том, что вы являетесь участницей контршпионской националистической организации, руководимой Будрисом.

Ответ: Я не признаю это обвинение.

Вопрос: вы когда-нибудь были в Польше?

Ответ: Я никогда не была в Польше и в других государствах.

Вопрос: Скажите, когда и где вы познакомились со Збыковским А. П. – перебежчиком из Польши?

Ответ: Со Збыковским А.П. я познакомилась в Пензе, в 1918 г. и в том же году вышла за него замуж.

Вопрос: В каком году ваш муж перешел границу Польши?

Ответ: Как мне известно от мужа, вместе со своими родителями он переехал из Польши в Россию в 1917г. Покинуть Польшу их заставило военное наступление немцев.

Вопрос: Где вы с мужем жили после вашего замужества?

Ответ: До 1923 года жили в Пензе, а потом переехали в Свердловск, где и проживали до моего ареста. ОБВИНЕНИЙ В СВОЙ АДРЕС НЕ ПРИЗНАЮ!

Поскольку Наталья Федоровна имела троих малолетних детей, местные власти сами не могли решить, что с ней делать, и поэтому послали ее дело в Москву (ГУТБ НКВД СССР) для «внесудебного рассмотрения».

Через четыре месяца из Москвы пришел жестокий, несправедливый приговор: «К ВЫСШЕЙ МЕРЕ НАКАЗАНИЯ». Наталья Федоровна Збыковская была обречена на смерть Комиссией НКВД СССР и Прокуратурой СССР, за подписями Ежова и Вышинского.

Расстреляна в Свердловске 2 марта 1938 г.

Збыковские Андрей Павлович и Наталья Федоровна реабилитированы посмертно; он – в 1956 г., она – в 1959 году.

Похоронены Збыковские в огромной братской могиле на территории лесного массива по Екатеринбургом. Их имена выбиты на высоких плитах мемориального комплекса. На протяжении всего года люди приезжают сюда, находят на плитах фамилии своих близких. Приносят цветы. Зажигают свечи.

Этот мемориальный комплекс часто посещает сын Андрея Павловича и Натальи Федоровны Отто Андреевич Збыковский.

СПРАВКА

Дело по обвинению ЗЫКОВСКОГО Андрея Павловича, 1895 года рождения

пересмотрено Военным Трибуналом Уральского военного округа 5 октября 1956 г.

Постановление от 27 ноября 1957 г. в отношении гр. ЗЫКОВСКОГО А. П.

отменено и дело прекращено
за отсутствием в его действительном составе преступления.
ЗЫКОВСКИЙ А. П. реабилитирован посмертно.

Зам Председатель Военного Трибунала
Уральского военного округа
посланный юстиции

М. Вербовик /М. Вербовик/

Г150056 Тип. газ. «Красный боец». Зак. № 178

Справка о реабилитации А. П. Зыковского, посмертно.

Исп. вх. № 1113ж

СПРАВКА

Дело по обвинению гражданки ЗЫКОВСКОЙ Натальи Федоровны, 1895 года рождения, уроженки г. Пензы, до ареста работавшей в качестве бухгалтера "Востокстали" в г. Свердловске, - пересмотрено Военным трибуналом Ленинградского военного округа 9 сентября 1957 года.

Постановление от 13 января 1938 года в отношении гр-ки ЗЫКОВСКОЙ Н. Ф. отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Гр. ЗЫКОВСКАЯ реабилитирована посмертно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВТ ЛЕНВО
ГЕНЕРАЛ-МАJOR ЮСТИЦИИ

И. Писарьков /И. Писарьков/

Ленинград 55, Герцена 1

Г 46 27 10 56 г. А

Справка о реабилитации Н. Ф. Зыковской, посмертно.

СУДЬБА ДЕТЕЙ

Дети Збыковского Андрея Павловича и Натальи Федоровны - Георгий и Отто - с 1938 года воспитывались у дяди, Збыковского, который работал строителем. В августе 1942 года Георгий был призван армию. Он воевал на Волховском фронте, участвовал в прорыве блокады Ленинграда, где был ранен и позже находился на лечении в госпитале. С 1 июля 1943 г. Георгий Андреевич служил на Тихоокеанском флоте в качестве командира на береговых батареях. В 1945 г участвовал в боях против Японии.

Принимал участие в высадке десанта в Северную Корею в звании командира автоматчиков. После демобилизации по приезду в Свердловск поступил в Свердловский строительный техникум. После окончания техникума в 1949 году работал по направлению в городе Стерлитамак, в тресте «Стерлитамакстрой» в должности механика завода и начальника базы механизации. Там же в 1950 году Георгий Андреевич женился, у него родился сын Валерий.

В Свердловск брат с семьей вернулся только в 1960 году. Работал до выхода на пенсию в Управлении механизации №2 начальником производственно-технического отдела до выхода на пенсию.

Г. А. Збыковский награжден медалями: за победу над Германией, за победу над Японией и всеми юбилейными медалями в честь победы в Великой Отечественной Войне. Является кавалером орденов Отечественной войны и награжден Знаком почета. Умер Георгий Андреевич 11 апреля 2002 г. Его сын и внуки проживают в Екатеринбурге.

ЖИЗНЬ БЕЗ РОДИТЕЛЕЙ

Воспоминания Отто Андреевича Збыковского

После ареста родителей в октябре-ноябре 1937 года меня и брата Георгия (Юра) забрал к себе дядя Саша (Александр Павлович Збыковский), младший брат моего отца. Мне тогда было 10 лет, брату 13, а нашей старшей сестре Ирине 16 лет.

Ирина осталась жить в родительской квартире из двух комнат в доме по улице Гоголя, 9, в Свердловске.

Дядя Саша с женой жили в маленькой комнатухе в коммунальной квартире. Своих детей у них тогда еще не было, вот они и взяли нас с братом. Но жить нам было тесно. Помню, мы с братом спали на одной кровати валетом. Мы, как могли, помогали дяде; брат ходил в магазин за продуктами, я помогал с уборкой, вытирал пыль.

Жить вчетвером в тесной комнатухе было нелегко, и потому в декабре 1938 года Георгий отвез меня в город Горький к младшей маминной сестре, тете Тане Ганцевой (урожд Мухина), где я вскорости заболел малярией.

В ТРУДНЫЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ

В Горьком я подружился со своим двоюродным братом – Володей Ганцевым. Он любил музыку и играл на пианино, которое было в доме.

О начале войны я узнал в воскресный день, когда меня отправили в магазин за молоком. Громкоговорители работали на полную мощь, гремели все радиостанции Советского Союза. С 1941 года осталось воспоминание, как рисовал карикатуры на Гитлера. Причем злейший враг всегда виделся не иначе как верхом на свинье.

Когда началась мобилизация, Володя бросил занятия музыкой, добился, чтобы его приняли в артиллерийское училище, и ушел на фронт. Вернулся он без правой руки, с тремя пальцами на левой и двумя орденами Красной Звезды на груди. Позже он закончил МИФИ, но кое-какие мелодии все-таки наигрывал.

А вот со своим старшим двоюродным братом – Андреем Ганцевым – мне так и не довелось познакомиться. Он закончил военное училище в Ленинграде. В начале 1941 года был направлен на подлодку в Севастополь. В 1942-м, будучи командиром отделения автоматчиков, пропал без вести при сдаче Севастополя.

Осенью 1941 года к нам в Горький заехала в эшелоне еще одна младшая мамина сестра, Ольга Троицкая. Её муж, Николай Троицкий, был строителем, начальником эшелона. В его распоряжении оказались теплушки, в которых жили рабочие. Из этих теплушек кое-как слепили вагоны, в которых решено было ехать в эвакуацию. Ехать пришлось всю зиму, останавливались на каждом полустанке, пропускали эшелоны. Порой неделями ждали паровоза. В Тюмени просидели полмесяца. В Барнауле детей даже в школу отправили. В конце концов добрались до Красноярска, где и решили осесть.

К тому времени я уже окончил семилетку. Сидеть на шее у дяди было неприлично. В 1942 году в Красноярске я поступил в ШВТ (школу военных техников железнодорожного транспорта), где было общежитие и кормежка. Но, по правде говоря, кормежка там была скудной, растущему организму еды не хватало. Чувство голода было постоянным и заставляло как-то действовать. Помню, что на вокзале (школа находилась неподалеку) перед приходом некоторых поездов накрывали столы. Никаких разносолов там не было и в помине. В тарелках была разве что затируха – жидкая суп-каша из заваренной муки разных круп – еда бедняков. Эта затируха и стала серьезным жизненным подспорьем, бегавшим сюда в самоволку ребятам. А еще мы разгружали уголь и получали в благодарность мёрзлую картошку. Мы её варили, ели, а потом мучились животами. Но снова варили, ели и мучились.

А однажды нас отправили на разгрузку угля в Абакан. А там бахчи с арбузами. И ночью мы, конечно, таскали арбузы. Я впервые тогда попробовал рассольник из арбузов. С голодухи показалось вкусно.

Летом было все-таки попроще. Можно было ходить в лес за черемшой и кедровыми шишками, продавать их, а на заработанное покупать еду. Если б не военные лагеря и не полная выкладка: ботинки на деревянной подошве, ранцы за плечами, наполненные для веса кирпичом (16 кг, если не больше), шестикилометровый пеший переход. И рытье окопов ночью

и под дождем. Тяжело? Ничего, на фронте тяжелее, говорили командиры. Но зимой все казалось еще страшнее.

Морозы в те зимы были жуткие. Температура опускалась до минус 40 градусов. Воробьи замерзали на лету. Трубы обледенели и полопались. Кого можно было руководство школы отпустило домой – греться. Остальным выдали спирт и дополнительные матрацы, чтобы укрываться.

Особой дружбы в школе не наблюдалось. Ходили строем. В кино, в баню – вместе. Содержимым редких посылок от родных делиться было не принято. Никто даже не претендовал.

В зале, где стояли трехъярусные нары, верхний «этаж» сразу захватили старшекурсники – крепкие, на вид здоровенные парни. «Малышне» оставили не пользующийся спросом низ. Потом, всех этих, уже практически взрослых курсантов, не дав им доучиться, забрали на фронт, на передовую. Назад почти никто не вернулся.

Помню, в школе висела карта, и мы на ней флажками отмечали местонахождение наших войск. Радовались победам, горевали, когда приходили известия о потерях.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В 1943 году я поступил в Школу Военных техников железнодорожного транспорта г. Красноярск. В 1946 году окончил ШВТ и в марте 1947-го поступил на военный завод №703 техником-конструктором. Два года спустя, я вернулся в Свердловск, начал работать в Гипроуглемаше. Мне был 21 год.

В 1954 году я переехал в Киев на работу в Укркипрошахте. В следующем году поступил на учебу (заочно) в Московский институт ВЗИТП (Всесоюзный заочный институт текстильной и легкой промышленности, который успешно окончил пять лет спустя, получил квалификацию инженера механика. Все это время у меня не было собственного жилья. Жил по съемным углам. Иногда жить приходилось в подвальном помещении с удобствами во дворе.

В 1960-м я поступил на работу в УкрНИИПВ, где через два года мне дали однокомнатную квартиру. Еще через год стал работать ведущим инженером в УкрНИИпластмаше. Мне было 38 лет. Жизнь стала налаживаться.

В 1974 я женился, а в 1975-м у меня родилась дочь, которую я назвал в честь мамы – Наталия. В общей сложности 50 лет (с 1954 года по 2004) работал ведущим конструктором по проектированию машин угольной, текстильной и полимерной промышленности. Имею 10 авторских изобретений.

СЕСТРА ИРИНА

После ареста родителей Ирина осталась в квартире на Гоголя, 9. Мне трудно представить, что она пережила. Еще недавно она была шестнадцатилетней девушкой, не знавшей особых забот, у которой была семья, а тут внезапно она стала сиротой и дочерью «врагов народа». Рассчитывать на помощь родни и знакомых не приходилось; все они были людьми простыми, а таким в те времена жилось несладко. Но наверняка в первое время её все-таки поддержал кто-то из родни. И скорее всего это был наш дедушка Мухин Федор Федорович и его вторая гражданская жена – Масловская Надежда Александровна, которая была нам как родная бабушка. Сам я почти не помню её, но мои брат и сестра, а также дети сестры её помнили.

Надежда Александровна родилась в 1886 году в городе Гродно, в семье старшего надворного советника. С дедушкой она познакомилась в 1915-м в Санкт-Петербурге. Надежда Александровна очень любила дедушку. Своих детей у неё не было, и она посвятила себя мужу и его семье. Когда в апреле 1938 года органы НКВД арестовали, а потом в мае расстреляли дедушку, общее несчастье от потери близких наверняка еще больше сблизило бабушку с Ириной.

В 1939-м Ирина вышла замуж за Илларионова Рафаила, который работал на Турбомоторном заводе в Свердловске. У них родилось трое детей. Но потом Рафаила призвали в армию,

и в октябре 1942-го он погиб под Сталинградом.

В 22 года Ирина осталась вдовой с тремя маленькими детьми на руках. Жить было практически не на что. Тогда Ирина работала буфетчицей или официанткой, но заработок был мизерный. Приходилось продавать те немногие вещи, что остались от родителей: мебель, пианино, книги... Двухкомнатную квартиру на Гоголя, 9 уплотнили, и семье Ирины пришлось ютиться в одной комнате. Кухня и санузел были общие на весь этаж.

В это тяжелое военное время самым близким человеком и помощником стала для Ирины бабушка Надежда Александровна. Она практически вырастила детей Ирины, так как той все время приходилось работать. Жили они очень скромно, можно сказать бедно. У бабушки тоже не было никаких средств.

Мой брат и дети Ирины вспоминают Надежду Александровну как Святого человека, своего Ангела хранителя. Бабушка дожила до 83-х лет и умерла в 1965 году в полной нищете, будучи совершенно слепой.

Только после войны жизнь для семьи Ирины стала постепенно налаживаться. Переехали на другую квартиру, с работой стало получше (Ирина работала в системе общепита). Дети выросли, выучились. Старший сын Евгений и младшая дочь Наталья, их дети и внуки живут в Екатеринбурге, средний сын Александр – в Москве.

Ирины не стало в 2001 году.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

В детстве и молодости я (и мой брат с сестрой) не знали, что родители расстреляны, все говорили, что они сосланы без права переписки. Где-то в 1958 году, проживая в Киеве, я сделал запрос в КГБ о судьбе родителей, в августе 1959 г. мне пришел ответ в виде справки о реабилитации матери, Натальи Федоровны Збыковской. Справка пришла письмом до востребования из Ленинграда от Военного трибунала Ленинградского военного округа, Ленинград 55, Герцена, 1.

А в сентябре 1990 года в Киев мне уже из Свердловска пришли две справки из КГБ, из которых стало известно, что родители были расстреляны и реабилитированы в 50-е годы. Примерно в то же время подобный документ пришел и на дедушку Федора Федоровича Мухина. Именно тогда я и заинтересовался более тщательно судьбой родителей и деда, стал посылать запросы, расспрашивать родственников...

Когда моих родителей и дедушку арестовали, то были конфискованы все личные фото и документы. Впоследствии фото и кое-какой информацией по отцу и польским корням со мной поделился дядя – Збыковский Александр Павлович (младший брат моего отца). По линии матери удалось кое-что узнать у потомков её младших сестер в Москве и Красноярске. Там же удалось найти сведения и про дедушку. Я хорошо знал этих родственников, так как в детстве жил у них, а именно у дяди Александра и в семье Татьяны Ганцевой (ур. Мухиной), которая жила в Горьком. Многое помог узнать мне и мой старший брат – Георгий Андреевич Збыковский, который в детстве тоже жил у дяди Александра. И хотя прошло много времени, о наших польских корнях мы не забываем.

Еще до нашего окончательного переезда из Киева в 2004 году я приезжал в Екатеринбург, и брат возил меня к дому детства на Гоголя, 9, который вернули польской общине и где расположился Римско-католический приход святой Анны.

В Екатеринбурге я вступил в местное отделение общества «Мемориал». В прошлом году нам позвонили из общества и предложили участвовать в проекте “Последний адрес”. Моя дочь написала через Интернет три заявки (на родителей и дедушку), предоставила необходимую информацию, и они были приняты.

Заключение

История семьи Мухиных – Збыковских похожа на многие семьи, пострадавшие в годы сталинских репрессий. Поляки, находившиеся в родстве с бывшим царским генералом, не могли не заинтересовать компетентные органы, и как уже было сказано, Андрей Павлович Збыковский, жена Наталья Федоровна Збыковская (урожденная Мухина) и ее отец Федор Федорович Мухин были безжалостно уничтожены карательными органами. Ныне на месте их захоронения расположен Мемориал скорби, а имена увековечены на плитах.

И хотя прошло много времени, о наших польских корнях мы не забываем. И жива еще надежда найти след дедушки, пропавшего в годы Первой мировой войны.

В подготовке материала участвовала Наталия Збыковская.

*«Выносите своих мертвецов!»
Клич могильщика во время эпидемии чумы.
Англия Х1У век*

Предъявите своих мертвецов:
Убиенных мужей и отцов.
Их сегодня хоронят прилюдно,
Бестелесных доставить не трудно:
Тени движутся с разных концов.

Их убийца не смерть, не чума –
Диктатура сошедших с ума,
Их палач – не чума, не холера,
А неслыханно новая эра,
О которой писали тома.

Не бывает не нужных времен,
Но поведай мне, коли умен,
В чем достоинство, слава и сила
Той эпохи, что жгла и косила
Миллионы под шелест знамен?

Лариса Миллер

Федор Федорович Мухин.

Андрей Павлович Збыковский.

Збыковский Андрей Павлович.

Збыковские: Отто, Ирина, Георгий.

Збыковская Наталья Федоровна.

Стелла на 12 км. Збыковская Н.Ф.

Отто Андреевич у дома № 9 по улице Гоголя. «Последний адрес».

Отто Андреевич у Стены памяти.

Дом № 9 по улице Гоголя. «Последний адрес».

III ДЕТЕЙ НЕ ПОЩАДИЛИ

С Галиной Николаевной Усовой (Маньковой) я была знакома много лет назад: работали на Свердловском заводе РТИ (резиновых технических изделий). Я – в редакции заводской газеты, Галина Николаевна, инженер по образованию, в – техническом отделе. Общаться мне приходилось как корреспонденту с многими людьми, в том числе и с Галиной Николаевной. Иногда встречались просто по пути, в столовой, перекидываясь парой фраз. Как говорят, знакомство было «шапочное», поэтому друг о друге имели поверхностные сведения. Мне пришло время выхода на пенсию, с завода уволилась, и встречи прекратились.

Через несколько лет мы встретились в неожиданном для меня месте: на 12 километре Московского тракта, у Поклонного креста. Я обратила внимание на двух пожилых женщин, бережно поддерживающих друг друга. В одной из них узнала Галину Николаевну, она была с сестрой Маргаритой Николаевной. Вот тогда мне стала известна история семейной трагедии Маньковых, которая никого не может оставить равнодушным.

* * *

Маньковы жили в глубинке, в деревне с поэтическим названием Аромашка, Режевского района Свердловской области. Семья большая, – сам Николай Архипович, его жена Анна Ивановна, шесть дочерей, да еще бабушка Прасковья Павловна. Николай Архипович с первых дней коллективизации вступил в колхоз «Верный путь». Девчонок своих «наставлял на Советскую

власть». Он был хорошим работником, мастеровым. Его избрали бригадиром, основную работу он совмещал с общественной, был председателем ревизионной комиссии Аромашевского сельпо. В том памятном 1937 году в совхозе вырастили большой урожай зерновых. Николай Архипович готовил колхозную технику к уборке. Он мечтал вместе со своей бригадой собрать богатый урожай, и радовался тому, что колхозники получают за трудодни хорошую долю зерна и вздохнут свободно, так как минувший год был неурожайным.

Но мечте Манькова не суждено было сбыться: 5 августа 1937 года его арестовали по разнарядке приказа №00447 от 10. 06. 37 года, изданного Наркомом Внутренних дел СССР Н. Ежовым. Никаких обвинений ему предъявлено не было. В доме произвели обыск, а что можно найти в бедной крестьянской семье? Ни хлеба, ни муки не было, кроме детей, спящих на полу. В протоколе так и записано: «При обыске ничего не обнаружили, кроме военного билета».

Семья жила бедно, Николая Архиповича увели в обутках, сшитых им самим, так как сапоги его были в ремонте. «Жить-то несколько дней осталось, не все ли равно, в чем пойти», – заметил человек в черном пальто. Кормильца увели, а в доме остались восемь голодных ртов, раздетых и разутых. Старшей дочке был 12 лет, а младшей всего один месяц. В магазинах в те годы не было ни тканей, ни обуви. Да и покупать-то было не на что, денег колхоз не выдавал.

После ареста отца семейства, когда колхозники собрали урожай, правление колхоза решило: за причитающиеся трудодни Манькова выдать его семье только рожь, как семье «врага народа», а пшеницу не выдавать.

Раз в десять дней старшим сестрам приходилось ходить на колхозный склад, там выдавали немножко муки, которой едва хватало, чтобы испечь лепешки. Чаще всего приходилось в муку добавлять лебеду, крапиву или перемолотую картофельную ботву. Когда муку не давали, лепешки пекли из одной травы.

Приказ Наркома Внутренних дел СССР Ежова был еще более жесточен именно в день ареста Николая Архиповича. Вот небольшая выдержка из этого документа.

«Приказываю 5 августа 1937г. во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников, в Узбекской, Туркменской, Таджикской и Киргизской ССР операцию начать с 10 августа с. г., а в Дальневосточном и Красноярском краях и в Восточно-Сибирской области с 15 августа с. г.». Во втором разделе приказа перечисляются меры наказания репрессированных.

«К 1 категории относятся все наиболее враждебные элементы. Они подлежат аресту и, по рассмотрению их дел на тройках, расстрелу. Ко 2 категории относятся все остальные, менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них заключению на те же сроки в тюрьмах».

В разрядке указывается, какое количество репрессированных относится к 1 категории, а значит, подлежит расстрелу. По Свердловской области к 1 категории назначено (именно назначено) 4000 человек и 6000 человек - к ссылке в лагеря. Таким образом, Н.А. Маньков, арестованный 5 августа 1937 года и расстрелянный по решению зловещей «тройки», попал в число первых четырех тысяч, приговоренных к смерти одним росчерком пера. С каждым днем, вернее с каждой ночью расстрелянных становилось все больше: 80, 101, а в самом расстрельном 1938 году число жертв доходило до 243 убитых.

В эти же дни в Свердловск приезжали представители, именуемые себя Военной Коллегией Верховного Суда СССР. Видимо, местные органы НКВД стремились показать свою «усердную работу» представителям Москвы.

Расправа шла полным ходом и с семьями репрессированных. В приказе говорилось: «Семьи лиц, репрессированных по первой категории, проживающие в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси,

Баку, Ростове-на-Дону, Таганроге и в районах Сочи, Гаграх и Сухуми, подлежат выселению из этих городов в другие области по их выбору, за исключением пограничной зоны. Все семьи лиц, репрессированных по первой и второй категориям, взять на учет и установить за ними систематическое наблюдение».

Да, «систематическое наблюдение» за семьями репрессированных длилось многие десятилетия, так и жили они с клеймом «семья врага народа». Анне Ивановне приходилось тяжело: думать, чем накормить детей, во что одеть, обуть? Две старшие девочки, Нина и Рита, в школу ходили в соседнее село Глинское за семь километров. В Аромашке была только начальная школа. Дороги тогда не асфальтировали, не дороги, сплошная грязь.

Обуви не было. Доставали старую рваную обувь, иногда из разных пар, разные по цвету туфли, ботинки. Зашивали и красили сажей. Ноги в такой горе-обуви мерзли и были постоянно мокрыми, даже чулки примерзали к ботинкам, приходилось снимать вместе с чулком.

Дрова на зиму Анна Ивановна заготавливала вместе с детьми. Ездили в лес рубили сушняк, расходовали дрова экономно, по пять-шесть полешек в день. А зимы были морозными. Покосов колхоз не давал, и корову приходилось кормить соломой. От такого корма корова тощала и не могла стоять на ногах. Приходилось подвешивать ее под брюхо веревками.

Уже шла война и, несмотря на бедственное положение колхозников, они обязаны были платить непосильные налоги государству. Независимо от того, есть ли у них скот или нету, каждая семья должна была сдать в год: 500 литров молока, 40 килограммов брынзы из овечьего молока, 300 штук яиц. Специально для этого держали двух кур, да только кормить их было нечем, поэтому куры неслись плохо. Самим яиц почти не доставалось, а надо было сдавать еще мясо, картофель. Да еще платили денежный налог. Самим приходилось голодать.

Летом ели крапиву, картофельную ботву, да куглину иногда выдавали. Это колючки от льняного семени: их толкли, сушили и добавляли в муку. Самую младшую девочку Галю кормили суслом и капустным рассолом, молока не доставалось.

Все дети Маньковых, начиная с 9-летнего возраста работали в колхозе. Ходили босиком, голыми руками вырывали колючий осот, рукавиц не было. Анна Ивановна невдалеке с женщинами работала, в перерыв на детскую делянку бегала, чтобы помочь. Говорила: не сидите долго, работы много. А за трудодни им ставили палочки и выплачивали мизерную долю зерна. В неурожайные годы колхозники ничего не получали. Сколько собирали зерна, все сдавали государству, а самим приходилось голодать.

Летом работали на покосе. Ходить было очень далеко, за много километров. Там и ночевать оставались. Взрослые косили, а дети сено ворошили, сгребали большими граблями. Много пришлось пережить детям «врага народа», постоянно полуголодные, постоянно в работе. На игры времени не оставалось. Жизнь у сестер Маньковых была совсем не такой, как у многих сверстников.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МЛАДШЕЙ ДОЧЕРИ

«Старшие сестры помнят, каким был отец: умный, добрый, трудолюбивый, «на все руки мастер». Мог одежду ремонтировать, шить научился, шил односельчанам шапки, костюмы, пальто. Остались выкройки, по которым он работал. Мог отремонтировать любую машину. Говорил: «сяду на жатку и докажу, как надо работать». На собраниях выступал с принципиальной критикой. Были недовольные его критикой и, видно, затаились. А в деревне уже начались аресты. Двоюродный брат предупреждал: мол, давай, Николай, уезжай отсюда. Слухи ходят, что и жену твою, Анну Ивановну, арестовать могут, не посмотрят, что мать шестерых детей. Но отец не чувствовал за собой никакой вины, зачем же срываться с родной земли с таким семейством?

В ночь ареста дети, что постарше, проснулись от материнского плача. В горнице шёл обыск: проверяли все, даже школьные

тетрадки. Встревожились, увидев Почетную грамоту Нины: что это? Псалтырь забрали. Спрашивали про оружие. Велели отцу одеваться. И увели. Навсегда.

Когда отца арестовали, деревенские женщины понимали материнское горе Анны Ивановны и старались ее поддержать, не оставляя одну. Но за хорошую работу в колхозе премий она не получала – нельзя поощрять семью «врага народа». Как-то все же вручили как будто премию – полушалонок, да она знала, чей он, отнесла хозяйке. Помогала нам бабушка Прасковья Павловна. Она приходилась маме теткой, но с шести лет воспитывала ее как родную дочь. Своих детей у нее не было, а маленькая племянница часто приходила в гости и оставалась ночевать. Родительский дом был рядом, вот дед и велел отдать Анютку родне.

А родную нашу бабушку, Елену Васильевну, близкую родственницу и «опасный элемент», выселили в маленькую избушку. Мама, как могла, помогала ей, навещала. Но кто-то донес в сельсовет, Анну Ивановну вызвали: «Ты все еще к своей матери ходишь» спрашивали угрожающе. Даже с родными запрещали встречаться.

Шли годы, мы, дети, выросли, учились, приобретали профессии и разъезжались по области. Когда оставшаяся семья перебралась в г. Реж, мы все ждали отца, и рассчитывали, если вернется, он легко нас найдет: ведь в Аромашке все знают, что переехали мы в Реж».

ПЕРВОЕ СООБЩЕНИЕ

Семья не переставала надеяться, что отец жив, обращалась в разные инстанции. В 1946 году Анну Ивановну вызвали в сельский совет села Глинское, где милиционер сообщил, что Маньков Н. А. умер в феврале 1945 года от рака пищевода во время этапа. И больше ничего. Это был первый удар. Анна Ивановна и дети никак не могли поверить, что отец умер, ведь он был таким сильным! Они продолжали обращаться в органы

МВД. После смерти Сталина, когда впервые приоткрыли архивы, снова обратились в прокуратуру Свердловской области.

Ответ получили в сентябре 1956 года. В нем сообщалось, что «Постановление тройки УНКВД Свердловской области от 25 августа 1937 года в отношении Манькова Н. А. 1897 года рождения и дело о дальнейшем производстве прекращено за отсутствием состава преступления». И всё. Опять недосказанность, опять потянулись годы ожиданий и надежд. И только в 1990 года, когда уже взрослые дети вновь обратились в прокуратуру Свердловской области, они получили окончательный ответ: «По Вашему заявлению о судьбе Манькова Н. А. проверено архивное уголовное дело в отношении его. Установлено, что Манькову Н. А., согласно обвинительному заключению, было предъявлено обвинение «в участии в повстанческо-кулацкой банде, во вредительстве колхозу и диверсии против колхоза. На основании постановления «тройки» при УНКВД Свердловской области от 25 августа 1937 года он подвергнут высшей мере наказания – расстрелу, которая приведена в исполнение 31 августа 1937 года в г. Свердловске. Место захоронения неизвестно».

Больше полусотни лет ждали и надеялись родные Николая Архиповича, что он жив. Теперь была поставлена точка. Но остался большой вопрос: если расстрелян в Свердловске, где же он захоронен? «Место захоронения неизвестно», за этой фразой скрывалась ложь.

Как же не было известно место захоронения? Прекрасно были осведомлены работники КГБ по пр. Ленина, 17, где в подвалах «работали», наверное, целые расстрельные бригады, одному человеку не под силу совершать столько казней. Правду выдавали дозированно. До тех пор, пока не раскрыта была тайна 12-го километра.

ДЕЛО МАНЬКОВА

Но что послужило основанием приговора к высшей мере наказания? Выяснить было необходимо, и я по согласию с семьей обратилась в Областной архив Свердловской области. Заглянем в «Дело №10198 НКВД СССР управления по Свердловской области». Обвинений на Николая Архиповича Манькова надо было навесить столько, чтобы потянуло на высшую меру наказания – расстрел. Вот и придумывали.

Обвинение первое. В 1919 году участвовал в повстанческо-кулацкой банде, расправлялся с красногвардейцами, с лицами, сочувствующими Советской власти. Более того, из показаний свидетелей – председателя колхоза «Верный путь» Горохова, счетовода Конева и председателя сельского совета Неверова следовало, что Маньков Н.А. сбежал из Красной Армии, прихватив оружие, которым и расправлялся с красногвардейцами.

Обвинение второе. За время работы в колхозе проводил систематически вредительские действия, срывал сельхозкампанию.

Обвинение третье. Совершил диверсионный акт: поджог колхозный ток с хлебом и сельхозмашинами, этим сорвал обмолот хлеба и своевременную сдачу его государству. И жеребят колхозных довел до истощения.

Обвинение четвертое. Не убрал вовремя хлеба, и 400 га ушло под снег. Еще ставилось в вину, что он, родившийся в семье крестьянина-середняка, «вошел в дом взамуж в хозяйство зажиточного крестьянина».

На допросе Манькова Н. А. был задан такой вопрос: в какой контрреволюционной организации вы состояли и какие задания выполняли? Ответ. Ни в какой организации я не состоял и никаких заданий не выполнял. Вопрос. Чем тогда вы объясните ваше к-р выступление среди колхозников на совещании актива в Аромашки?

Ответ. Никакого контрреволюционного выступления не было, на мое обвинение я сказал правду: «Чего спрашивать с бригадира,

когда колхозников с голоду заморили? А жеребята отощали, потому что колхоз, кроме ржаной соломы, никаких кормов не давал». Вот за эту правду Николай Архипович еще более пострадал, и приговор был подведен к высшей мере наказания.

Выписка из акта: «Постановление тройки УНКВД по Свердловской области от 25/08-37г. о расстреле Манькова Николая Архиповича приведено в исполнение 31/08-37г. в 24 часа. Секретарь тройки лейтенант Госбезопасности Калугин». Вот какая точность. На тот день в семье Николая Архиповича оставались: жена Анна Ивановна 31 лет, дочери 12, 7, 5, 4, 3 лет, младшей еще не было двух месяцев. А Николаю Архиповичу всего 40 лет.

Собирая эту книгу, изучая дела безвинно осужденных, постоянно испытываю чувства, которые не дают покоя ночами: какое же глубочайшее горе испытывали жертвы террора, отправляясь на смерть и каторгу! И усиливалось это горе тем, что в неизвестности оставались семьи: жены, дети, матери, отцы и все дорогие сердцу люди! Убиенные никогда не узнают, будут ли они оправданы, или семья обречена жить под гнетом лживого позора. Родственникам пришлось ждать 19 лет, когда все перечисленные обвинения рассыпались, как карточный домик! Это подтверждает вот такой документ.

«Дело № 44у220 с. Секретно. Постановление Президиума Свердловского Областного суда г. Свердловск 12 сентября 1956 года».

Пропуская преамбулу, читаем: «Проверив материалы дела, президиум находит протест прокурора подлежащим удовлетворению по следующим основаниям. В основу обвинения Манькова в антисоветской деятельности были положены показания двух свидетелей Наверова Ф. И. и Конева И. П. Показания этих свидетелей не конкретны, слишком общие, другими доказательствами не подтверждены.

Обвинение Манькова в дезертирстве из рядов Красной Армии и добровольном поступлении на службу Белой армии подлежит исключению, так как такие действия амнистированы

постановлением ЦИК и СНК СССР от 2/Х1- 1927 года.

Данных о расправе с красноармейцами и лицами, сочувствующими Советской власти, в материалах дела вообще не имеется, нет доказательств и проведения Маньковым антисоветской агитации. Что касается пожара на колхозном току, то из материалов дела видно, что Маньков за это был осужден в прошлом как не обеспечивший противопожарных мероприятий.

Руководствуясь изложенным, Президиум ПОСТАНОВИЛ:

Протест Прокурора Свердловской области удовлетворить. Постановление Тройки УНКВД Свердловской области от 25/08-1937 года по делу Манькова Николая Архиповича отменить и дело дальнейшим производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Председатель З. Шведова».

Какие чувства могли испытывать члены семьи: жена, дети, теперь уже и внуки, получив такой документ? Сужу по себе: когда получила такой же документ по делу отца, мною овладело чувство невозвратимой утраты, беспредельная жалость к его мученьям и смерти в нечеловеческих условиях (он погиб в лагере). Успокоение по поводу снятия клейма ЧСВН, члена семьи врага народа, не могло компенсировать и сотой доли этих переживаний. Думаю, такие же чувства испытывали все, кто получал реабилитацию на своих родных посмертно.

Кроме житейских трудностей, вдова Анна Ивановна Манькова и ее дети много лет, даже десятилетий, притеснялись как семья «врага народа». Их принимали только на самые тяжелые участки работы. Не раз приглашали в КГБ, где грубо напоминали о том, кем был их отец. Клеймо СВН коснулось даже внуков Николая Архиповича, несмотря на то, что он уже был реабилитирован. При поступлении в Уральский политехнический институт Виктор Усов, внук Николая Архиповича, трижды переписывал свою автобиографию, до тех пор, пока не указал, что его дед был репрессирован.

* * *

Какие красивые имена давали Маньковы дочерям: Маргарита, Нина, Валентина, Нонна, Мария, Галина... Девочки достойно носили свои имена. Нина и Маргарита поступили в Ирбитское педучилище, жили в общежитии, голодали, часто питаясь только хлебом с водой. Успешно закончили и начали преподавать совсем еще в юном возрасте: ученики были старше своих учителей. Девочки продолжали учиться заочно. Во время сессии, приезжая в Свердловск, ночевали на вокзале, на жилье в городе денег не было.

Шла война, Маргариту призвали на фронт. Она была старшей. Два года на фронте, особенно запомнилась оборона Киева, когда была угроза повторного захвата города немцами.

После демобилизации Маргарита заведовала школой в родной Аромашке.

Нина уехала в Реж. Обе сестры – Заслуженные учителя России.

За старшими потянулись и младшие, всем хотелось учиться, иметь профессию. Валя закончила ФЗО, работала в Реже на Механическом заводе контролером ОТК. Пользовалась большим уважением, имела поощрения.

Нонна была склонна к медицине, поехала самостоятельно в Ирбит, где и поступила в Ирбитское медицинское училище. Окончила его и на всю жизнь была верна медицине: работала операционной медсестрой.

Трудней всех пришлось Марии. С 12 лет она работала в колхозе вместе с мамой. Анна Ивановна ухаживала за овцами, кормила, чистила кошары, Маша вручную качала воду из колодца, чтобы наполнить два огромных чана водой для овец. Это приходилось делать два раза в день: вечером наполнять емкости водой, чтобы утром напоить стадо, а днем качать для вечерней пойки овец. Колодец глубокий, ведро тяжелое, поднимая его на поверхность, нужно вылить воду в чан. Но Валя выдержала все трудности. Подросла немного, ее взяли

в правление колхоза, где она обучилась на счетовода, хотя образование было всего четыре класса. Девочка умненькая, старательная, хорошо освоила профессию, постепенно ее перевели на бухгалтерскую работу. Впоследствии Мария переехала в Свердловск и работала бухгалтером.

Младшая из сестер – Галина приехала в Свердловск к сестре, поступила на завод РТИ учеником токаря. Работала по этой специальности, одновременно училась в Химико-механическом техникуме, постоянно повышала квалификацию. Когда мы познакомились, Галина Николаевна была уже инженером.

Несмотря на все лишения, невзгоды, голод и унижения, сестры Маньковы выросли достойными людьми, все получили образование, среднетехническое и высшее, совмещая работу с учебой.

Николаю Архиповичу не было бы стыдно за своих дочерей и внуков, восемь из десяти имеют высшее образование. У всех хорошие крепкие семьи. У пяти внуков и пяти внучек подрастают 14 правнуков! Очень богатым человеком стал бы Николай Архипович.

**Николай Архипович
Маньков.**

**Младшая из сестер Галина за праздничным
столом в день юбилея с Анной Ивановной.**

**Все шесть дочерей возле мамы, которой исполнилось 90 лет.
Первый ряд слева: Нина, Анна Ивановна, Маргарита.
Второй ряд: Нонна, Валентина, Галина, Мария.**

Жители г. Режа на 12 км поставили памятник своим землякам.

22003

Секретно

В ПРЕЗИДИУМ СВЕРДЛОВСКОГО
ОБЛАСТНОГО СУДА

ПРОТЕСТ.

20. VII

№ 6-879-3294

/в порядке надзора/

Свердловск. М. 1956 г. № 2-3
Телефон: 1-11-23-48

по делу МАНЬКОВА Н.А.

Решением тройки УНКВД Свердловской области от 25/УП-37 г. к
вышей мере наказания - расстрелу осужден,

МАНЬКОВ Николай Архипович, 1897 года рожде-
ния, уроженец с. Аромашево, Режевского района, ~~ж~~
Свердловской области, русский, из крестьян, - серед-
няков, малограмотный, до ареста колхозник.

По решению тройки МАНЬКОВ признан виновным в том, что в 1919
году участвовать в повстанческо-кулацко банде, активно расправ-
лялся с красногвардейцами и лицами сочувствующими советской вла-
сти.

За время пребывания в колхозе, систематически проводил вре-
дительскую деятельность, срывал сельхозкомпанию.

В 1934 г. учинил диверсионный акт поджог колхозный ток с
хлебом и сельхозмашинами, систематически вел контрреволюцион-
ную пропаганду против колхозного строительства.

МАНЬКОВ виновным себя не признал.

Решение тройки подлежит отмене, а производство по делу
прекращению по следующим основаниям:

В основу обвинения МАНЬКОВА в антисоветской деятельности бы-
ли положены показания двух свидетелей НЕВЕРОВА Ф.И. /л.д. 13-1 4/
и КОНЕВА И.П. /л.д. 15-16/.

Показания этих свидетелей не конкретны, слишком общие, дру-
гими доказательствами не подтверждены.

Обвинение МАНЬКОВА в дезертирстве из рядов Красной Армии
и добровольное поступление на службу белой армии подлежит исклю-
чению, т.к. таковые действия амнистированы постановлением ~~СНК~~
СНК СССР от 2/XI-27 г.

Данные о том, что МАНЬКОВ активно расправлялся с красноармейцами и лицами сочувствующим советской власти в материалах дела вообще не имеется.

Так же в деле отсутствуют какие-либо доказательства свидетельствующие о проведении вредительства и антисоветской агитации МАНЬКОВЫМ.

Руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19/УШ-55 г.

ПРОШУ:

Решение тройки УНКВД Свердловской области от 25/Ушз 37 г. по делу МАНЬКОВА Николая Архиповича отменить, а производство прекратить по п. 5 ст. 4 УК РСФСР.

ПРИЛОЖЕНИЕ : Дело.

В.В. ПРОКУРОР СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК
ПРАВОСУДИЯ III КЛАССА

И.И. Филинов

Засуд

22/Ушз 56

489с

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

Президиума Свердловского Областного суда

г. Свердловск

от 12 сентября 1956 года

Президиум Свердловского Областного суда в составе: председателя президиума Шведовой З.И., членов президиума Куклинова Н.Н. и Бисеровой А.В., с участием и.о. прокурора Свердловской области Мужина И.П., заслушав доклад члена областного суда Соколовой А.Г. и рассмотрев протест прокурора Свердловской области по делу Манькова Николая Архиповича,

У С Т А Н О В И Л :

Постановлением Тройки УНКВД Свердловской области от 25 августа 1937 года подвергнут высшей мере наказания - расстрелу Маньков Николай Архипович, 1897 года рождения, уроженец села Аромашево, Режевского района, Свердловской области, русский, малограмотный, колхозник.

Маньков признан виновным в том, что в 1919 году участвовал в повстанческо-кулацкой банде, расправлялся с красногвардейцами и лицами, сочувствующими Советской власти. За время пребывания в колхозе систематически проводил вредительскую деятельность, срывал с/хозяйственные работы. В 1934 г. путем поджога колхозного тока с хлебом и автомашинами совершил диверсионный акт. Систематически вел контрреволюционную пропаганду против колхозного строительства.

В протесте прокурора области ставится вопрос об отмене постановления Тройки и прекращении дела производством по ст. 4 и 5 УПК.

Проверив материалы дела, президиум находит протест подлежащим удовлетворению по следующим основаниям:

В основу обвинения Манькова в антисоветской деятельности были положены показания двух свидетелей Неверова Ф.И. и Конева И.П. Показания этих свидетелей не конкретны, слишком общие, другими доказательствами не подтверждены.

Обвинение Манькова в дезертирстве из рядов Красной Армии и добровольном поступлении на службу белой армии подлежит исключению так как такие действия амнистированы постановлением ЦИК и СНК СССР от 2/ХІ-1927 года.

Данных о расправе с красноармейцами и лицами сочувствующими Советской власти в материалах дела вообще не имеется, не имеется доказательств и проведения Маньковым антисоветской агитации. Что касается пожара на колхозном току, то из материалов дела видно, что Маньков за это был осужден в прошлом как за необеспечение противопожарных мероприятий.

Ружов оцтуваться и вложенным, Президиум

П О С Т А Н О В И Л :

Протест Прокурора Свердловской области удовлетворить. Постановление Тройки УНКВД Свердловской области от 25/УШ-1937 года по делу Манькова Николая Архиповича отменить и дело дальнейшим производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Председатель *Шведова* /З. Шведова/

ПРОКУРАТУРА ССРС
**ПРОКУРАТУРА
СВЕРДЛОВСКОЙ
ОБЛАСТИ**

620019, Свердловск, В-19 Малышева 2-0

16.02.90 № ГЗ/П4-90

на № _____ от _____

623730, Свердловская
область, г.Реж,
ул.О.Кошевого, 15-66
Маньковой А.И.

Уважаемая Анна Ивановна!

По Вашему заявлению о судьбе мужа – Манькова Н.А. проверено архивное уголовное дело в отношении его. Установлено, что Манькову Н.А., согласно обвинительному заключению, было предъявлено обвинение " в участии в повстанческо-кулацкой банде, во вредительстве колхозу и диверсии против колхоза".

На основании постановления тройки при УНКВД Свердловской области от 25 августа 1937 года он подвергнут высшей мере наказания – расстрелу, которая приведена в исполнение 31 августа 1937 года в г.Свердловске. Место захоронения неизвестно.

Постановлением президиума Свердловского областного суда от 12 сентября 1956 года постановление тройки УНКВД от 25 августа 1937 года в отношении Манькова Н.А. отменено и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Он реабилитирован полностью, о чем высылаем Вам справку.

По получении справки обратитесь с заявлением по месту работы Вашего мужа до ареста – Аромашевское сельпо, где он работал пекарем (с.Аромашево), за получением двухмесячной зарплаты, исходя из существовавшего ко дню реабилитации оклада (ставки) по работе, которую он выполнял до ареста.

К заявлению необходимо приложить один экземпляр справки о реабилитации, а также справку (свидетельство о браке), что Вы являетесь его женой.

Свидетельство о смерти мужа получите в Режевском ЗАГСе, куда нами направлено соответствующее письмо.

Приложение; 2 экземпляра справки о реабилитации.

Старший помощник прокурора
области
советник юстиции

В.А.Волков

11.04.37 г. СПОД (сх № 3 Зак, 1908 Тпр, 200000

Сообщение о реабилитации Н.А. Манькова, посмертно. 16.02.1990 год.

IV ВЕЧНЫЕ СКИТАЛЬЦЫ

Эти истории-эпизоды трагических событий разных семей взяты мной из архива Екатеринбургского общества «Мемориал».

ОБРЕЧЕНА НА ОДИНОЧЕСТВО

Когда познакомишься с документами – исповедями детей, чьи родители были репрессированы в 30 годы прошлого столетия, картины возникают одна драматичнее другой.

На Смоленщине в небольшом городке Ярцево жила семья Федора Васильевича Козлова. Работал он директором рабфака, там же преподавал историю. Жена, Эмилия Израилевна Миренбург, служила кассиром в парикмахерской. В семье росла дочь Майя. На время ареста отца, в сентябре 1936 года, девочке исполнилось пять лет. Федор Васильевич был признан «врагом народа». Майе сказали, что папу взяли в армию.

Через два месяца в дом по ул. Первомайской 4, кв. 26, где жили Козловы, пришли и за мамой - Эмилией Израилевной. Оберегая ребенка, родственники сказали Майе, что мама уехала в командировку. Девочка осталась жить у дяди, – Георгия Васильевича Козлова, его жены Елизаветы Макаровны (Романовой) и бабушки Акулины Парфеновны, которая вскоре умерла. О мытарствах единственной дочки Козловых, будет рассказано ниже, а сейчас обратимся к документам.

Вот перехваченное письмо Козлова к жене.

Федор Васильевич писал ласковые письма, благодарил за заботу о нем, беспокоился о здоровье дочери. О себе писал следующее. «Сижу один, не с кем поговорить. Воздух паршивый. С 4-го числа не умывался и не чистил зубы. Не знаю, скоро ли приду домой, и за что сижу, не знаю. Грязный, заросший, как черт, пожалуй, и не узнаешь, когда увидишь меня...». Увидеть мужа Эмилии Израилевне больше не пришлось.

В том же письме Федор Васильевич просил жену: «Сходи к Ватагиной, чтобы она ускорила дело со мной, а то ведь у вас уже и жить не на что, и я не знаю, за что сижу».

Неизвестно, ходила ли супруга Козлова к секретарю РК ВКП(б) г. Ярцева тов. Ватагиной, но письмо в адрес Козловой ст. лейтенанта госбезопасности Бенек в архивах сохранилось. Вот его содержание:

«Член ВКП(б) Миренбург Э.И. являющаяся женой исключенного из ВКП(б) как троцкиста и находящегося под арестом по обвинению его по ст. 58 п. 10 УК Козлова Ф. В. обратилась ко мне 7/IX 36г. за разъяснением, может ли она оказать помощь питанием и т.п. Козлову Ф. В. пока он содержится в тюрьме.

Мною и райпрокурором тов. Никитиным было разъяснено, что дальнейшая связь её с Козловым Ф. В. как троцкистом, будет её компрометировать как члена ВКП(б). Миренбург, несмотря на полученное разъяснение, ежедневно передает передачи Козлову, в подтверждение чего прилагаем оригинал письма. О вышеуказанном ставлю Вас в известность. Ст. лейтенант госбезопасности Бенек. Ярц. Отдел НКВД 18/IX 36 г.».

Больше никаких сведений об отце Майя Федоровна не имела.

Началась Великая Отечественная война. Дядя, Георгий Васильевич, в первые дни войны ушел добровольцем на фронт. Враг подходил к Смоленску, мирное население отправляли в тыл. В ужасной вокзальной сутолоке Майя потеряла Елизавету Макаровну. И начались скитания девочки по оккупированной Смоленщине, а потом по Белоруссии.

Во время войны Майя обитала в деревне Холмы Духовщинского района, Смоленской области. Жила в няньках, пасла корову, а потом с колонной беженцев попала в Оршу, где тоже прислуживала у хозяев.

После освобождения от фашистов девочка жила в детдоме в Кохаловском районе Витебской области. Далее, учеба в РУ-20 на базе коврово-плюшевого комбината, где позже работала ткачихой.

На Урал Майя Федоровна приехала в 1953 году. Сюда направили её мужа. Работала на Уралмаше, откуда и вышла на пенсию.

Вот, что рассказывает сама Майя Федоровна.

«Многие годы я надеялась, что родители найдут меня. В 1994 году, когда уже были открыты архивы, я узнала, что родители мои расстреляны, а дядя, Георгий Васильевич погиб, оказался в списках безвозвратных потерь. Попытки найти его семью успехом не увенчались.

Теперь мой сын живет в Белоруссии, в Минске, когда я еду к нему в гости, то проезжаю мой родной любимый город Ярцево. И всегда плачу, долго не могу успокоиться: тоска гложет сердце по безвинно убиенным родителям, по родственникам, неведомо, где живущим, или погибшим. Ведь после войны я осталась совсем одна - одинёшенька».

ДВАЖДЫ УМЕРШИЙ

*Навеки честь тебе и слава
Кто за родную землю пал
А как же с тем, кто под неправый,
Кто под кровавый суд попал?
Его и слава не ласкала,
Он был и честью не любим.
Ему и вечной славы мало!
И честь, и честь должна, пожалуй,
Пасть на колени перед ним!*

Недавно одна знакомая женщина задала мне вопрос: почему органы КГБ вели двойную бухгалтерию: выдавали свидетельства на репрессированных как на живых, а они были уже расстреляны, или свидетельства выдавали родственникам дважды и с разной причиной смерти. Ответ совершенно очевиден: чтобы скрыть чудовищные злодеяния массовых расстрелов ни в чём не повинных людей. Истинные документы хранились под грифом «совершенно секретно». Наверно, исполнители тех злодеяний надеялись, что тайна гибели тысяч репрессированных никогда не будет раскрыта.

Но, к счастью, времена переменились и тайное стало явным. Когда человек умирал в лагере от голода, холода, зверских условий и непосильной работы, как мой отец, причин можно было указать сколько угодно. Указывалась болезнь, от которой чаще всего погибали заключенные. Причиной смерти моего отца был указан диагноз – воспаление легких.

Хотя в лагерях были и расстрелы, и варварские убийства. Но никогда не было такой формулировки: умер от голода. А голод косил людей сотнями.

Вот пример двойной бухгалтерии, которая касалась семьи Жуковых: два свидетельства о смерти Николая Михайловича, выданные его вдове Жуковой Галине Михайловне. Первое выдано от 11 декабря 1957 года Гор. ЗАГСом г. Свердловска, где

дата смерти указана 6 июня 1944 года, причина - стенокардия. Из второго свидетельства о смерти, выданного 6 июля 1989 года, когда частично был снят гриф «совершенно секретно», стало ясно, что Николай Михайлович Жуков был расстрелян, о чём свидетельствует выписка из протокола от 10 октября 1937 года, который гласит: «Жуков Николай Михайлович обвиняется в том, что в годы гражданской войны служил добровольцем в Белой Армии. Распространял среди служащих контрреволюционную пропаганду, направленную на дискредитацию мероприятий, проводимых партией и советским правительством». И ниже выписка из акта: «Постановление тройки УНКВД по Свердловской области от 10 октября 1937 года о расстреле Жукова Николая Михайловича приведено в исполнение 14 октября 1937 года в 24 часа.

Секретарь тройки лейтенант государственной безопасности Калугин».

О чём думал Николай Михайлович, человек, ни в чём не повинный, перед расстрелом? Конечно, о жене Галине, о маленькой дочке Лидочке, которой от роду было всего полтора месяца. Страшно представить, как томился он в застенках КГБ, как ночью повели его на расстрел, как и сотни, тысячи жертв сталинского террора.

Николай Михайлович работал бухгалтером дорожно-санитарного отдела Пермской железной дороги. Его жена Галина работала тоже бухгалтером в этом же ведомстве. Как только арестовали мужа, Галине Михайловне предложили уволиться. Только через два месяца ей удалось устроиться на другую работу.

А в ноябре 1941 года по распоряжению исполкома Горсовета г. Свердловска предложили выехать из города как семье врага народа не ближе 50 км от Свердловска. Так семья оказалась в посёлке Хромпик, где проживал родственник. Там в декабре этого же года Галина Михайловна устроилась на завод бухгалтером по материальной части.

Хорошо, что была в семье бабушка по матери, Анфиса Уваровна. Она и занималась домашним хозяйством, выращивала в огороде овощи, летом кормились лесными ягодами и грибами. Сама же Галина Михайловна работала с 1943 года заместителем главного бухгалтера. Уходила из дома в 6-7 часов утра, а возвращалась в 11-12 часов ночи. При заводе организовали подсобное хозяйство, для рабочих варили суп. Это было хорошим подспорьем.

В 1946 году Галину Михайловну наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне».

Дочь Лидочка окончила среднюю школу и поступила в Педагогический институт. А после его окончания была направлена в школу рабочей молодёжи в г. Арамиле. Туда же после выхода на пенсию приехала и Галина Михайловна. Дальнейшая жизнь Лидии Николаевны сложилась удачно. Вместе с мамой накопили они на маленькую комнатку, которую купили в Свердловске. Здесь Лидия Николаевна перешла на преподавательскую должность в Свердловский горный институт. Впоследствии работала на кафедре физики. Замуж вышла тоже за горняка.

Теперь у Лидии Николаевны большая семья: две дочери, два зятя, четыре внука и одна внучка.

Бабушка, Анфиса Уваровна умерла в 1958 году, а Галина Михайловна, уже на склоне лет, когда заканчивалась её жизнь, за два года до кончины: (1991 г.) узнала горькую правду. Её любимый муж, Николай Михайлович Жуков и двух месяцев не прожил после ареста.

ПАНКОВ – «ВРАГ НАРОДА»

Семья Панковых жила в г. Свердловске, на Эльмаше. Отец семейства Дмитрий Петрович работал старшим бухгалтером на заводе Уралэлектроаппарат. Его жена Буховская Анна Яковлевна на этом же заводе старшей машинисткой в машинописном бюро. В семье воспитывались трое детей: Юрий, Вадим, Ирина.

Семья жила справно: имели корову, поросенка, кур. Жить бы

да радоваться. Но грянул 1938 год, когда уже по всей стране шли аресты. Вечером 16 февраля в семье отмечали день рождения Анны Яковлевны, легли спать довольные прошедшим торжеством, а ночью в дом пришло горе в образе людей в черных пальто с хмурыми лицами. В доме произвели, как водится, обыск. Вот что рассказал Вадим, сын Дмитрия Петровича.

«Я проснулся во время обыска и увидел в квартире ужасный беспорядок; все было перевернуто вверх дном. Отец попрощался с нами, а маме сказал, чтобы она не переживала, он скоро вернется. Больше отца мы никогда не увидели...

Мама ходила на Ленина, 17 в НКВД, ей сообщили, что отец осужден на 10 лет заключения в ИТЛ без права переписки. Его обвиняли как «участника контрреволюционной белогвардейской террористической организации, существовавшей в г. Свердловске, и проведении ряда лет подрывной вредительской работы». Так мы стали семьей «врага народа». Старшему из детей Юрию было 10 лет, мне 9, а сестренке Ирине всего один годик.

Мама в то время имела зарплату 500 рублей. Только на хлеб уходило по 100 руб. в месяц. Пришлось продать корову. Вскоре началась война с Финляндией, жить становилось все трудней. Помню, чтобы купить сатин на штаны мне приходилось ночами стоять в очереди у Пассажа.

В 1941 году началась еще более страшная война – Отечественная. Наша учеба закончилась. Брат Юрий поступил в ремесленное училище - РУ, а меня пристроили работать на подсобное хозяйство при заводе Уралэлектроаппарат. Работал я извозчиком на свиноферме. А в 1942 году тоже пошел обучаться в РУ, так как там давали одежду и обеспечивали питанием

Через два года брата Юрия взяли в армию, мы остались втроем. Мама очень много работала, оставалась на сверхурочную работу, чтобы получить дополнительные талоны на питание (обед). Но обед этот складывала и сливала в банку, чтобы принести нам. Хорошо еще, что нас как членов семьи «врага народа» не исключили из школы, и мы смогли учиться. Но унижение

постоянно чувствовали. В 1946 году рабочих завода награждали за доблестный труд в Великой Отечественной войне, мне медаль тогда не дали. Я получил ее только в 1986 году.

Теперь страшно вспомнить, как жили мы в военные годы. Много было эвакуированных ленинградцев. К нам подселили семью, и мы оказались в проходной комнате, хотя раньше занимали две комнаты. Обогревались буржуйкой, дров не было. Окна зимой никогда не оттаивали. Спать мы ложились с химической грелкой, чтобы чуть-чуть согреть постель. Наши уплотненцы Зельмановы отдавали маме очистки от картофеля, она поджаривала их в буржуйке, чтобы хоть чем-то покормить нас. Так вот проходили наши детские и юношеские годы.

Нашу маму мы похоронили в 1980 году, так она бедная ничего не узнала о судьбе нашего отца. И только в 1992 году, когда были открыты архивы, нам выдали справку о полной реабилитации отца, в которой было сказано, что «дело прекращено за отсутствием состава преступления», реабилитирован посмертно.

Как ранее говорилось, осужден он на 10 лет без права переписки, но со дня ареста прожил он всего полмесяца. Арестовали 26 февраля 1938 года, а расстрелян 14 марта, то есть через пятнадцать дней и, конечно, без суда, а только решением «тройки».

Как бы ни было тяжело, но мы всё пережили. Брат Юрий отслужил в армии семь лет, он окончил школу с золотой медалью. После окончания педагогического института защитил кандидатскую диссертацию. Сестра Ирина окончила машиностроительный техникум, работала на 8 - м заводе. Я имею несколько профессий. Работал мастером, ст. мастером, начальником участка, а последние 17 лет начальником цеха 49. Всего на заводе Уралмаш мой стаж составил 47 лет.

Как видите, из детей «врага народа» выросли порядочные, пригодные для Родины граждане. Ну а теперь боремся со своими болезнями и продолжаем существовать.

Воспоминания сына, Вадима Дмитриевича Панкова.

СУДЬБА СУПРУГОВ БАЛАКИНЫХ

Балакин Михаил Александрович был крупным инженером-металлургом. После Октябрьской революции работал поочередно на Лысьвинском, Алапаевском и Нижнетагильском металлургических заводах. С 1929 по 1931 года участвовал в строительстве Уралмаша. С 1932 года до момента ареста, 26 октября 1937 года был главным инженером одного из оборонных предприятий г. Челябинска (завод № 78).

Михаилу Александровичу было предъявлено обвинение как участнику троцкистской шпионско-диверсионной организации. Через два с половиной месяца, 10 января 1938 года, Балакину М. А. вынесен приговор, разумеется «тройкой», к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение в этот же день. Так был уничтожен специалист высшего класса в области металлургии, честно служивший Отечеству.

Такой жертвы органам НКВД оказалось мало: после расстрела Михаила Александровича была арестована его жена Людмила Константиновна Балакина. По постановлению все той же «тройки» Челябинского УНКВД от 19 апреля 1938 года она была приговорена к восьми годам заключения. Отбывала срок в крайне тяжелых условиях Карагандинского лагеря. По состоянию здоровья Л. К. Балакина была освобождена досрочно 14 июня 1943 года.

Ясно, что освободили жену «врага народа» в крайне тяжелом состоянии без надежды на выздоровление. Так было принято.

Больше сведений о Л. К. Балакиной, к сожалению, найдено не было.

V КОЛЫМА – НОРИЛЬСК

В семидесятые годы прошлого столетия мне довелось редактировать студенческую газету «Горняк» в Свердловском горном институте (СГИ), ныне Уральский Государственный горный университет (УГГУ). В коридорах главного здания я встречала весьма пожилого преподавателя Петра Яковлевича Ярутина, но общаться с ним как-то не приходилось. Знала бы я тогда о судьбе этого человека, о том, что Петр Яковлевич был репрессирован в тридцатые годы, как и мой отец, непременно познакомилась бы с ним. Но если учесть, что в ту пору о репрессиях еще никто не говорил вслух, хотя многие бывшие узники были реабилитированы, вряд ли у нас состоялся бы откровенный разговор. В те годы даже за публикацию в студенческой газете фотографии храма Александра Невского вызывали в партком на ковер. Разве можно было представить, что наступят такие времена, когда университет будет восстанавливать церковь и в помещении повесят иконы.

Имя Петра Яковлевича и его супруги Веры Петровны, тоже репрессированной в 1937 году, я встретила вновь в Екатеринбургском обществе «Мемориал». Петра Яковлевича уже не было в живых, о встрече с Верой Петровной расскажу позже. Теперь, спустя более 75 лет, когда архивы по делам подвергшихся репрессиям открыты, я имею возможность познакомиться с биографией П. Я. Ярутина, узнать о судьбах супругов и, что очень редко встречается, о счастливом продолжении жизни после лагеря.

АВТОБИОГРАФИЯ

Повествование начну с автобиографии Петра Яковлевича, написанной им лично. «Родился 2 сентября 1895 года в д. Соколовой Покровского района в семье крестьянина-бедняка. В 1906 году после окончания Церковно-приходской школы пошел с отцом работать на асбестовые рудники, ныне г. Асбест, Свердловской области. Работал на рудниках до 1915 года, не прерывая связи с деревней, куда приходил на престольные праздники, иногда во время страды.

С 1915 года по 1917 год был в старой армии, из которой демобилизовался в звании младшего унтер-офицера (по-современному сержант). В апреле 1918 года был избран председателем волисполкома Кисловской волости, б. Екатеринбургского уезда. После эвакуации из г. Свердловска (Екатеринбурга) в июле 1918 года вместе с товарищами по волостной боевой дружине вступил добровольцем в Красную Армию, в которой пробыл до 1922 года в должности военного комиссара различных воинских частей и подразделений.

С 1922 по 1925 год учился на рабфаке Уральского политехнического института, после окончания которого поступил на горный факультет того же института. Окончил институт и был оставлен в аспирантуре. Будучи аспирантом с 1930 года по 1931 год руководил опытами по обогащению Кизеловских углей. 20 сентября 1931 года был назначен директором Свердловского горного института, в этой должности находился до марта 1935 года. Одновременно работал на кафедре механического обогащения полезных ископаемых. В 1933 году был утвержден комиссией Наркомтяж. В должности доцента. В 1935 году был назначен главным инженером обогатительной фабрики №3 г. Асбеста. После пуска в эксплуатацию первой секции возвратился в 1936 году в институт для работы на кафедре.

В 1937 году, 19 апреля был арестован и в 1955, 28 апреля реабилитирован. За время с 1937 года по 1956 год работал в Норильском горно-металлургическом комбинате в качестве

инженера по обогащению угля на шахте №13 (по 1941 год); с 1942 года начальником углеобогатительной лаборатории, начальником обогатительной установки в опытном металлургическом цехе Никелевого завода.

С 1945 по 1955 год вел курсы дробления и измельчения, гравитационные методы обогащения и руководил дипломным проектированием в Норильском горно-металлургическом техникуме. Состою членом КПСС с 1918 года по настоящее время. Список научных трудов прилагается.

30 декабря 1961 года. Ярутин».

Эта автобиография написана Петром Яковлевичем, но есть еще одна автобиография, напечатанная на пишущей машинке на трех с половиной листах. Она датируется 23 июня 1933 годом. К этому времени П. Я. Ярутину была уже присуждена квалификация Горного Инженера (в мае 1930 года). Забегая вперед, мы увидим, что эта профессия и спасла его во время отбывания в Норильлаге.

Чтобы узнать, как пришел он к этой профессии, надо вернуться к более подробной автобиографии 1933 года. Вот выдержка из неё. «В 1907 году окончил церковно-приходскую школу и в том же году пошел работать на асбестовые рудники Баженовского района в качестве мальчика по отбойке асбеста. Первые 2-3 года работа на руднике перемежалась с работой в сельском хозяйстве, а последние 3-4 года работал больше на рудниках. Так продолжалось до 1914 года. Лето 1915 года почти до призыва в старую армию работал на прокладке шоссе Екатеринбург – бывшие Агафуровские дачи».

Далее переписывать автобиографии с подробностями не имеет смысла, назову только моменты, менявшие русло его жизни. В сентябре 1915 года Ярутин был призван в старую армию, как ротник ополчения 2-го разряда, после 3-х месячного обучения в г. Новосибирске отправлен в маршевой роте на фронт под г. Двинск. В декабре 1916 года переброшен на Румынский фронт.

В мае 1917 года заболел цингой, был направлен для лечения в Царицынский госпиталь. После лечения получил отпуск на три месяца, и опять армия. В январе 1918 года был демобилизован. В этом же году в деревне был избран депутатом от сельсовета, а потом исполкома, где был избран председателем. Занимался организацией боевых дружин из бедноты и небольшой части середняков. Затем снова мобилизация в армию, где занимал разные должности, последняя из них – военком по поручениям при УРВО, вплоть до его расформирования.

С 1922 года начинается учеба на рабфаке, через три года новая ступень, теперь уже Уральский политехнический институт (УПИ). Видно, душа с измательства прикипела к горному делу, поэтому, уже работая в Горном институте, Петр Яковлевич поступает еще и на горный факультет того же института. Затем Губахинская углеобогатительная фабрика, где Ярутин работает главным инженером. В 1931 году в качестве аспиранта возвращается в Горный институт, в сентябре избирается директором Уральского горного института. Одновременно работает на кафедре Обогащения полезных ископаемых (ОПИ) заместителем заведующего этой кафедры. В 1933 году Петру Яковлевичу присваивается звание доцента.

Таки образом, к 38 годам своей жизни П.Я. Ярутин имеет богатейший жизненный опыт и высокую квалификацию горного инженера по обогащению полезных ископаемых. К этому времени им опубликованы три статьи по теме «Обогащение Кизеловских углей», которые войдут в книгу «Обогащение углей», изданную ОГИЗом Свердловск-Москва. В этом же 1933 году планируется заграничная командировка Ярутина в Англию и Бельгию. В личном деле Петра Яковлевича сохранился план его предполагаемой работы в этих странах. Вот его краткое содержание.

1. АНГЛИЯ. 1. Осмотреть Углеобогатительные фабрики через посредство организаций: (далее перечисление на английском языке).

2. Воздушное обогащение угля. Посетить организацию

(англ.) по вопросу для переговоров о новейших электро-вибрационных сит.

3. Посетить организацию (англ.) по вопросу о работе центрифуг Карпонтера. Лондон.

4. Ознакомиться с постановкой учебного дела и оборудования специальных лабораторий (Обогащение, Горное искусство и др.)

5. Ознакомиться с производством углеобогачительных и дробильных машин на заводе в г. Шеффилде.

6. Ознакомиться с производством электро-магнитных сепараторов на заводе (англ.) 11. БЕЛЬГИЯ.

7. Осмотреть углеобогачительную фабрику в (англ.)

Поездка за рубеж, разумеется, предполагала внедрение всех новшеств, всего опыта известных фабрик у себя в СССР, на Урале на длительный срок. Но времени оставалось мало.

РАЗЛУЧЕНИЕ

16 апреля 1937 года Петр Яковлевич Ярутин был арестован. Предъявленное обвинение: принадлежность к троцкистской группе и активная работа в этой организации. Вот архивные документы. «Дело по обвинению Ярутина Петра Яковлевича № 29470. Ордер на обыск №20 16 апреля 1937 года. Протокол обыска».

Протокол допроса 19 апреля 1937 года.

Вопрос. Сколько времени вы были директором Свердловского горного института.

Ответ. С сентября 1931 года до марта 1935 года.

Вопрос. По какой причине вы были сняты с должности директора института.

Ответ. Я был снят с должности директора института по распоряжению Областного комитета ВКП (б). Причина снятия меня с должности директора не указана.

Вопрос. А вы как считаете, за что вас освободили от должности директора.

Ответ. Я считаю, что мое снятие произошло за

необеспечение политического руководства, за притупление классовой бдительности.

Записано с моих слов и прочитано. Подпись: Ярутин.

Постановление (о привлечении к следствию в качестве обвиняемого). 3 мая 1937 года г. Свердловск.

Ярутин Петр Яковлевич в достаточной степени изобличается в том, что является активным участником к-р троцкистско-зиновьевской террористической организации, существовавшей на Урале, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. ст. 58-10,11 и 17- 58-8 УК РСФСР.

Протокол допроса 3 мая 1937 года.

Вопрос. Признаете ли Вы себя виновным в предъявленном Вам обвинении по ст. ст. 58-10,11 и 17-58-8 УК.

Ответ. Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю, за исключением того, что я, как член партии в 1934 году, будучи директором горного института в г. Свердловске не довел до сведения партийной организации о выпаде, носившем контрреволюционный характер в отношении портрета члена политбюро ЦК ВКП б со стороны троцкиста Бобылева Николая Александровича, бывшего в то время членом партии, а ограничился личным внушением, на что он дал мне объяснение, что он, якобы оговорился, что якобы сказал неосознательно. Записано с моих слов. Ярутин».

С чего же начались подозрения в причастности Петра Яковлевича к троцкистско-зиновьевской группе? На каком основании его арестовали?

Оказалось, что в феврале 1937 года были арестованы Василий Федорович Головин, 1893 года рожд. член ВКП(б) с 1917 года, до ареста занимавший должность Председателя областного исполнительного комитета и Бобылев Николай Александрович, 1892 года рожд. до ареста работал начальником сбытового отдела Новотрубного завода в г. П-Уральске.

На допросе 13 февраля 1937 года Головину Василию Федоровичу был задан вопрос: какие назначения троцкистов на

руководящую работу были проведены под Вашим руководством через отдел кадров Обкома ВКП(б) за период Вашей работы зав. отд. кадров и Секретарем обкома ВКП(б).

Ответ. Нами из числа активных участников троцкистской организации были выдвинуты: Ярутин – директором Горного института, Филатов – директором Института стали».

В деле названы еще несколько фамилий. П. Я. Ярутин назван «активным участником троцкистской организации.

19 февраля 1937 года был допрошен Николай Александрович Бобылев.

Вопрос. Ярутин троцкист?

Ответ. Да. Я Ярутина считаю скрытым троцкистом.

Вопрос. Расскажите подробно о характере Ваших связей.

Ответ. С Ярутиным я встретился в Москве, в общежитии ЦК УГУ. Он предложил мне ехать в г. Свердловск на работу в Горный институт в качестве его помощника по АХО. При первой встрече я воздержался дать положительный ответ. На другой день он решительно подтвердил свое предложение. Тогда я ему подробно рассказал, что я связан с Мрачковским С.В., с ним работал на БАМе и что я остаюсь на троцкистских позициях. Здесь же я информировал Ярутина о том, что мы троцкисты, стоим теперь за более решительные методы борьбы и что в повестке дня борьбы стоит вопрос снятия Сталинского руководства в партии, во что бы то ни стало, хотя бы насильственным путем.

Ярутин на это заявил мне, что ему мои убеждения не мешают, вновь настаивает на своем предложении поехать работать с ним.

После таких показаний на П. Я. Ярутина при изъятии у него партийного билета, это действие объясняют так: арестован «за контр-революционную, троцкистскую деятельность». На этом и основывается обвинительное заключение с приписками.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«По следственному делу №7338 по обвинению Ярутина Петра Яковлевича по ст. ст.17-58-8, 58-11 УК РСФСР.

В процессе следствия по делу вскрытой контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации на Урале установлено, что Ярутин П.Я. являлся участником данной организации. На основании этих данных был арестован. Троцкисты – террористы Головин и Бобылев выдвинули Ярутина Директором Свердловского Горного института для проведения там контрреволюционной троцкистской работы среди студентов.

На основании вышеизложенного Ярутин Петр Яковлевич обвиняется в том, что: являлся участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей 1/ X11-34 года в гор. Ленинграде злодейское убийство т. С. М. Кирова и подготовлявшей в последующие (1934-36 г. г.) террористические акты против руководителей ВКП(б) и Советского Правительства. Входил в состав контрреволюционной троцкистской организации на Урале и по ее заданию в 1933-36 г. г. проводил контрреволюционную пропаганду среди студентов Свердловского Горного института, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Ярутин подлежит преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР, с применением закона от 1/X11-1934 года. Опер. Уполномоченный

1 Отделения 4-го отдела УГБ Мл. лейтенант Гос. Безопасности. Чугаев.

СОГЛАСЕН: Нач. 4 Отдела УГБ УНКВД Капитан Гос. Безопасности Ревин.

Справка. 1. Вещественных доказательств по делу нету. 2. Обвиняемый Ярутин П.Я. содержится под стражей в Свердловской тюрьме с 19/04-1937 года

«....» июня 1937 года».

Обратите внимание на справку, где сказано: «вещественных доказательств нету». Но этот факт во внимание не берется.

ПРИГОВОР

«Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная Коллегия Верховного Суда Союза СССР в составе: Председательствующего Диввоенюриста Н.М. Рычкова, членов: Бригвоенюристов И. М. Зырянова и Г.А. Алексеева При секретаре военном юристе 3 ранга Н.В. Козлове В закрытом судебном заседании, в городе Свердловске «....» августа 1937 года рассмотрела дело по обвинению Ярутина Петра Яковлевича, 1895 г. р., служащего, в преступлениях предусмотренных ст. ст. 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР. Предварительным и судебным следствием установлена виновность Ярутина в том, что...». (Далее идет дословный пересказ сказанного выше о причастности к убийству С.М. Кирова, о проведении среди студентов Горного института к-р троцкистской пропаганды, своей антисоветской деятельности: был организатором связи с троцкистами Бобылевым, Головиным и Дьячковым).

На основании изложенного Военная Коллегия приговорила: Ярутина Петра Яковлевича к тюремному заключению сроком на десять лет с поражением в политических правах на пять лет с конфискацией всего лично принадлежавшего ему имущества. Срок наказания осужденному зачислить с 19 апреля 1937 года. ПРИГОВОР ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ». Осужден Ярутин П. Я. 5 августа 1937 года. Первые годы он провел в Полтавской тюрьме.

Следует заметить, что именно с этого дня, т. е. 5 августа 1937 года, согласно Оперативному приказу наркома внутренних дел, комиссара государственной безопасности Н. Ежова началось исполнение приказа № 00447 от 30 июля 1937 года - операция по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов. (кулаки и уголовники – все вместе). По всем республикам, краям и областям ... «А в Дальневосточном и Красноярском краях и Восточно-Сибирской области начать с 15 августа с. г.».

Гигантский спрут Большого террора все дальше закидывает свои щупальца. И глубже. Начинаются массовые аресты жен осужденных.

АРЕСТ ЖЕНЫ

Вера Петровна Ярутина тревожится за мужа, ищет возможности получить о нем хоть какую-то информацию. Но 27 августа 1937 года приходят и за ней. Вот как описывает момент ареста инспектор 1 отд. УНКВД Пустынников. «Начальнику 8 отделения УНКВД по Свердловской области лейтенанту Г. Б. т. Капустину.

Рапорт

При аресте Ярутиной Веры Петровны вела себя очень беспокойно вероятно влиял ребенок. Девочку 3 ½ лет взяла на иждивение ее родная сестра, живущая в этой же квартире и здана сберегательная книжка на содержание ребенка в сумме 700 рублей. Комната с имуществом, в которой проживала Ярутина (не понятно) но мною не сделана опись имущества в виду того что находится в опечатанной комнате. Описываю что находится в комнате.

1. Ящики с литературой до потолка
2. Камод с бельем
3. Мягкий диван в нем находится верхняя одежда.
4. Гардероб с платьями и костюмами
5. Патефон
6. Кровать с постелей, о чем и довожу довашего сведения».

По словам оперуполномоченного «Вера Петровна вела себя беспокойно». На самом деле, женщина плакала, кричала: «Что же вы творите?! У меня маленький больной ребенок!». Но её увели. Много лет спустя призналась, что в тот момент она хотела выпрыгнуть через окно с пятого этажа квартиры, настолько была унижена этим арестом, не в состоянии понять происходящее. Её увезли в тюрьму, и первый допрос состоялся 17 сентября 1937 года.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

«Ярутина Вера Петровна, 1908 г. рожд. русская – СССР. Род занятий – художник по ткани. Социальное происхождение – из кр-н завода Сысерть. Отец имел собств. дом, больше ничего не знаю. Состав семьи: дочь Кама Петровна 1933 г. рожд. Отец зайцев Петр Мих. 73 года, живет в заводе Сысерть, брат Зайцев Яков П. 34 года работает художником-скульптором. Дочь Кама находится у сестры Анны Петр. Брюхановой, прожив. ул. Малышева 35 к. 10.

Вопрос. С какого года состоите в браке с мужем Ярутиным Петром Яковл. Ответ. С 1930 года.

Вопрос. Кем и где он работал.

Ответ. Ярутин П. Я. Работал научным работником в горном институте г. Свердловск.

Вопрос. Что вам известно о к. р. деятельности вашего мужа.

Ответ. Мне об этом ничего не известно.

Вопрос. С кем ваш муж имел близкую связь.

Ответ. В быту у него связи ни с кем не было, а на службе сказать не могу.

Вопрос. С кем имел письменную связь.

Ответ. Я не могу сказать от кого он получал и кому писал письма, но получать он получал.

Вопрос. Кто из ваших близких репрессирован органами Сов. власти.

Ответ. В прошлом году был освобожден из тюрьмы муж сестры моего мужа Попов Иван Дмитриевич, осужденный по уголовным делам. Больше добавить ничего не имею, протокол записан с моих слов верно и мне прочитан в чем и расписуюсь. Личная подпись: Ярутина.

Допросил Оп. Уполн. Мл. лейтенант Гозбезоп. (Подпись неразборчива).

Далее следует «Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения». В чем же обвиняется ни в чем неповинная женщина? «Достаточно изобличается в том, что

она являясь женой осужденного к В М П за к. р. троцкистскую деятельность Ярутина Петра Яковлевича, проживала совместно с мужем с 1930 года до момента его ареста, знала о проводимой к. р. деятельности мужа, но органам соввласти не сообщила, а потому: привлекается в качестве обвиняемого по ст. ст. 56-12,17, 58-8-11 является социально опасной и подлежит содержанию под стражей. Настоящее постановление мне объявлено 26 сентября 1937 года. Личная подпись – Ярутина».

В этом документе впервые говорится о том, что П. Я. Ярутин осужден к В М Н, то есть, к высшей мере наказания – расстрелу. Хотя ранее в «Постановлении о мере пресечения» уже упоминалось: «избрать содержание под стражей по 1 категории». А первая категория значила – расстрел. Что же спасло Петра Яковлевича от этой меры наказания? Склонна предполагать, что Ярутин, как и чуть позже его жена, были осуждены существующей еще в то время Военной Коллегией Верховного Суда СССР, все-таки суд был более гуманным, нежели ежовские тройки, которые в это время как раз образовывались.

Вернемся к делу Веры Петровны, которое было передано на рассмотрение Особого Совещания при НЕВД СССР. И вот результат. Выписка из протокола по делу № 23113 . «Ярутину Веру Петровну- члена семьи изменника родины заключить в испратрудлагерь (Нарым), сроком на ВОСЕМЬ лет, считая срок с 28/8 1937 г. Дело сдать в архив».

Всё. П. Я. Ярутин уже объявлен врагом народа. Для Веры Петровны начались жуткие скитания по тюрьмам, пересылкам, этапам, лагерям. Об этом Вера Петровна не оставила воспоминаний. Но вот читаю книгу «Завещание», изданную Средне-Уральским книжным издательством еще в 1989 году, и вижу имя Ярутиной. Автор Софья Швед в статье «Воспоминания» пишет.

«Меня привезли в тюрьму. Собственно, это даже не тюрьма, а школа на ул. Декабристов недалеко от обсерватории. В настоящей тюрьме, несмотря на страшное «уплотнение» ее,

мест уже нет. Пришлось наспех отрывать филиалы. И вот мы – жены осужденных мужей – заняли такой филиал: высокий забор из горбылей, несколько рядов колючей проволоки над ним, сторожевые вышки по углам забора; наглухо забитые горбылями окна в классах, из которых вынесена вся мебель и – тюрьма готова. В классе, который стал моей первой камерой, на голом полу вповалку лежали и сидели уже около тридцати женщин. Устроилась недалеко от двери, начинаем знакомиться».

В эту, вновь сколоченную тюрьму, стали привозить женщин со сего города и области. Здесь были учителя, экономисты, артистки, а также жены высокопоставленных партийных и хозяйственных руководителей. Сюда же привезли жену директора Уралмаша. Совсем недавно эта женщина в Москве была награждена орденом Трудового Красного Знамени, который вручал ей Калинин, как активной участнице движения жен за культуру на производстве. И вот в сентябре арестовали всю семью: Леонида Сергеевича Владимирова, ее и двух дочерей. Раскидали по разным тюрьма.

* * *

*А за тьмою снова тьма, за темницею – тюрьма,
За неволей заточенье, за мучением – мученье...
Но возможно или нет, чтоб за светом снова свет,
За сиянием – сиянье, за добром – благодаянье?*

Лариса Миллер

Женщины были особо уязвимы. Когда забирали мужей, жены оставались с детьми, а когда начались аресты жен, детей увозили в детприемники. Кроме физических, подчас изуверских мучений, души женщин наполняли тревога и полная неизвестность о судьбе своих детей. Что будет с ними? Матери полностью отрезаны от мира, письма и свидания с родными запрещены.

Вот в такое же положение попала Вера Петровна Ярутина. Первая дочка Ярутиных Люся, к несчастью, умерла. А теперь мать силой оторвали от второго маленького ребенка. Вся надежда была на сестру Анну Петровну Брюханову и ее мужу Николаю

Тихоновича за судьбу трехлетней доченьки Камы. Забегая вперед, следует сказать, что супруги Брюхановы стали на десять лет родителями девочки, за что Ярутины были им очень благодарны.

Вера Петровна встретится с Софьей Швед в одной из тюрем в г. Томске. а их было не мало до отправления в Нарым. В Томской тюрьме находилась и Анна Ларина, совсем молоденькая жена Н. Бухарина. Здесь она и узнала о расстреле своего мужа. Тысячам женщин пришлось побывать в таких тюрьмах, где люди задыхались от удушья, от тесноты и «аромата» параши. Да еще и вместе с «урками», от которых тоже грозила опасность.

Из числа заключенных жен образовалась маленькая компания, в которой все помогали друг другу, поддерживали морально, делились последней корочкой хлеба. Софья Швед пишет об этой компании. «В основном это были землячки-свердловчанки. Вера Ярутина – наша самая улыбчивая, добросердечная и энергичная художница, жена директора Уральского горного института».

В этот период среди заключенных началась эпидемия цинги, а еще страшнее цинги были случаи сумасшествия, когда женщины поднимались среди ночи и начинали петь, плясать, звали родных людей. Но эту маленькую сплоченную группу, о которой пишет С. Швед, беда миновала, вполне возможно благодаря поддержке друг друга.

Лишь спустя 19 лет, когда позади были унижения, тюремные мытарства, пересылки, 24 января 1956 года выйдет «ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 164 Военного Трибунала Уральского Военного Округа», в котором будет сказано:

«Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 27 сентября 1937 года в отношении Ярутиной Веры Петровны отменить и дело о ней за отсутствием состава преступления дальнейшим производством прекратить. Председательствующий полковник юстиции Вербовик, полковник юстиции Костров, майор юстиции Санжиков».

Годы не стерли воспоминания о пережитом, они просто осели в глубине души. Как же долго тянулись эти годы разлуки для

супругов Ярутиных! Во время пересылки из Томска женщинам разрешили написать по одному письму домой. Вера Петровна послала письмо сестре Анне Петровне, которое было получено 16 декабря 1937 года. Через длительное время родственникам удалось сообщить ей адрес Петра Яковлевича, и тогда началась переписка между разлученными. Первая весточка от супруги пришла Петру Яковлевичу из Магаданского лагеря. Ответ от мужа Вера Петровна получила только в январе 1942 года. Сохранять письма мужа было очень непросто в тех нечеловеческих условиях, но они так грели душу, так поддерживали!

До 1939 года Петр Яковлевич не знал, что после вынесенного ему приговора была арестована и его любимая жена Вера Петровна. Когда же началась переписка между супругами, их редкие (по разрешению) письма были наполнены любовью, заботой друг о друге и, в первую очередь, о дочке Камочке. Вера Петровна просила сестру Аню писать о ее дочке подробнее: как она чувствует себя после болезни, ходит ли в детский сад, какой у нее рост и цвет волос. Просила прислать хотя бы несколько волосиков в письме... А еще просила, если будут собирать посылку, прислать хотя бы немного сала.

В июле 1938 года Вера Петровна подала заявление в Президиум Верховного Совета СССР по пересмотру ее дела, но ответа так и не получила. «Очень тяжело, – пишет она сестре, – от страданий, гложет тоска по воле, по всем вам». В мае 1940 года Вера Петровна еще раз обратится в Президиум Верховного Совета СССР по тому же делу, ответа не получит.

Тем же самым озабочен и Петр Яковлевич. В письме в Свердловск от 06. 09. 1940 года он пишет: «Сегодня для меня радостный день, я получил ваше письмо, которое вы писали 31 марта (вот как долго шли письма!). Читал и глядел на фотографии, радовался и плакал. Хотя я не потерял надежду на пересмотр моего дела, но все же приходят грустные мысли... 19 мая написал заявление на имя Председателя Верховного Суда Союза ССР, но еще не получил извещения, направлено оно или

нет в Москву. Подожду еще некоторое время и буду писать на имя любимого вождя народов товарища Сталина и в ЦК ВКП (б). Я верю, можно добиться снятия этой подлейшей клеветы, возведенной врагами народа».

Как же он верил в товарища Сталина, «любимого вождя народов», как верили все мы все в его непогрешимость, в его мудрость и всемогущество! Не подозревая даже, что с его «легкой» руки, подписавшей «Решение заседания Политбюро ЦК от 2 июля 1937 «Об антисоветских элементах» под грифом «Строго секретно» и начался «Большой террор».

Однообразные дни, тоска по дому, особенно в праздники, были подчас невыносимы. Пытливый ум Петра Яковлевича отвлекал его от действительности, помогал коротать время. Накануне 1939 он долго не мог заснуть. До двух часов ночи, лежа с закрытыми глазами, придумывал способ усовершенствования движущихся масс, например, шатуна дробилки БЛЭК.

Утром 1 января все придуманное записал в тетрадь. Этим и запомнился ему Новый 1939 год. Находил разные способы, чтобы скрасить свою жизнь, использовал возможность более глубокого изучения английского языка. А впереди были еще годы и годы заключения. И никакого пересмотра своего дела он не дождался, так же, как и Вера Петровна. Но маленькая радость все-таки пришла на последнем году заключения. «За высокие производственные показания и отличное поведение в быту Особым совещанием при НКВД СССР от 28 августа 1945 г. и 10 июня 1946 г. Ярутин Петр Яковлевич освобожден из заключения и 15 августа 1946 года сослан на поселение в Красноярский край под надзор МГБ».

В переписке супругов меду собою и в письмах в Свердловск выражены чувства надежды на встречу с родными. А письма шли по два, по три и более месяцев и были, словно глоток свежего воздуха в душливой, смрадной, ненавистной атмосфере лагерной жизни. Вера Петровна до конца своей долгой жизни не смогла забыть, как ходила под конвоем, под надзором ненавидящих

людей. Вспоминала, когда после освобождения добиралась от Магадана до Норильска вместе с другими женщинами, на барже возникла паника в ожидании «шмона». Вера Петровна вынуждена была выбросить за борт часть переписки, не хотела, чтобы чьи-то грязные руки касались писем любимого человека. К счастью, сохранила справку об освобождении, которая выдавалась единожды. Без нее могли снова дать срок. О такой барже под названием «Джурба» и о «шмоне» хорошо описано Евгенией Гинзбург в ее книге «Крутой маршрут». Не одна баржа с заключенными была затоплена, как ненужный «груз».

Петр Яковлевич в Норильске много работал. Его определили на горно-металлургический комбинат, где профессия горного инженера по обогащению полезных ископаемых была очень востребована. К тому же Ярутин с молодых лет имел склонность к изобретательству. На бытовом и профессиональном уровне находил выход из трудных обстоятельств, на его счету 96 научных работ, из них 34 печатных. В годы ссылки ему пришлось работать, как уже было сказано, на разных должностях в освоении Норильского горно-металлургического комбината. В характеристике за эти годы работы Ярутина П. Я. есть такие слова: «Неоднократно был премирован и являлся активным рационализатором и участником общественной работы».

Каким же человеком слыл среди коллег, друзей, знакомых Петр Яковлевич еще до заключения? Сохранились воспоминания о нем Николая Тихоновича Брюханова, свояка, то есть, мужа сестры Веры Петровны, Анны Петровны. Как уже вы знаете, эта супружеская пара воспитывала дочь Ярутиных Каму в течение десяти лет.

Николай Брюханов познакомился с Петром Ярутиным в конце 20-х годов прошлого столетия, будучи студентом горного факультета Уральского политехнического института (УПИ). Петр Ярутин пришел на факультет с группой рабфаковцев, которая освежила студенческую аудиторию. Сказался жизненный опыт рабфаковцев, познавших труд. Они уже сознательно выбрали

для себя профессию горняка. С тех пор и подружились мужчины, а позже стали родственниками, женившись на сестрах.

С тех самых пор Николая Тихоновича привлекали в Ярутине его природная смекалка, находчивость, которая и привела Петра Яковлевича к изобретательству, и легкость в общении с людьми. Вступая на должность директора Горного института, он взвалил на себя огромную работу и заботу. Поскольку институт создавался на основе факультета, входящего в состав политехнического института, (1930 год), следовало все организовать заново, начиная с мелких хозяйственных забот. Создание факультетов, кафедр, лабораторий, подбор коллектива преподавателей, технического персонала. Обустраивать общежитие для студентов, приобретать оборудование, налаживать связь с предприятиями – все это требовало огромных затрат энергии. Несомненно, общительный характер, уважительное отношение к людям имели большое значение в работе Петра Яковлевича. В то же время он был деятельным организатором. Количество студентов стало постепенно возрастать, к 1932 году насчитывалось уже 1500 человек.

Профессия горного инженера предполагала командировки на длительное время на разные комбинаты, в разные города, на металлургические предприятия, на обогатительные фабрики. В 1935 году Петру Яковлевичу пришлось оставить институт, Обком партии направил Ярутина в качестве главного инженера на работу в г. Асбест, где строилась самая крупная обогатительная фабрика. Очевидно, сроки введения фабрики в эксплуатацию имели большое значение для развития асбестовой промышленности, если для строительства был направлен опытный специалист и организатор, директор Горного института. Командировка была длительной, пришлось переезжать всей семьей. В 1936 году Асбестовская фабрика была сдана в эксплуатацию, и семья Ярутиных вернулась в Свердловск. Петр Яковлевич продолжил работу в институте, но теперь на кафедре обогащения полезных ископаемых (ОПИ), которой заведовал профессор Ортин М. Ф.

Некоторое время семьи Ярутиных и Брюхановых, еще до ареста Петра Яковлевича, жили в одной квартире, и Николай Тихонович имел возможность видеть его в бытовой обстановке. Петр Яковлевич много работал не только днем, ночами он подолгу засиживался над книгами, читая отнюдь, не беллетристику, делал, видимо, важные записи.

Николай Тихонович отмечает также глубокие знания, эрудицию Петра Яковлевича, искренне признаваясь, что «он всегда стоял выше меня». В заключение воспоминаний Брюханов не забывает и тот факт, что Петр Яковлевич много помогал ему по жизни. «Он был Человеком в лучшем понимании этого слова. Таким остался он в моей памяти».

Вера Петровна освободилась раньше, но в Свердловск сразу не вернулась, а поехала из Магадана в Норильск, чтобы поддержать мужа. С большим трудом попала на последний рейс теплохода и полтора месяца добиралась до Норильска. Встреча супругов произошла через девять с половиной лет разлуки! Дома ждала дочка Кама и родные люди, Вера Петровна надеялась, что родственники ее поймут, делала все, что могла, чтобы поскорее увидеть свою доченьку. Последнее время отбывания срока Вера Петровна работала на вышивальной машине и многому научилась. Когда приехала в Норильск, на комбинат устроилась работать не сразу. Взяла машинку на прокат, выполняла заказы дома: вышивала красивые скатерти, салфетки, воротнички, делала очень красивые абажуры. Копила деньги на билет для Камы хотя бы в один конец, то есть в Норильск.

Привезти дочку к родителям помог счастливый случай. Знакомая женщина отправлялась на Украину, и Вера Петровна уговорила ее заехать за Камой в Свердловск на обратном пути. Девочку привезли в порт Дудинка, когда ей было почти 14 лет, и она увидела своих родителей, которых уже не помнила.

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Наконец Ярутины стали жить семьей. Кама продолжила учебу в школе, в шестом классе. Забегая вперед, следует сказать, что после окончания школы уехала в Свердловск, поступила в Уральский госуниверситет на факультет химии. Преподавала в школе этот предмет, затем перешла работать в Механобр.

В 1951 году в семье Ярутиных родилась вторая дочка Леночка. Семья вернулась в Свердловск в 1956 году. Петр Яковлевич пришел на работу в родной Горный институт на кафедру обогащения полезных ископаемых (ОПИ). Работал старшим научным сотрудником, преподавал до 1977 года. Последние годы часто брал короткие неоплачиваемые отпуска по состоянию здоровья.

Я читала личное дело Петра Яковлевича и была поражена его преданностью институту, своей профессии, исполнению гражданского долга. В последнем заявлении относительно увольнения, Петр Яковлевич пишет искренне и трогательно. «За время моей работы мною одним и в соавторстве написано около 20 статей, опубликованных в трудах института. Я очень благодарен за предоставленную мне работу, которая скрасила мои годы старости (я не чувствовал себя излишним и не нужным человеком). Теперь, уходя на отдых, я по мере моих сил буду продолжать работать на общественных началах, выполнять то, что мне будет поручено. Я прошу уволить меня с 7 мая 1977 года. 18 апреля 1977 года». Личная подпись. Это произошло ровно через 40 лет после ареста.

Что говорить о партийной принадлежности! Петр Яковлевич беспредельно верил партии, в ее идеалы, в ее кристальную честность. Для этого хочу привести такой факт из его биографии. Когда в тридцатые годы начались аресты честных людей, еще не достигшие огромных размеров, народ верил, что арестовывали действительно врагов советского народа. Верил и Петр Яковлевич. Но однажды ночью пришли и за ним. Что мог он чувствовать в этот миг? Разуверился в партии? Трудно сказать. Судьба сложилась так, что будучи в заключении в Норильске Петр Яковлевич

познакомился с Владимиром Ивановичем Макаровым и они дружили много лет. Еще один норильчанин П. М. Афанасьев входил в троицу, которая отбывала срок в Норильске. В статье «Да, это было...», которая вошла в сборник «Завещание» (Средне-Уральское книжное издательство, 1989 год) Петр Михайлович лишь бегло упоминает о Ярутине.

Еще приведу показательный факт верности П. Я. Ярутина делу партии. Получив документы о реабилитации, Петр Яковлевич все еще не был восстановлен в партии. Это тревожило его, он хотел добиться полной справедливости и поэтому решил обратиться к Хрущеву. Вот выдержка из обращения. «В ЦК КПСС Советского Союза тов. Хрущеву Н.С. от бывшего члена коммунистической партии, проживающего в г. Норильске. Я был членом коммунистической партии с 1918 года. Никогда не был в оппозиции. 5 августа 1937 года был осужден выездной Военной Коллегией Верховного суда СССР сроком на 10 лет тюрьмы и 5 лет поражения прав по ст. 58 п. 11 и 58 п. 8. За три месяца меня сделали троцкистом-террористом на основании ложных показаний Головина В. Ф. и Бобылева Н. А., ранее осужденных.

Мне 59 лет, жизни осталось мало, но мне страшно умирать оклеветанным, оставлять в наследство детям, родным и друзьям позорное клеймо врага народа. Я обращался к XVIII съезду партии, мне хотелось, чтобы мой голос был услышан, но не достиг этого. Я обращаюсь к Вам, тов. Хрущев как к Генеральному Секретарю нашей коммунистической партии, прошу услышать меня и снять клеймо, вернуть партбилет отобранный у меня следователем. Партийная справедливость требует этого.

15. 06. 1954 года.

Ярутин».

Письмо, обращенное к Генеральному секретарю ЦК КПСС говорит о том, как честен был Петр Яковлевич, как дорожил он чувством достоинства и стремился сохранить это чувство, попранное чудовищной машиной репрессий. Петра Яковлевича в партии восстановили и, будучи старшим научным

сотрудником на кафедре ОПИ, он был избран парторгом кафедры. Вот еще один важный документ: Определение №4н-04223/55.

«Военная Коллегия Верховного Суда СССР «....» рассмотрела в заседании 29 апреля 1955 года Заключение Главного Военного Прокурора на приговор Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 5 августа 1937 года, которым по ст. ст. 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР осужден Ярутин Петр Яковлевич к тюремному заключению сроком на 10 лет, с поражением в правах на 5 лет с конфискацией имущества и на постановление Особого Сопещения при МГБ СССР от 2 декабря 1950 года, которым Ярутин П. Я. сослан в ссылку на поселение». Далее идет повтор придуманных обвинений, которые не имеет смысла повторять, возьмем главное: «Установлено, что в 1937-38 годах бывшими ответственными работниками УНКВД Свердловской области были допущены массовые необоснованные аресты советских граждан, за что бывший начальник УНКВД области Дмитриев и другие осуждены». (Читайте расстреляны; теперь уничтожаются те, кто по приказу вершил злодеяния).

«Главная Военная Прокуратура в своем заключении ставит вопрос в отношении П. Я. Ярутина дело о нем прекратить на основании ст. 4п. 5. УК РСФСР. Военная Коллегия Верховного Суда СССР определила: «Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 5 августа 1937 года и Постановление Особого Сопещения при МГБ СССР от 2 декабря 1950 года отменить и дело о нем за отсутствием состава преступления прекратить. Председательствующий полковник юстиции Лихачев, члены: полковник юстиции Дашин, майор юстиции Внуков».

Примеры верности Ярутина партии и Сталину я привела для того, чтобы было понятно, как глубоко была вдолблена эта верность нам в головы, эта любовь к вождю, если такие образованные люди не могли выкорчевать из себя корни этой любви, хотя уже была вполне очевидна его лицемерная изуверская политика. Поэтому и сейчас многие, особенно те, кого не коснулись репрессии, готовы защищать имя Сталина.

Петр Яковлевич Ярутин скончался в 1979 году. Газета «Горняк» горного института в № 8 от 28 февраля дала большой некролог об этом незабываемом человеке. Жена, Вера Петровна прожила, длинную жизнь, какая отведена человеку: она не дожила 40 дней до 102 лет. В дни столетнего юбилея Веры Петровны мы вдвоем с председателем общества «Мемориал» А. Пастуховой навестили её. Когда мы шли к Ярутиным, представляли почему-то Веру Петровну очень худенькой. Было приятно увидеть эту замечательную женщину справной, моложавой, с гладким без морщин лбом, а волосы чуть подернуты сединой. Ухоженной в чистой уютной комнате, благодаря стараниям дочери Елены Петровны и ее мужа Алексея Сергеевича. С ними она жила всю жизнь, помогала воспитывать внуков.

Вера Петровна охотно поддерживала оживленную беседу, а зять пошутил: «Вера Петровна меня в обиду не дает, мы с ней живем дружно». Елена Петровна рассказала, что мама до сих пор хорошо слышит, со зрением, правда, появились проблемы, и немножко память изменять стала, до 98 лет память у мамы была отличная. Мы смотрели на Веру Петровну и любовались ею: удивительное дело, столько горя пережила эта женщина, но вопреки всем бедам прожила долгую жизнь. Умерла Вера Петровна в 2010 году. Похоронена рядом с мужем на Широкореченском кладбище.

Мне повезло: я видела эту супружескую пару, хотя и порознь, но уже после ссылок, тюрем, трагических потрясений. Как радостно было видеть их в полном душевном равновесии, сохранившими любовь к жизни, к труду, к обществу.

Я не коснулась дочерей Ярутиных, могу сказать о них очень коротко. По приезду в Норильск Кама была уже в подростковом возрасте. В порту Дудинке ее встречал Петр Яковлевич. Кама вспоминает:

«Папа сказал: иди ко мне, взял меня на руки и стал обнимать. Дверь квартиры нам открыла мама, увидев меня, заплакала».

Норильск очень удивил девочку: белые ночи, можно не

спать, а читать за ширмой, где для нее были отгорожены кровать и стол для занятий. По воспоминаниям Камы Петровны, она очень быстро адаптировалась и привыкла к суровому климату. А тринадцатиметровая комната в коммунальной квартире, оказалась уютной и удобной. Было много вышитых салфеточек, подушек-думочек, сделанных руками Веры Петровны. «Свердловская мама» Анна Петровна девочку к труду не привлекала, оберегала. А родная мама стала всему учить: мыть полы, убирать в доме, каждую субботу стряпать печенье. Очень высоко ценила впоследствии Кама Петровна норильчан: открытые, доброжелательные, не притворные.

Леночка родилась в 1951 году. Разница в возрасте между сестрами большая, для маленькой сестренки Кама уже готовая нянька. Леночка дружила с ровесницей Оксаной, внучкой Владимира Ивановича Макарова, об этой дружбе она вспоминает с большой теплотой. Связь между семьями бывших заключенных продолжается всю жизнь. Елена Петровна в школу пошла уже в Свердловске. После школы поступила в Уральский политехнический институт, который закончила по специальности химик-технолог.

Молодожены Ярутины Вера Петровна
и Петр Яковлевич на отдыхе в
Севастополе. 1930 год.

Кама Ярутина. Фото для
родителей. Свердловск.

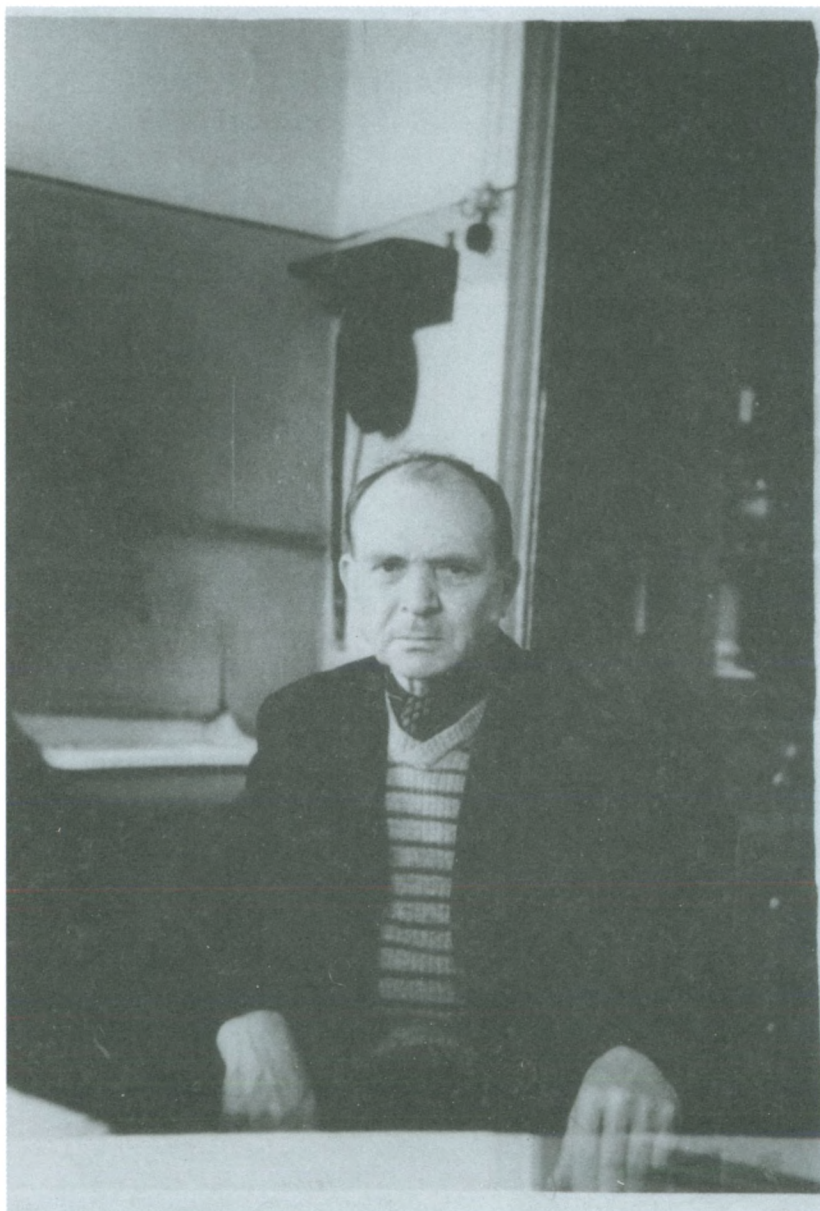
Ярутины с дочкой Камой. За 11 дней до ареста Петра Яковлевича.
Апрель 1937 года. Свердловск.

Вера Петровна, Петр Яковлевич, Кама. Норильск, 1948 год.

**Петр Яковлевич, Кама, Вера Петровна и маленькая Леночка.
Норильск, 1951 год.**

Петр Яковлевич в лаборатории. Норильск, 1950 год.

Первый ряд слева: Николай Тихонович Брюханов, Петр Яковлевич, Леночка, Анна Петровна Брюханова; стоят Вера Петровна, Кама. После возвращения в Свердловск, 1957 год.

Коллектив кафедры обогащения полезных ископаемых Свердловского горного института. Петр Яковлевич первый справа в первом ряду.

Петр Яковлевич в минуты отдыха в саду. Свердловск, 1964 год.

Елена Петровна и Петр Яковлевич. Свердловск, 1965 год.

Петр Яковлевич, 1974 год.

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХСУДА СССР

УЧТЕНС 1902 Копия верна

СЕКРЕТНО

№ _____
Докладчик _____
Прокурор _____
1941

Ед. кр. 8888
Опись № 2
Фонд № Р-1

ой Безоп
ий арх ГЛАОСО

к 04498
16. XII 1954

Особый фонд 7338

ДЕЛО по обв. Арутина
Петра Яковлевича

Р.1626

АРХ. № ~~958521~~

Фонд ПРЕКРАЩЕНИЯ ОВД "МАРШ" 2, том "1"

29470
г. Свердлов. обл.
находясь в производстве которого

ГЛАОСО
1937

по использовании дело должно быть возвращено
в ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ МГБ СССР

Фонд № Р-1
Опись № 2

Дело Ярутина П.Я., 1937 год.

Н. К. В. Д.

УГБ УНКВД Свердловской области

О Р Д Е Р № 210

Выдан, 16 Апреля 1937 г.

Действителен до исполнения

Сотру УНКВД

Тов. Яковлев и Зинаида

Вам поручается произвести обыск и

арест гр. Александр

Митра
Александрович

Проживающ. по ул. Малышева,

дом № 35, кв. 10,

Всем органам Советской власти и гражданам СССР надлежит оказывать законное содействие пред'явителю ордера, при исполнении им возложенных на него поручений.

Подпись
Врид. Нач. УНКВД
Катинский Г.С.

Ордер на арест, 16 апреля 1937 года.

Копия верна

^{мичков}
ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

4

1937 г. апрель 19 Мы, нижеподписавшиеся сотрудники Гидемиш 4-го от.
УНКВД по Свердл. обл. Яковсон и Црасс

в присутствии понятых: _____
_____ согласно ордера
отд. УНКВД от _____ для 1937 года за № _____

произвели ^{личная} обыск в квартире полтора, свид.

гр. Ярутина Петра Яковлевича проживающего по Маммилова ул., в доме № 85/2 при чем обнаружены 3 части

Ярутина Петра Яковлевича серия ДА № 749813

сроком на пять лет, выданный Асбестовским

Упр. Сибг. РКМ 3 июля 1936 года, 2) паспортный

билет № 0949755 на имя Ярутина Петра Яковлевича,

выданный Асбестовским Упр. Ком. РКМ 3 июля 1936 г.

3) заграничный паспорт с различными датированными

и датированными и 4) разряд березовый, № 111544

При обыске арестованы Ярутин Петр Яковлевич

Подпись лиц производивших обыск Яковсон

Правильность означенного протокола и отсутствие каких бы то ни было злоупотреблений во
время обыска удостоверяем (подписи хозяина квартиры и свидетелей) Яковсон

Копия протокола по делу Я...

Копия верна

С. С. С. Р.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Управление Государственной Безопасности по Свердл. обл.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

1937 г. апрель мес. 19 дня. Свердловский обл. ЧОД ЧУБ

(должн. наимен. органа, фамилия)

Чиндякин М. П. Суров допросил в качестве следователя

1. Фамилия Ярутин
2. Имя и отчество Петр Яковлевич
3. Дата рождения 1895г.
4. Место рождения д. Сокашье, Свердловской губ. Свердловска
5. Местожительство г. Свердловск, ул. Малышева 35/а, кв. 10
6. Нац. и гражд. (подданство) Русский, севр.

7. Паспорт _____
(когда и каким органом выдан, номер, категор. и место прописки)

8. Род занятий Сержант инспекции дознаний
(место службы и должность)
9. Социальное происхождение кр. не бедный
(род занятий родителей и их имущественное положение)

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)

- а) до революции сын ку-лака
- б) после революции служащий

11. Состав семьи жена Ярутина Вера Петровна, рязанец
(линии родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)
младшей растет ткачиха, дочь Кошала Зина
живет в г. Свердловске ул. Малышева
№ 35/а кв. 10. Ярутин

Протокол допроса, 19 апреля 1937 года.

53

П Р И Г О В О Р

ИМЕНЕМ СООЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.

Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР, в составе: председателя Дивв.сенюриста Л.М. РЫКОВА, членов: бригадсенюристов И.М. ЗАРЬНОВА и Г.А. АЛЕКСЕЕВА, при секретаре военном юристе Н.В. КОЗЛОВЕ, в закрытом судебном заседании в городе Свердловске, 5 августа 1937 года, рассмотрела дело по обвинению: ЯРУТИНА Петра Яковлевича, 1895 г.р., служащего, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлена виновность ЯРУТИНА в том, что он с 1933 года являлся участником к.р. троцкистско-виновьевской террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 года злодейское убийство тов. С.М. КИРОВА, по заданию организации в 1938-36 гг. среди студентов Свердловского горного института проводил кр. троцкистскую пропаганду и в советской антисоветской деятельности был организационно связан с троцкистами - БОБЫЛЕВЫМ, ДЬЯКОВЫМ и ГОЛОВИНЫМ, т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР Военная Коллегия Верховного Суда СССР

П Р И Г О В О Р И Л А :

ЯРУТИНА Петра Яковлевича к тюремному заключению сроком на ДЕСЯТЬ лет с поражением в политических правах на ПЯТЬ лет, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Срок наказания осужденному зачесть предварительное заключение с 19 апреля 1937 года.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председательствующий Дивв.сенюрист - РЫКОВ

члены : Бригадсенюрист - ЗАРЬНОВ

Бригадсенюрист - АЛЕКСЕЕВ

ВЕРНО: Секретарь Военной Коллегии
Верховного Суда СССР
Всенюрист 3 ранга - КОЗЛОВ

ВЕРНО: *Имен. #119*

Протокол допроса
Арсения Арутиняна Петра Ивановича

3 мая 1937 года
Арутинян Петр Иванович
1895 года рождения уроженец
дер. Соколова Свердловского р-на
обл. Свердловска. До ареста
инженер доцент Горного Ин-
ститута, Б. Мен Вост

Вопрос: Признаете ли вы себя винов-
ным в предъявленном вам обвинении
по ст. ст. 58-10/11 и 17-58-8 УК.

Ответ: Виновным себя в предъявленном
мне обвинении не признаю, да иском.
хотел того что я, как ален пардиз
в 1934 году, будучи директором Горного
Института в гор. Свердловске не довел
до сведения партийной организации о
выходе, Москве комсомольской
партии в документах партия и член
комсомола Чарван со стороны партия
Бодилев Николай Александрович Хобинского
в то время членом партии, а организатор
многом вынужден, но что он был обвине-
н, что он, якобы обвинен, др.
Якобы сказал неосознанно. Зависимо
с моих слов правильно, много проиграно
в чем и расписано 17 ст. 7

Допросил Понев Уполн. суд. Чобид.
Младш. лейт. Пасф. Бодилев. Т. Пасф.

Копия верна

39

3

Входил в состав контрреволюционной прошкинско-зюльевской террористической организации на Урале и по ее заданиям в 1933-36г.г. проводил контрреволюционную работу среди студентов Свердловского Горного Института,

т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР.

ЯРУТИН, П.Я. подлежит преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР, с применением закона от 1/ХП-1934 года.

Опер. Уполномоченный
1 Отделения 4-го Отдела УГБ
Мл. лейтенант Гос. Безопасности

(ЧУГАЕВ)

СОГЛАСЕН: Нач. 4 Отдела УГБ УНКВД
Капитан Гос. Безопасности

(РЕВИНОВ)

С П Р А В К А

1. Вещественных доказательств по делу нет.
2. Обвиняемый ЯРУТИН, П.Я. содержится под стражей в Свердловской тюрьме с 9/IV-1937 года.

Опер. Уполномоченный
1 Отделения 4 Отдела У Г В
Мл. лейтенант Гос. Безопасн.

(ЧУГАЕВ)

" Июнь 1937г.
г. Свердловск

М.М.

Справка о содержании под стражей Ярутина П.Я. в Свердловской тюрьме.

Копия верна
143

С. С. С. Р.
Н. К. В. Д.

УПРАВЛЕНИЕ ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ
УРАЛЬСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Дело № 164

Поступило: 13 июля 1937 г.
Докладчик тов. Сонкин
Прокурор тов. Должанов
Рассмотрено: 1937 г.
Г100021

66481
8
1940 г.

ДЕЛО № 23113

не обвинена Ярутиной
Веры Петровны

Свердловская область
№ 2
15489

260570

260570

ТОМ № 1

Имя 28. Август 1937 г.
ФОНД ПРЕВРАЩЕННЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ
Отчество 1937 г.

16700

Дело Ярутиной В.П., 26 августа 1937 года.

С. С. С. Р.

Н. К. В. Д.

УНКВД Свердловской области

Талон ордера № _____

Начальнику УСО _____

Сообщаю, что сего числа по требованию № _____

Отдела _____
выдан ордер сотруднику _____

Отдела _____
тов. _____

на производство обыска и ареста на гр-на

О Р Д Е Р № 9

27 августа 1937 г.

Исполнителен 3 суток

длинку

Юдославская
ул. Митинская
и поручается произвести обыск и

гр. Ярутина
Ера Петровна

Имя ордера

Малышева
от 352 кв. 10

ВРЕМЯ И МЕСТО

Подпись _____

_____ 1937 г.

ем органам Советской власти и органам СССР надлежит оказывать за-
е содействие пред'явителю ордера,
сполнении им возложенных на него
ений.

Подпись _____

Примечание: Этот талон печатается в книгах ордеров на арест в УНКВД.

Ордер на арест Ярутиной В.П., 27 августа 1937 года.

Копия верна

УТВЕРЖДАЮ

И. И. Назаров по Свердлов. сот.

(подпись)

193

с.с. Свердловской Т. П.

Постановление

об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения

Город Свердловск 193 г. сентября дня. Я от Уголов.

Сектор следств. Отд-ния Б отдела Свердловск (должность и фамилия)

Управления НКВД по Свердловской области, рассмотрев следственный материал по делу № 2113 и приняв во внимание, что гр-н Иртыган

Вера Александровна, 1908г. рочен.

остаточно изоблачается в том, что она, будучи женой осужденного за к.р. Гроукинского действительности - Иртыгана Петра Яковлевича, проживала совместно с супругом с 1930 года до момента его ареста. Знала о проводимой к.р. действительности супругом, но органам сов. власти не сообщала, а потому

Постановил:

Гр. Иртыган В. П. привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст. 58-12, 17, 58-85 НК, мерой пресечения способов уклонения от следствия суда избрать содержание под арестом

„СОГЛАСЕН“

Уполномоченный Косыркин И. И.
И. И. Назаров
Нач. Отд. Погодин

Настоящее постановление мне объявлено 26 сент. 1937 г.

Подпись обвиняемого Иртыган

Народному Суда
 Г.Н.К.В.Ф. из Свердловской области
 Министру Т.Б.и. Канцелярии
 Рязани.

При аресте Ярутиной Веры
 Ивановны была найдена одна из ее дочерей
 Ярутина Вера, ребенка девяти
 лет, мать была и находилась ее соседка
 сестра, находящаяся в этот же квартире
 и зная об арестованной женщине, не со-
 общила родителям в семье Ярутиной.

Комитетом с участием в Рязани
 проведена Ярутина Виктория
 но она не знает отца и матери
 в виду того что находилась в опе-
 чинной комиссии. Отмечается
 что находилась в Комитете

1. Делами в литературе до конца
2. Комитет с Рязанью
3. Мать и отец в семье и матерью
 Веры Ярутиной.
3. Ярутиной в Рязани и в Комитете
4. Ярутиной в Рязани с матерью.
 Отец и доверенное лицо

Министр 1-го отдела
 Д.Н.К.В.Ф. Гусев

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1937 г. 7 сентября 17 дня, Я, Смирнов И. В. (должность, наименование органа, фамилия)
Канчабадзе допросил в качестве обвиняемого

1. Фамилия Ярутина
2. Имя и отчество Вера Тейтровна.
3. Дата рождения 1908 г. роисс.
4. Место рождения Сысертовский завод. Свердлов. обл.
5. Местожительство г. Свердловск, ул. Малышева д. 35 к. 1
6. Нац. и гражд. (подданство) русская - есер.

7. Паспорт ДП № 711114, выданный Свердловским
гос. отд. РКМ, 3/11/36 г. Крайне опасн. и отб. ДКМ
(когда и какому органом выдан, номер, категор. и место прописки)

8. Род занятий художница по ткани, «Союзткань»
(место службы и должность)

9. Социальное происхождение из семьи рабочего Свердл. обл.
Васильева Ивана совет. зам., до революции кулацкая
либо еще была.
(род занятий родителей и их имущественное положение)

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)

а) до революции на внедренном положении.

б) после революции служащая.

11. Состав семьи Вера Васильевна 1933 г. роисс.
(ближайшие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)

Васильев Василий Тейтров мич. 43 года мич.
в заводе Свердл. обл. Брат Василий Яковл.
34 года рабочий художественно-скульптурный
Вера Васильевна находилась у сестры Анны по пр.
Брохановой, ул. Малышева 35 к. 1.
Друж.

Копия верна л. 11

УТВЕРЖДАЮ
Пом. Нач. Управления НКВД
по Свердловской области -
Ст. Лейтенант гос. безопасности

(Ардаев)

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу № 23113, по обвинению
ЯРУТИНОЙ Веры Петровны.

ЯРУТИНА Вера Петровна, является женой члена к-р. троцкистской организации - ЯРУТИНА Петра Яковлевича, осужденной Военной Коллегией Верх. суда Союза ССР за к-р. троцкистскую деятельность, в августе 1937 г. к В М Н, с которым она совместно проживала с 1930 г. до момента его ареста.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ОБВИНЯЕТСЯ:

ЯРУТИНА Вера Петровна, 1908 г. рождения, уроженка Сысертского завода, Свердловской области, русская, происходит из крестьян, беспартийная, в партии не состояла, служащая, образование - школе 7-летка, по специальности художник, в том, что является женой осужденного к В М Н члена к-р. троцкистской организации.

Учитывая ее социальную опасность, -

П О Д А Г Л А Д Ы:

Дело № 23113, по обвинению ЯРУТИНОЙ Веры Петровны направить на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР.

Оперуполном. 2 отд-ния УНКВД
(Рогачевских)

СОГЛАСЕН:

Вр. Нач. 2 отделения УНКВД -
Мл. Лейтенант гос. безопасности
(Продетович)

Обвинительное заключение.

V1

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР
от „ 27 “ сентября 1937 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
32. Дело № 23113/Свердл. ЯРУТИНОЙ Вере Петров- не, 1908 г.р.	ЯРУТИНУ Веру Петровну - как члена семьи изменника родины - заключить в ис- правтрудлагерь (Нарым), сро- ком на ВОСЕМЬ лет, считая срок с 28/УШ-37г. Дело сдать в архив.

Отв. Секретарь Особого Совещания

[Handwritten signature]

Выписка из протокола о заключении в исправтрудлагерь (Нарым),
27 сентября 1937 года.

Копия верна 2466

Верховного Суда СССР от 29 января 1955 года прекращено
за отсутствием в его действиях состава преступления.
Рассматривая материалы дела, Военной трибуналы
Оккупации находит против обоснованными и, соглашаясь
с приведенными в нем фактами,

О п р е с е л и л:

Лосиановиче Особого совещания при НКВД СССР
от 27 сентября 1937 года в отношении Ярутиной
Веры Трифоновны обвинить и дело о ней за отсутст-
вием в ее действиях состава преступления дальней-
шим производством прекратить.

Председательствующий Л. В. Велле

Члены: А. Ярутин

Д. С. Смирнов

Постановление о прекращении дела Ярутиной В. П.

VI ИСТОРИЯ ПОКЛОННОГО КРЕСТА

Что ни говорите, но в мире существует явление, недоступное пониманию человеческого разума. Явление это именуется Провидением Божьим.

За мою долгую жизнь не раз приходилось сталкиваться с этим явлением. Как и кем оно осуществляется, какими путями следует, никому не ведомо. Но оно всегда достигает своего предназначения, исполняя святую миссию. Случайность ли это? Подумайте.

1967 год. Для одних – это год 50-летия Октябрьской революции, для других – 30 лет с начала Большого террора. Каждый человек воспринимал этот год по-своему. Именно в этом году произошло событие, величайшее по своей значимости для тысяч и тысяч граждан города, области и других городов. Оно открыло устрашающую тайну, по своему значению и масштабам превосходящее все остальное в неисчислимом количестве раз. И выпало оно на долю ведомства МВД (тоже случайность?) поэтому разглашению не подлежало много лет.

А началось все с того, что появилась необходимость к памятной дате революции на месте старого стрельбища соорудить два современных тира для стрельбы из пистолета и для стрельбы из винтовки. Начались работы в лесной зоне вблизи Московского тракта. Бульдозер готовил площадку, вскрывал грунт. Три дня работа шла как обычно, но на четвертый день ковш экскаватора зачерпнул вместо земли... человеческие скелеты: черепа, кости... Наверное, экскаваторщик мог поседеть в эту минуту.

О находке доложил немедленно, приехало начальство. С него взяли подписку о неразглашении. Огромную яму зарыли, насыпали вал, посадили молодые деревца, дикие яблони, сосенки. И успокоились. А тракторист Николай 21 год носил в душе этот тяжкий груз!

Но времена меняются. В конце восьмидесятых появились статьи в газетах, сообщения по Свердловскому областному радио о раскрытии этой черной тайны. Многие журналисты писали о ней в местных изданиях: Р. Печуркина, Г. Шеваров, Т. Молчанова. Но самым пронзительным было сообщение журналиста Александра Левина о том, что он увидел и даже через пять лет не мог забыть. Ему и фотокорреспонденту Льву Баранову удалось присутствовать при раскопках и работе криминалистов на месте вскрытия захоронений. Это было страшное зрелище, когда на поверхность из ямы подняли множество человеческих скелетов: тазовые, берцовые кости, позвонки, стопы ног – все составные части скелета, и много черепов с пулевыми отверстиями в затылке, на некоторых по два. Выстрелы производились из револьвера системы «наган», какие были в то время на вооружении органов НКВД. Находили алюминиевые котелки, ложки, кружки и даже «Удостоверение ударника производства». Когда закончился осмотр, привезли заключенных, пригнали машину, погрузили все останки и увезли в неизвестном направлении. Фотоснимки были опубликованы в газете. Шел 1988 год.

Но почему же для строительства тиров было выбрано именно это место с тайными захоронениями? Могли выбрать другое. Случайность? Ведь прошло всего 30 лет, срок для забвения чудовищной расправы над невинными жертвами маловат. Или те, кто были причастны и выполняли эти казни все поумиралы? Или спокойно благоденствовали? Мне это не известно. Но я верю в то, что кажущаяся случайность, более доступная нашему пониманию, в данном случае, – это и есть Провидение Божье. Оно привело сюда людей, чтобы дать душам, страждущим по загубленным родственникам, хоть какую-то долю успокоения. Указало место,

куда можно прийти помянуть и поклониться их праху.

Когда появились публикации в газетах, многие родственники, дети репрессированных стали писать авторам статей, спрашивая: как же найти место захоронения погибших? В «Литературную газету» написал автору статьи Юрию Щекочихину житель Новосибирска и выразил мысли многих тысяч пострадавших: помочь найти информацию о захоронениях. Люди продолжали мучиться в неведении. Вот что он написал: «В 1937 году я лишился отца и деда, в 1956 году узнал об их смерти и реабилитации. Все эти годы совесть моя не знает покоя. Какой же я сын и внук, если не могу поклониться их могилам?». Для того, чтобы совесть была спокойна, родственники начали искать места захоронения. В их числе оказалась и я.

В 1991 году был издан закон «О реабилитации жертв политических репрессий» и принято решение отмечать ежегодно 30 октября как День памяти жертв политических репрессий. Тогда-то и началось сооружение Мемориала скорби. По существу – мемориального кладбища на 18 тысяч расстрелянных в 1937-1938 годах, большинство из которых были в расцвете жизни: от 40 до 45 лет, среди них 701 женщина.

Активно пришлось поработать над созданием Мемориала скорби председателю Свердловской областной Ассоциации жертв политических репрессий А. А. Кривоногову. Благодаря его жизненному опыту удавалось решать сложные вопросы, которых возникало немало. Очень кропотливую работу по составлению списков в алфавитном порядке, соответственно документам, для более доступного и быстрого поиска родных имен, выполнили активисты областной Ассоциации жертв политических репрессий Ю. Н. Вершинина и Ю. В. Смирнова.

Благодаря властям города, строителям «Свердловскгражданстроя» и главе администрации, в то время А. М. Чернецкому, первую очередь комплекса завершили в положенный срок. Выполнялся он по проекту архитектора А. С. Булыгина. Плиты с именами погибших, укрепленные на

бетонных стелах, отлиты в мастерских г. Нижнего Тагила. Все 18 тысяч имен: фамилия, инициалы, год рождения, тире – год смерти: расстрельные годы 1937-1938 у всех общие. Памятник жертвам репрессий такого масштаба на сегодняшний день в России только один. Он объединил все религии, все национальности, все сословия.

Вот к этому Поклонному кресту дважды в год – в конце июня (в родительскую субботу) и перед 30 октября, (официальным Днем памяти жертв политических репрессий) – приезжают люди со всей области и городов, лежащих за ее пределами. В 1992 году, 10 июня, состоялось перезахоронение останков безвинно погибших. Александр Васильевич Носов сам находился в заключении с 1942 по 1952 год. Здесь находится прах его отца, Василия Егоровича Носова, расстрелянного 21 сентября 1937 года. Александра Васильевича уже нет среди нас, но он оставил замечательную память о своем отце и о себе.

12 км Московского тракта – место захоронения расстрелянных.

ПОКЛОНИМСЯ БЕЗВИННО ПОГИБШИМ

Стояла осень на дворе, привычно хмурилась погода,
Отца казнили в сентябре, того, тридцать седьмого года.
Нас было девять у отца, и в августовский страшный час
Мы облик милого лица увидели в последний раз.

Сквозь годы страха и печали так долго, трудно правда шла,
Но мы и верили, и ждали и, наконец, она дошла.
И вот сквозь режущие строки и в пол-листа расстрельный акт
Я зримо вижу, как далеко их прятал тайно и глубоко
В полуночи Московский тракт.

Мы не божились на кресте, но знали и без книги судеб,
Что на двенадцатой версте злу срока давности не будет...
...Стояло скопище народа, и пламя свеч клонило к ветру.
Несли три кумачовых гроба к двенадцатому километру.

Безмолвный лес и скуп, и беден, был спуск к могиле прям и крут.
Священник отслужил молебен, и эхом отзвучал салют...
А мы, собратья во Христе, обряд печальный совершили.
И на двенадцатой версте отцов БЕЗ ИМЕНИ зарыли.

А.В. Носов.

11 июня 1992 года.

Тогда еще не были отлиты стелы с именами, но при жизни Александр Васильевич успел их увидеть. Светлая Вам память, Вы много сделали для того, чтобы Мемориал скорби был возведен.

Р. S. 15 ноября 2017 года состоится открытие памятника Маски Скорби. Европа – Азия. «Каменные слезы» по проекту скульптора Эрнста Неизвестного.

Содержание

К ЧИТАТЕЛЮ	3
I СУДЬБА МОЕГО ОТЦА	5
II ТРИ ЖЕРТВЫ	85
III ДЕТЕЙ НЕ ПОЩАДИЛИ.....	109
IV ВЕЧНЫЕ СКИТАЛЬЦЫ	127
V КОЛЫМА – НОРИЛЬСК	136
VI ИСТОРИЯ ПОКЛОННОГО КРЕСТА.....	181

Список литературы

1. Войно-Ясенецкий В. Ф. (Святитель Лука). Я полюбил страдания. «ОБРАЗ», Москва, 2006.
2. Гинзбург Е. Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. Астрал-Аст, М., 201
3. «Завещание», Средне-Уральское книжное издательство. Свердловск, 1989.
4. Стивен Коэн. Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв. Издательство «АИРО», Москва, 2011.
5. Носов А. В. Мемориал скорби. Информационно-правозащитный центр «Мемориал», Екатеринбург, 1997.
6. 1937-й. Статьи и документы. Международное общество «Мемориал», Москва, 2007.
7. Шаламов В. Колымские рассказы. Изд-во «Эксмо», 2008.
8. «Уральский рабочий», 1936– 1938; 1987-1988.
9. «Вечерний Свердловск», 1987- 1988.

Документально-публицистическое издание.

Нина Францевна
ГАРЕЛЫШЕВА

В жерновах репрессий

Редактирование и компьютерный набор автора.
Фото из архивов и Н. Гарелышевой.

*Автор приносит извинение
за пропущенные ошибки*

Подписано в печать 30.10.2017 г.
Формат 60x84 1/32 Гарнитура Calibri
Печать офсетная. Бумага ВХИ.
Тираж 200 экз. Заказ № 12056

Отпечатано
в ОАО «Режевская типография»
623750, Свердловская область, г. Реж,
ул. Красноармейская, 22,
тел.: (34364) 3-50-03, 3-15-32

Памяти узникам УНЖЛАГА

Когда книга была уже сверстана, пришло письмо от Татьяны Витальевны Новожиловой, директора Тимошинской средней школы, Макарьевского района. Я познакомилась с ней в 2002 году, когда искала место гибели моего отца, погибшего в Унжлага. Вот что она сообщила:

«На левом берегу реки Унжи, в 16 км от Макарьева, по дороге в село Тимошино установлен Поклонный крест «Жертвам сталинских репрессий системы исправительно-трудовых лагерей «Унжлаг». Проект памятника разработан известным костромским архитектором Ф. Л. Ивановым. Создавался этот памятник по инициативе президента компании АКВАЛЕС-групп О. Н. Нумерова, отец которого был политическим репрессированным и реабилитирован посмертно.

Основой восьми метрового креста взяты рельсы заброшенной узкоколейной железной дороги, связывающей некогда различные лагерные пункты и лесозаготовки Унжлага. Это сооружение стало памятником всем жертвам, долгие годы лежавшим на костромской земле без креста, поминовения и молитвы. Крест был освещен 30 августа 2009 года архиепископом Костромским и Галичским Александром при большом скоплении народа: представителей администрации области и района, общественных организаций, родственников тех, кто прошел через систему Гулага. С тех пор, каждый год 30 августа, здесь проходит День поминовения и молитвы за души безвинно погубленных».

ВСЕМ ПОГИБШИМ ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

Фото С. П. Михайлова, г. Макарьев

Узкоколейка проложена на костях человеческих. На каком-то из ее участков погиб и мой отец. Сколько леса надо было вырубить для прокладки дороги, пользуясь только обыкновенной пилой, да топором. Истощенные голодом заключенные, обутые в лапти, страдали от холода и болезней. Сколько деревьев вырублено, столько и жизней загублено, если «каждый день умерших считали десятками и вывозили машинами».

